



## "Неожиданный визит"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы  
в онлайн-библиотеке  
[mir-knigi.org](http://mir-knigi.org)

ПРОЛОГ

Пит Блейк резко нажал на педаль тормоза. Черт, ну и дорога! Из-за постоянного напряжения юноше казалось, что он ведет машину уже много часов, хотя этот жуткий отрезок горной дороги его новенький «порше» преодолел всего минут за сорок. Весь маршрут представлял собой какую-то немыслимую спираль. словно с борта самолета Пит разглядел несколько деревушек у подножия гор, казавшихся отсюда игрушечными.

Солнце опускалось за горизонт. Почувствовав легкий озноб, Пит поежился и включил обогреватель. Ему очень хотелось добраться в Женеву до наступления темноты. Но еще через двадцать минут юноша понял, что это ему вряд ли удастся. Стало быстро смеркаться, и спустя какие-то четверть часа кругом царил кромешный мрак, и не только потому, что зашло солнце, а больше оттого, что дорогу с двух сторон стиснули стены деревьев. В этой внезапно сгустившейся темноте следовало бы снизить скорость, но Пит был слишком взвинчен, чтобы здраво рассуждать.

Спуск становился все круче, дорога – еще более извилистой. В придачу ко всему стал накрапывать дождь. Пит стиснул зубы, мечтая только об одном – поскорее попасть в Женеву, где его ждали тепло и еда. Иногда деревья с правой стороны дороги редели, и тогда он видел бархатную синеву неба, а где-то внизу вдали – мерцание огней, напоминавших о том, как глубока разверзающаяся под ним пропасть. Красивое лицо Пита Блейка было мрачнее тучи. Оснований для этого было предостаточно! День не задался с самого утра. Все шло наперекосяк. А уж обед с сестрой Ребеккой в маленьком парижском ресторанчике окончательно его доконал. Ему всегда казалось, что сестра – именно тот человек, который способен понять мотивы его поступков, она никогда не оставляла его в трудную минуту. Но сегодня они разругались в пух и прах прямо в ресторане. Вместо того чтобы войти в его положение и оказать помощь, Ребекка принялась читать нравоучения. В конце концов их разговор на повышенных тонах начал привлекать внимание других посетителей, и Пит с Ребеккой поспешили расплатиться и уйти. Расстались они холодно, недовольные друг другом.

С раннего детства красавчик Пит знал, что никто не может ему ни в чем отказать. Прелестный мальчик занимал особое место в сердце матери. Ему сходило с рук практически все, что угодно. После того как мама неожиданно умерла еще совсем молодой, о нем с такой же нежностью и терпением продолжала заботиться Ребекка. Она многие годы мирилась с постоянными вспышками раздражения Пита принимала, хотя и не одобряла, образ жизни любимого братца, прощала ему слабости и выплачивала его долги. Ее сегодняшняя неуступчивость оказалась для Пита неожиданной, словно гром с ясного неба.

После неприятного разговора с сестрой Пит вернулся в свой номер в гостинице и, не пожелав даже переночевать, наскоро собрал вещи и поспешил в гараж, где его ждал шикарный новенький «порше». Они, казалось, были созданы друг для друга – высокий стройный юноша с копной блестящих черных волос и автомобиль цвета воронова крыла. Пит влюбился в эту машину с первого взгляда. Но теперь он раздумывал над вопросом, где раздобыть денег, чтобы оплатить счет за нее. Именно в этом ему и отказала Ребекка. Надежда была только на родственника в Женеве... В ресторане Ребекка пыталась увещевать его, твердя, что с маминым двоюродным братом они уже много лет не поддерживали отношений, что одалживать у него деньги неудобно и вообще... Ну и черт с ней! Он все равно найдет возможность оплатить эту машину!

Неожиданно дорогу перегородило упавшее дерево, которое Пит вовремя не разглядел из-за густой пелены все усиливающегося дождя. Юноша резко крутанул руль и нажал на тормоза, но было уже поздно.

Колеса беспомощно заскользили по мокрому покрытию дороги... Машина закрутилась на месте, а затем ее выбросило на скользкий и крутой склон. И роскошный черный «порше» полетел в пропасть, ровняя с землей все, что встречалось на его пути.

1

Неяркое осеннее солнце деликатно заглянуло в окно и нежно коснулось ресниц спящей девушки. Она открыла глаза, сладко потянулась и выбралась из постели. Какая роскошь – просыпаться каждое утро именно тогда, когда тебе хочется, а не вскакивать чуть свет, как все служащие. Как восхитительно бродить по дому в джинсах и футболке, а не в строгих элегантных костюмах, которые заставляют человека чувствовать себя мумией.

А самое лучшее – просыпаться в этом прекрасном доме, который она полюбила почти сразу, как только Артур привел ее сюда. Сначала дом, правда, показался ей холодным и высокомерным, похожим на тех предков Артура, которые его построили, но уже тогда очаровал ее строгим вкусом декора и великолепной коллекцией произведений искусства. Неудивительно, что Артур такой превосходный колорист, ведь он, должно быть, с детства впитывал в себя сам дух этого дома, его стиль, спал в комнатах, обтянутых шелками различных оттенков, касался старинных ваз ручной работы... Ах, если бы Пит был здесь, он бы по достоинству оценил этот дом... Воспоминания о погибшем брате омрачили ее душу, и она погрузилась в меланхолическое настроение.

Каждое утро для Ребекки начиналось с визита в голубую гостиную, где висели чудесные акварели Тернера, и лишь после поклона старому мастеру она переходила на кухню, чтобы выпить чашечку кофе, а затем принималась за работу. С каждым днем она чувствовала, что ей становится все легче и легче, страх, преследовавший ее последние два года, отступал. Ребекка с нежностью подумала, что это происходит благодаря Артуру, который один так умеет понять ее и дать почувствовать, что она любима и нужна.

Психоаналитик говорил Ребекке, что после всего пережитого ей нужно учиться доверять людям и перестать ощущать чувство вины. И Артур встретился ей в нужное время в нужном месте, именно тогда, когда она была готова наконец приоткрыть свою душу и поделиться терзавшими ее чувствами. Немалую роль в ее выздоровлении сыграл и этот дом, такой английский, что диву даешься, как мог сохраниться этот викторианский дух в центре бурлящего Парижа.

На столе в кухне Ребекка заметила записку, написанную рукой Артура. «Не забудь, что сегодня в двенадцать должен прийти водопроводчик». Ах да, совсем из головы вылетело! Будем надеяться, что он придет в назначенное время, а не позже часов на пять.

Ребекка разложила на кухонном столе большие листы бумаги и приступила к работе. Композиция рисунка была уже разработана в общих чертах, и художница приступила к тщательной детализировке. Этот момент она любила больше всего. Герои известной детской книжки под ее рукой обретали плоть и кровь, казалось, движения ее карандаша вдыхали в нарисованные фигуры жизнь.

Когда Ребекка работала, она совершенно не замечала, что происходит вокруг, поэтому и не сразу услышала, что в дверь звонят. Взглянув на часы, девушка отметила, что еще только пять

минут двенадцатого. Если это водопроводчик, что-то он рановато пришел. Какое-то время Ребекка продолжала увлеченно доделывать рисунок, не в силах оторваться от работы, но когда в дверь стали ломиться, ей все же пришлось отложить карандаш.

- Да иду, иду! - крикнула она. Стучали так, что Ребекка стала опасаться, устоит ли дверь. - Зачем же так тарабанить?

Она не спеша открыла щеколду, замок и цепочку и распахнула дверь, готовая дать отпор неотесанному грубияну, стоящему за ней. Однако ее сердитый взгляд уперся в чью-то широкую грудь, а когда она медленно подняла глаза вверх, перед ней предстал крайне необычный водопроводчик.

Гораздо выше Ребекки, худощавый, но не худой, он отличался тем особым телосложением, когда уже в фигуре угадывается сила и непреклонность характера. Его густые и волнистые русые волосы были довольно коротко острижены, а серо-голубые глаза цвета зимнего лондонского неба смотрели высокомерно и пренебрежительно.

Ребекка все еще продолжала возмущаться про себя наглостью звонившего, но несоответствие между тем, что она ожидала увидеть и тем, что увидела, было настолько велико, что она почувствовала искушение отступить назад, в безопасную тишину дома. Казалось, мужчина, стоящий за дверью, излучал опасность. От него шли флюиды уверенности и опасной сексуальности. Однако тут девушка напомнила себе, что она - почти хозяйка этого дома, а он - простой водопроводчик. Понятно, что хорошего работника сейчас днем с огнем не сыщешь, но следует поставить его на место. Что он возомнил о себе?

Одежда посетителя тоже не совсем соответствовала случаю. Ребекка не смогла припомнить, чтобы водопроводчики когда-нибудь приходили на вызов в элегантных пальто цвета маренго. Их обычный стиль - перепачканный комбинезон неопределенного цвета. Правда, может быть, во Франции водопроводчики какие-то другие? Честно говоря, она еще не видела ни одного французского сантехника за то время, что находилась в Париже. Или, может, он пришел просто посмотреть на неисправность, чтобы затем прислать еще кого-то? Но работа требует срочного вмешательства. В ванной протекал кран, и Ребекка с Артуром боялись, что за время их отсутствия дом может быть залит.

Она не успела еще и рта открыть, как мужчина заявил:

- Вы разве не слышали? Я звоню уже минут десять!

Девушка опешила не только от его наглости, но также и оттого, что он говорил по-английски. Как мило со стороны Артура найти в Париже водопроводчика, говорящего на твоём родном языке. Она, конечно, неплохо говорила по-французски, но объяснять особенности неисправности крана на иностранном языке не так уж легко. Бросив на сантехника испепеляющий взгляд, чтобы приструнить нахала, Ребекка ответила:

- Вы пришли слишком рано, я вас еще не ждала. Кроме того, я была занята.

Почему-то ее слова прозвучали неуверенно, как будто она оправдывалась.

- Рано? Что вы имеете в виду? - На какое-то время надменность в его глазах сменилась крайним удивлением, но лишь на одну минуту, а затем он посмотрел на девушку еще высокомернее, беззастенчиво оглядывая ее с ног до головы.

Это уже совсем ни в какие ворота не лезло. Развязный водопроводчик с завышенной

самооценкой, считающий что ходить в спецодежде и носить с собой чемоданчик с инструментами – ниже его достоинства. Но выбора у нее не было.

- Заходите, – со вздохом, выражающим крайнюю степень досады, пригласила его Ребекка, тем более что этот наглый тип уже фактически вошел в переднюю, не позаботившись даже вытереть ноги. Ей пришлось напомнить ему об этом.

- Ноги вытирайте. Нечего растаскивать грязь по всему дому. А еще лучше было бы, если бы вы разулись. – Ребекка бросила холодный взгляд на его туфли и заметила, что они тоже мало соответствовали образу стандартного водопроводчика, существующего в ее воображении. Хотя она и не была специалистом в области мужской обуви, но сразу отметила, что эти изысканные туфли излучали такую же спесивость, как их хозяин, и совсем не походили на обувь, в которой шлепают по грязи.

Не выказав ни малейшего желания снять обувь, мужчина пристально взглянул на нее и спросил:

- Кстати, а вы кто?

- Ребекка Блейк. А если это вам ничего не говорит, то напомню, что именно ко мне вы пришли по вызову, чтобы проверить кран.

Она посмотрела ему прямо в глаза (что потребовало от нее продемонстрировать гибкость позвоночника), и чуть не свернула себе шею, потому что по сравнению с ее ста семьюдесятью сантиметрами он казался гигантом.

- Значит, кран, – сказал он, впери в нее взгляд, затем задумчиво почесал подбородок.

- Ну вот вы и вспомнили, – саркастически сказала она. – Вчера вечером Артур... Мистер Робертс связывался с вами по поводу неисправности в ванной.

- В ванной?

- Может, вы не будете повторять все, что я говорю?

Ребекка одарила водопроводчика своей испытанной убийственной улыбкой, предназначенной именно для таких наглецов, как он.

- У меня начинают возникать сомнения, достаточно ли вы компетентны для этой работы, мистер... – Она тщетно пыталась вспомнить фамилию, которую Артур мимоходом назвал вчера вечером. – Мистер Монтре. Вы не одеты соответствующим образом, не взяли с собой инструменты, у меня складывается впечатление, что вы вообще ничего не смыслите в сантехнике. Вам нужно было бы начать с вопросов типа: «Где течет, хозяйка?», «Позвольте, я сбегаю за инструментами?»... – Она скрестила руки на груди и, посмотрев на него с нескрываемым подозрением, спросила: – У вас вообще-то есть опыт работы?

- Опыта у меня достаточно, – холодно ответил мужчина, не смутившись и не отводя взгляда.

- Отлично.

На самом деле она и так это знала. Артур нашел его имя в справочнике по самому большому объявлению, которое наверняка обошлось его хозяину недешево. Кроме того, после его фамилии было много различных буковок, которые, видимо, указывали на его степени и

дипломы, если таковые существовали в сантехнике.

- Простите, вы назвали свое имя, но я не расслышал, какое положение вы занимаете в этом доме.

И разговаривал он вовсе не так, как сантехник. Конечно, она понятия не имела, как должны разговаривать сантехники, не так много сантехников повидала она на своем веку. Должно быть, он закончил университет, судя по его апломбу.

- Вы не расслышали, потому что я не говорила. Кроме того, вас это вовсе не касается. Все, что вам нужно знать, это где находится кран, который течет, и починить его как можно быстрее.

Разумеется, нехорошо было разговаривать с человеком в таком тоне, но что еще ей оставалось делать? Этого Монтре просто необходимо было призвать к порядку вне зависимости от того, был ли он главой своей собственной ремонтной фирмы или просто одним из служащих с гипертрофированным чувством собственного достоинства.

- Идите за мной, - сказала девушка и посмотрела на его стильную и, что самое подозрительное, чистую одежду. Если он сегодня же починит кран, она съест свою собственную шляпу. И пусть даже не просит ее дать ему какие-то инструменты, потому, что она просто-напросто не знает, где они могут лежать в этом доме. Вряд ли и Артур способен найти здесь даже какой-нибудь завалящий гаечный ключ.

Идя впереди водопроводчика, Ребекка спиной чувствовала его присутствие и надеялась, что он не продолжает осматривать ее своим взглядом инспектора. Его лицо все еще стояло перед глазами Ребекки - лицо, от которого женщины теряют головы. Интересно, в круг его интересов входит только ремонт сантехники или он привык, чтобы домохозяйки расплачивались с ним своей благосклонностью? Подумав немного, Ребекка решила, что будет лучше, если он пойдет впереди. Осторожность не помешает.

- Ванная вот там, - сказала она, отступая назад и пропуская его.

- Где «вон там»?

- Последняя дверь налево. - Она настороженно смотрела, как он не торопясь прошествовал по коридору, заглядывая в открытые двери.

- Не могли бы вы немного поторопиться? У меня, видимо в отличие от вас, еще много других дел.

- Вот оно что? Так вы, вероятно, здесь работаете? - отозвался водопроводчик, не ускоряя шага. Он остановился у двери в ванную. - Разве вы не хотите войти и узнать мое мнение о неисправности? Да не бойтесь так, мадам. Я вполне благопристойный член общества.

Ей совсем не понравилось, как он произнес слово «мадам», без тени какого-либо уважения. Этот человек явно не на своем месте. С его агрессивным видом ему бы разгуливать по джунглям где-нибудь в глубинах Амазонки, вместо того чтобы заглядывать в засорившиеся канализационные трубы.

- Так каково ваше мнение по поводу крана?

- Дело серьезнее, чем кажется на первый взгляд.

Девушка ужасно огорчилась. Ей казалось, что нужен незначительный ремонт, но ведь он специалист, он лучше знает. Она начала рисовать в своем воображении страшные картины бурлящих и пенящихся потоков воды, вытекающих из ванной и сметающих все на своем пути, пока они с Артуром в отъезде.

- Так вы беретесь починить кран или нет? - с отчаянием спросила она.

- Не сейчас.

Ребекка всплеснула руками.

- Но ведь мы... Артур вам уже объяснял, как важно все сделать поскорее. А вы не удосужились прихватить с собой даже отвертку и теперь говорите мне, что сейчас не сможете нам ничем помочь. - В растерянности девушка присела на край ванны. - Ну и когда вы сможете что-нибудь сделать?

- Может, обсудим наш вопрос за чашечкой кофе? - предложил сантехник, вальяжно выходя из ванной.

- Неужели у вас нет других дел?

- В данный момент нет. - При этих словах он остановился и повернулся к ней.

Он стоял совсем близко и почти полностью загораживал проход на кухню. От ощущения его опасного соседства у Ребекки подогнулись колени и она поспешила протиснуться между ним и стенкой, чтобы оказаться в просторной кухне.

- А у меня, наоборот, очень много дел, - парировала она, придя в себя.

- Ну разумеется. А каких конкретно?

- Что? - Она ушам своим не поверила. Его нахальство не имело предела.

- Я потому спрашиваю, что неоднократно бывал здесь раньше, но дом был пуст.

- А зачем может понадобиться сантехнику приходить в пустой дом?

- У меня контракт. - Он многозначительно пожал плечами, будто это что-то объясняло.

Она попыталась докопаться до истины.

- Вы время от времени приходили сюда, чтобы проверить, все ли в порядке?

- Именно так.

- Но тогда странно, почему Артур не вспомнил вашего имени, а искал вас по справочнику, - не оставляла попытки разобраться в этом непонятном вопросе Ребекка, наполняя чайник водой.

- Вот такая у нас, у сантехников, судьба - никто нас не помнит. - Он скорчил жалостливую гримасу.

Ребекка поняла, что он почему-то смеется над ней.

- Вам какой кофе? - сухо спросила она.

- Черный с сахаром. Итак...

Странный водопроводчик прошелся по кухне, подошел к кухонному столу и с интересом принялся рассматривать рисунки, лежащие на деревянной поверхности.

- Садитесь, и давайте поговорим о деле, - попыталась отвлечь его Ребекка.

Но он проигнорировал ее просьбу, продолжая перебирать листы с рисунками.

- А вы, оказывается, рисуете? - небрежно заметил этот нахал.

- Да, но у нас нет времени на праздный разговор, - ответила Ребекка с растущей враждебностью.

Внезапно она замерла как вкопанная. Этот высокомерный господин без спроса взял один из ее рисунков, поднес к окну и начал его осматривать с видом знатока.

- А у вас неплохо получается. Вы занимаетесь этим профессионально? - спросил он, откладывая один рисунок и беря другой, который принялся изучать с такой же тщательностью.

- Я изучаю искусство в колледже, - сказала она холодно.

- Понятно.

- Я надеюсь, вам не менее понятно, как ремонтировать кран.

- Не волнуйтесь, это не займет много времени.

- Да? Мне помнится, вы сказали, что дело серьезное.

- Разве? Вы мне лучше скажите, как студентка художественного колледжа может оказаться в таком роскошном доме? - Он, казалось, умышленно избегал разговора о том деле, которое его привело сюда.

- Если вам так уж интересно, мы снимаем этот дом вдвоем с другом. Итак, когда вы приступите к ремонту?

Ей неожиданно все стало ясно, как день. Даже странно, как она раньше не поняла его намерений. Господин Сердцеед делает предварительную разведку, очаровывает эрудицией и самоуверенными манерами хозяйку дома, убеждает ее, что требуется гораздо более серьезный ремонт, чем казалось вначале, а затем присылает бригаду рабочих и счет с кучей нулей. Как хорошо у них поставлено дело! Не удивительно, что он так шикарно одет. Но с ней это не пройдет. Она никогда не попадалась на крючок красавцам с хорошо подвешенным языком.

Ребекка подошла к незнакомцу, чтобы посмотреть, какой рисунок он рассматривает с таким интересом. Ее взгляд машинально упал на машину, стоящую за окном. Еще одна неожиданность! Водопроводчик приехал... на черном «порше». Внезапно все происшедшее два года назад ожило в ее памяти. Она почувствовала неожиданное головокружение и присела, боясь упасть.

- Что с вами? - Он отвлекся от рисунка и соизволил обратить внимание на побледневшую Ребекку.

- Все в порядке... Просто внезапно заболела голова.

- Вы так побелели, будто увидели привидение.

Его предположение было настолько близко к правде, что она вздрогнула. В некотором смысле так оно и было. Уже прошло немало времени, а образ черной машины, искореженной и выгоревшей, до сих пор преследовал ее. Ребекка вдруг почувствовала непреодолимое желание все ему рассказать, раскрыть душу перед этим чужим человеком... Ей пришлось приложить все усилия, чтобы не сделать этого.

Ее психоаналитик сказал, что она не сможет держать это в себе вечно, придет время, когда будет нужно рассказать кому-нибудь о том, что она чувствует, о своих мыслях и страданиях, чтобы не сойти с ума, непрерывно возвращаясь к тому ужасному дню. Но она никак не думала, что, когда наступит этот момент, ей захочется открыться такому неподходящему типу.

- Вам пора, - сказала она, делая слабую попытку подняться на ноги, но снова бессильно опускаясь на стул. - Я... нет, Артур позвонит вам позже.

Мужчина озабоченно посмотрел на ее смертельно бледное лицо.

- Что-то вы мне не нравитесь, мисс Блейк.

- Не волнуйтесь, все в порядке, - слабым голосом заверила его Ребекка.

- Может, я отведу вас наверх? Вам необходимо полежать.

- Спасибо, я сама.

Несмотря на то что она испытывала сильное головокружение, Ребекка все же медленно встала. Однако ее так сильно качнуло в сторону, что она попыталась схватиться за край стола, но не успела сделать этого, потому что мужчина в какую-то долю секунды уже был возле нее и легко подхватил девушку на руки.

- Что вы делаете? Сейчас же отпустите меня!

- Не могу же я вас оставить в таком состоянии? Вдруг вы упадете в обморок, когда здесь не будет никого?

- Не собираюсь я падать в обморок! Отпустите меня!

Казалось, только секунду назад она была на кухне и работала над своими рисунками, и вдруг ее несет на руках какой-то сантехник, который вообразил, что она больна и ей необходима немедленная помощь. Сначала Ребекка пыталась все же убедить его отпустить ее, но он был сильнее и, видимо, твердо решил показать себя героем. Вот бы Пит посмеялся над этой ситуацией!

Поднявшись на второй этаж, он почему-то решительно направился в сторону комнаты Артура, но девушка слабым голосом откорректировала маршрут.

- А я думал, что это ваша спальня.

- Моя - вторая направо по коридору. Водопроводчик послушно свернул вправо.

Он осторожно держал девушку на руках, и ее щека касалась его груди.

Жаль, что он - всего лишь водопроводчик, смутно подумалось Ребекке. Ее «спаситель» казался

воплощением мужественности, от его хорошо скроенной фигуры веяло ароматом леса, утренним кофе и дорогим французским одеколоном.

К счастью, спальня была уже совсем рядом, и Ребекка могла вздохнуть с облегчением. Несмотря на враждебность к этому человеку, она не могла не ощущать силу его мужского обаяния. А это было небезопасно.

Он открыл дверь в спальню ногой, и Ребекка украдкой оглядела комнату, боясь, что там может валяться что-то, не предназначенное для мужского взгляда. Но все было в идеальном порядке - постель застелена, вещи - на своих местах. Артур всегда посмеивался над ее любовью к порядку, но сейчас Ребекка была рада, что неожиданный визит не застал ее врасплох.

Она тут же попыталась спровадить его из комнаты:

- Большое спасибо за помощь. А теперь опустите меня на кровать и можете идти. К сожалению, я не смогу проводить вас, так что просто захлопните входную дверь.

Он не ответил. Аккуратно положил ее на кровать и оглядел комнату наметанным взглядом. Затем повернулся к Ребекке и с удовлетворением заметил:

- Теперь вы выглядите намного лучше.

Девушке безумно хотелось, чтобы он поскорее ушел, а не стоял здесь, пристально изучая ее лицо. Она не могла сказать, что боялась его. На преступника он походил еще меньше, чем на водопроводчика. И, хотя вначале у нее возникло подозрение, что ей придется иметь дело с дешевым соблазнителем, теперь было совершенно ясно, что его интерес к ней другого рода. Когда его глаза были устремлены на нее, казалось, он решает в уме какую-то сложную математическую задачу.

И потом, чем она могла его заинтересовать? Каково бы ни было ее мнение о нем, следует признать, что этот водопроводчик очень привлекательный мужчина, а она, будем откровенны, вовсе не писаная красавица. Ее волосы - красивого темно-каштанового цвета, но при этом абсолютно прямые, черты лица - правильные, но при этом абсолютноординарные, а фигура слишком худощава. Только ноги, которые она унаследовала от мамы, были длинными и красивой формы.

- Может, вы выпьете чая или еще чего-нибудь? - предложил заботливый сантехник.

- Нет, спасибо. Кроме того, утверждение, что чай помогает при обмороках - это всего лишь распространенное заблуждение.

- Наверное, так оно и есть, - согласился он. - Итак, вы здесь спите?

- Я вас больше не задерживаю, - как можно холоднее произнесла Ребекка.

Но он продолжал оглядывать комнату критическим взором.

- Вы слишком много себе позволяете, - расвирепела она. - Вы пришли, чтобы починить кран, и, как оказалось, совершенно некомпетентны в этом. Если вы сейчас же не уйдете...

- Вы выставите меня вон?

Ситуация вышла из-под контроля и начала всерьез беспокоить Ребекку. Мужчина присел на

край кровати, и ей пришлось быстро притянуть колени к груди и обхватить их руками, чтобы ненароком не коснуться его.

- Давайте сформулируем это так - мне придется обратиться в другую ремонтную фирму, - дрожащим голосом сказала она. - А теперь прошу вас уйти, или я позвоню в полицию.

В отчаянии Ребекка взглянула в сторону двери, гадая, успеет ли она выбежать, или он перехватит ее по дороге.

- Не позвоните, - абсолютно невозмутимо заявил он.

- Почему?

- Потому что я - брат Артура и владелец этого дома.

2

- Я вам не верю, - пытаюсь сделать хорошую мину при плохой игре, заявила Ребекка, хотя уже понимала, что он говорит правду.

- Пожалуйста, удостоверьтесь. - Мужчина вытащил из кармана бумажник, открыл его и протянул ей водительское удостоверение.

Ребекка взяла его дрожащими руками, прочла фамилию и тут же вернула. Было заметно, что она в растерянности и не может придумать, что ответить.

- Вам нечего сказать, мисс Блейк? А всего десять минут назад вы были так красноречивы!

Ее глаза необычного сливового цвета метали молнии.

- Разве вы не могли представиться в первую минуту нашего разговора и избавить меня от этой нелепой ситуации?

- А с какой стати я бы стал это делать? - Он в сердцах бросил бумажник на стол. - Я понятия не имел, кто вы такая, и должен был узнать это наверняка. Иначе вы бы не преминули сделать вид, что просто помогаете Артуру по хозяйству. Зато теперь я точно знаю, что происходит в моем доме. И только попробуйте снова упасть в обморок! У меня скопилось слишком много вопросов. А вы, я надеюсь, горите желанием на них ответить.

- Я лучше позвоню Артуру, - сказала она и потянулась к телефонной трубке, но он не дал ей сделать это, схватив за руку.

Ребекка попыталась вырваться. Ее рука билась, как пойманная птичка, но он ее не отпускал.

- Не так быстро, детка. Вы находитесь в моем доме, и будете слушать меня. Вы меня поняли? Пусть мой приезд окажется сюрпризом и для Артура.

- Уберите руку, я никому не позволю говорить с собой с позиции силы.

- Надо же, девушка с характером. Это что-то новенькое для моего братца.

- Что вы имеете в виду? - резко спросила Ребекка, прижавшись к спинке кровати. Она обнаружила, что этот человек оказывает пагубное влияние на ее нервную систему. И чем ближе к ней он находился, тем больше она нервничала.

- Те немногие девицы, которых я видел у брата, были плаксивыми занудами без какой-либо индивидуальности.

Ребекка вздохнула. Она никогда не думала, что придется познакомиться с Расселом Робертсом. Артур уверял ее, что его брат ужасный трудоголик, прочно обосновавшийся в Сан-Франциско. Никто не мог предполагать, что он решит приехать, предварительно не известив об этом Артура и не дав им тем самым времени съехать из дома на время его присутствия.

У Ребекки было очень мало информации о старшем брате Артура. Ее друг не особо любил рассказывать о Расселе, но когда все же упоминал его имя, то непременно со смесью зависти, восхищения и благоговейного трепета.

- Теперь пришло время поиграть в вопросы-ответы.

Понятно, почему ей не удалось запугать его своей решительностью и уничижительными взглядами. Он вряд ли испугался бы и разъяренного носорога, что уж говорить о хрупкой брюнетке, у которой больше характера, чем здравого смысла.

- И хотя ваша спальня очаровательна, я не думаю, что это подходящее место для серьезного разговора. - Он направился к двери. - Давайте спустимся в гостиную. Однако, может быть, вы спальню предпочитаете всем другим комнатам?

Ребекка вскочила с кровати, не удостоив его взглядом, и пронеслась мимо, сердясь на саму себя за то, что, несмотря на властность и отвратительное высокомерие этого человека, ее не оставило равнодушной его мимолетное прикосновение.

Когда они спустились в гостиную, она первой начала разговор.

- Мне все равно, кто вы. Но мне не нравится ваше отношение к людям. Может быть, вы считаете себя крупным специалистом в деле запугивания других, но со мной это не пройдет. Мне также не нравится то, что вы ежеминутно тыкаете меня носом в тот факт, что этот дом - ваш, и я незаконно нахожусь в ваших владениях. Для меня не составит большого труда собрать вещи и съехать сейчас же.

Честно говоря, вряд ли сумма на ее банковском счету могла позволить ей снять отдельную квартиру. Предложение Артура переехать в этот дом, где было достаточно места для занятий живописью, было для нее как манна небесная. Платить нужно было только за еду и за коммунальные услуги. Кроме того, сама атмосфера артистического Парижа всегда являлась для художников источником вдохновения, и Ребекка не была исключением. Но если для того, чтобы жить здесь, нужно терпеть этого грубияна, она предпочтет перебраться в пригород и снять там какую-нибудь каморку.

- Какая пылкость и благородное негодование! К чему этот спектакль, мисс Блейк? - насмешливо парировал «грубиян». - Здесь никого нет, кроме нас с вами, а мы оба знаем, кто вы на самом деле.

- Студентка художественного колледжа.

- Так называемая студентка.

- Это легко проверить. Хотите, я вам дам номер телефона, можете позвонить в колледж прямо сейчас и уточнить, есть ли я в списке студентов, - резко сказала она.

- Надо же, у вас и мозги неплохо работают. - Казалось, он размышляет вслух и всерьез озадачен сделанным открытием. - Интересно, каким из ваших многочисленных достоинств вы привлекли моего брата?

Бедный Артур. Ему, наверное, с детства приходилось мириться с этой покровительственной манерой своего брата.

- Давайте поскорее закончим наш разговор, чтобы я успела упаковать вещи.

- Но ведь вам не хочется съезжать, правда?

- Нет, не хочется, - честно призналась она.

- Тогда давайте все же побеседуем не торопясь.

Рассел неторопливо встал и снял толстый свитер цвета сливок, под которым оказалась рубашка в неяркую зеленую, кремовую и коричневую клетку. Потом он стал закатывать рукава, как будто готовясь к драке, обнажая при этом сильные руки. Его движения были на удивление изящны для такого крупного мужчины. Отчего-то Ребекка была не в силах отвести от него глаза.

- Как вы познакомились с братом?

Она не была уверена, рассказывал ли Артур брату о своих визитах к психоаналитику. Вряд ли. Насколько Ребекка знала, их корреспонденция была ограничена редкими письмами и поздравлениями на Рождество, а также деловой перепиской по поводу семейной компании. Значит, Рассел Робертс не знал о проблемах младшего брата. Что ж, она тем более не станет его просвещать.

- У нас общие друзья, - ответила она уклончиво.

- Какие именно?

- Вы вряд ли с ними знакомы.

- Хорошо, познакомились, а потом что? Сразу же подружились и стали встречаться?

- Да, мы очень скоро стали друзьями, - ответила Ребекка, чувствуя себя неловко. Она не вполне понимала, куда их приведет этот разговор. У нее создалось впечатление, что с каждым словом она все больше запутывается в ловушках, которые он искусно расставляет.

- Что дальше? Вы сразу же переехали сюда? Мне казалось, что Артур не любил этот дом и даже, помнится, клялся, что никогда не переступит его порог. У него ведь есть свое собственное поместье в Дьепе.

- Он мне ничего не говорил о неприязни к этому дому. Я думала, что здесь он тоже может жить, он мне так сказал...

- Разумеется, он прекрасно знает, что может жить здесь, когда ему понадобится. Но вопрос не в этом, - резко прервал он ее. - Почему он не живет в своем собственном доме? Там что-нибудь случилось?

- Артур собирается переоборудовать его под выставочный зал.

- Что за бред?

В его глазах зажегся огонек интереса. Видимо, именно с таким интересом смотрит акула на предполагаемую жертву.

- Когда Артур бросил работу, - попыталась объяснить ситуацию Ребекка, - мы решили, что лучше переехать сюда, так как здесь удобнее заниматься живописью. Мы не думали, что у вас возникнут планы вернуться в Париж.

- Могу себе представить. Кажется, я устроил вам пренеприятный сюрприз. Прошу прощения, если нарушил покой вашего любовного гнездышка.

При этих словах Ребекка покраснела и открыла было рот, чтобы ему возразить, но затем решила подождать, какие же еще обвинения ей будут предъявлены, чтобы затем уж защищаться по полной программе.

- Хотя вы оба вполне могли бы догадаться, что я приеду, получив его странное письмо, - усмехнулся Рассел. - Неужели Артур думал, что пришлет мне свое заявление об отставке, а я просто отвечу открыткой с пожеланием удачи?

- Почему бы вам не спросить об этом вашего брата? - пробормотала Ребекка. Ей было неприятно, что этот человек вынуждает ее оправдываться, как преступницу.

- А я спрашиваю об этом вас! - взорвался он, отбросив свою невозмутимость.

Вот что скрывалось под его деланным хладнокровием. Настоящий волк! Все волки - с острыми зубами, и он наконец продемонстрировал свои.

Ребекка взяла себя в руки, стараясь не заводиться, и ответила ему со смиренной улыбкой:

- Незачем повышать голос, мистер Робертс, я прекрасно вас слышу. Но я не могу ответить на ваш вопрос, так как не умею читать мысли. О чем Артур думал, когда писал вам письмо? Спросите самого Артура.

- Но ведь это вы вынудили его переехать сюда?

После этого обвинения, замаскированного под вопрос, в комнате повисла тяжелая тишина. Казалось, будто в доме вообще замерли все звуки, поэтому тиканье старинных часов на камине казалось необыкновенно громким. Ребекка чувствовала, как в ней закипает гнев, и если бы она сразу стала отвечать, то перешла бы на крик. Ей нужно было время, чтобы успокоиться. Она прекрасно знала, что криком ничего не решишь.

- Теперь я понимаю, почему вы не даете мне позвонить Артуру. - Ей удалось проговорить это абсолютно спокойным голосом. - Вы надеетесь, что в его отсутствие вам удастся меня морально подавить и заставить признаться во всем, в чем вам хочется. А хочется, вам доказать, что я - авантюристка, охотящаяся за деньгами вашего брата!

- А разве это не так? По-моему, это вполне убедительный вариант. Вы не первая и не последняя женщина, которой вскружила голову кругленькая сумма в банке. - Он уже восстановил свое холодное спокойствие. - Артур очень доверчив. К тому же ему всегда нравилось жалеть неудачников.

- Да будет вам известно, мистер Робертс, что я вовсе не неудачница, - вспыхнула девушка. - У

меня была прекрасная высокооплачиваемая работа до того, как... – Она прикусила язык, чтобы невзначай не упомянуть о психоаналитике. – До того, как я занялась живописью.

– Вот поэтому вы выглядите так подозрительно. – Он посмотрел на нее с самоуверенной усмешкой. – Те немногие подружки Артура, которых я знал, были простушки с полным отсутствием интеллекта. И вдруг такая перемена. Артур неожиданно решает переехать в фамильный дом, порог которого он поклялся не переступить. Не принимайте меня за дурака, вроде моего брата, мисс Блейк. Меня не проведешь вашими женскими уловками. Я чую обман за версту. Вы умны, я сразу это понял. Как вам удалось так надолго заинтересовать его? Скорее всего вы хвалили его, льстили его самолюбию. Льстивое словечко здесь, восхищенный взгляд там, буря восторга перед его мазней... Ведь было именно так? А затем робкое замечание о том, насколько бы ему было удобнее работать, если бы вы переехали сюда, вы бы лучше узнали друг друга... Ведь именно так развивались события?

Все эти обвинения были настолько смехотворными, что Ребекка была готова расхохотаться. Боже, если бы он только знал правду. Но все дело в том, что Рассел Робертс ничего не знает о своем брате. У него никогда не было для него времени.

– Что здесь смешного? – подозрительно спросил он.

Тень улыбки, появившаяся на ее лице, внезапно превратилась в усмешку. Ей-богу, она уже не в силах больше сдерживаться! Ну и потеха! Ребекка хохотала до тех пор, пока слезы не покатались по ее щекам, при этом она вытирала глаза тыльной стороной ладони, как это делают дети.

– Я давно так не смеялась, – всхлипнув напоследок, доверительным голосом сказала она. – Спасибо, мистер Робертс.

– Не за что. – Его холодные голубые глаза светились любопытством. – Но я не понял, в чем состоит шутка.

– Дело даже не в том, что вы не правы в отношении меня, – спокойно объяснила Ребекка. – Просто ваши подозрения не имеют вообще ничего общего с действительностью и потому смехотворны. Кстати, мне не нужны ни деньги вашего брата, ни чьи-либо еще. Я дорого заплатила за знание, что ни за какие деньги не купишь того, что имеет в этой жизни хоть какое-то значение. – Она замолчала, понимая, что еще немного – и она будет готова выложить ему все свои сокровенные мысли, о которых еще не рассказывала никому.

– Очень глубокомысленное наблюдение для девушки восемнадцати лет. Или девятнадцати?

– Двадцати шести.

– Да? А что же тогда у вас за отношения с моим юным братом?

– Вам-то какое дело, собственно?

– Вы меня спрашиваете, какое мне дело? Меня?! – задыхающимся голосом проговорил он, как человек, который не может поверить тому, что услышал.

– О, простите, я, не хотела вас обидеть! – Ребекка вспомнила, что Рассел взял на себя воспитание Артура, когда братья остались сиротами.

Несколько секунд прошли в молчании. За это время с лица Рассела исчезла гримаса гнева, и

оба немного расслабились. Атмосфера в комнате неожиданно изменилась. Трудно было сказать, в результате чего это произошло, но Ребекка надеялась, что, как он ни пытается доказать самому себе, что она является воплощением всех пороков, его здравый смысл говорит обратное. Просто мистер Робертс не привык, чтобы ему противоречили. Она сразу это почувствовала. Этот человек получил доступ к власти очень рано и привык к непрекословному подчинению и уважению, которые эта власть ему давала.

Хотя они не часто разговаривали с Артуром о его брате, однако кое-что Ребекка все-таки о нем знала. Например, что он был первенцем в семье. Ему, сначала единственному ребенку, достались нерастрченная любовь и внимание родителей, которые были тогда еще совсем молоды. Когда же родители погибли в авиакатастрофе, в мгновение ока их старший сын стал наследником большой финансовой компании и скоро доказал, что готов ею управлять. Ему тогда было немногим за двадцать, а на его руках вдобавок оказался младший брат. И Рассел воспитывал его железной рукой, скорее кнутом, чем пряником. Видимо, считая, что так он лучше подготовит Артура к жизненным сложностям и возможным невзгодам.

Ребекка вдруг поймала себя на том, что пытается воссоздать его личность по тем разрозненным сведениям, которые у нее были от Артура и по тому противоречивому впечатлению, которое она получила сейчас.

- Ведь он мой брат, я несу за него ответственность.

- Вам нечего опасаться меня, - примирительно сказала Ребекка. - Мы с Артуром просто хорошие друзья, не более того.

- Что-то верится с трудом.

- Почему же? Мужчина и женщина вполне могут иметь доверительные отношения, которые не основаны на...

- На сексе, вы хотите сказать?

От того, как он скривил рот в улыбке, а также от изменившегося тембра голоса, каким он произнес это слово, комната почему-то стала казаться меньше и жарче. От спокойствия Ребекки не осталось и следа, ее опять стала бить нервная дрожь.

- Именно так. - Она прочистила горло. - Мы не спим вместе, если вы хотите знать, хотя вашему испорченному воображению и трудно это представить.

- Я бы сказал не «испорченному», а «многоопытному».

Ее собственное воображение мгновенно заработало, представляя, что же это был за опыт. Как же, слышали, слышали. Однажды Артур выпил больше обычного и отбросил привычную сдержанность, с которой он говорил о старшем брате. Он рассказал ей тогда, что где бы Рассел Робертс ни появлялся, его всегда сопровождали очаровательные женщины. Причем, как правило, разные.

- Как долго вы пробудете здесь? - спросила она, прерывая затянувшуюся паузу. Совершенно бестактный вопрос, но это Ребекка поняла, уже задав его.

- Не уеду, пока не поговорю с братом. - Он вытянул свои длинные ноги. - А разговор нам предстоит серьезный.

Ребекка нервно облизнула губы. Этот разговор может вывести Артура из того хрупкого равновесия, в котором он находится сейчас. Он еще психологически не готов встретиться с братом. Весь год консультаций с психоаналитиком может пойти насмарку.

- Я не думаю, что вы меня слушаете, но будьте с ним все же помягче.

Кажется, его позабавило ее замечание.

- Помягче? Если уж вы так трогательно близки, то должны знать, что я отвечаю за него с того времени, когда мне был 21 год, а ему всего восемь.

Его глаза потемнели, и ей показалось, что в них промелькнуло мимолетное сожаление, но это мгновение было настолько коротким, что она засомневалась в этом. Он наклонился вперед, напрягшись.

- Мне приходилось быть строгим с Артуром. Напомню вам на всякий случай, если вдруг вы этого не заметили, что мир вокруг нас жесток.

- Но ему уже не восемь лет, - сказала она твердо. - Вы не допускаете, что жизнь научила его чему-нибудь за то время, что вы живете отдельно, и у него достаточно сил идти своей собственной дорогой?

- Вы вбиваете ему в голову этот психоаналитический бред? По доброй дружбе? Пичкаете идиотскими метафорами о том, что нужно выйти из этой бешеной гонки за успехом и реализовать себя, лепя из пластилина и малюя картинки? - Он ядовито засмеялся. - Вы, должно быть, уверены, что вам обломился хороший куш в виде моего брата.

- Я вам уже говорила, что мне не нужны его деньги, - сказала она с оттенком презрения в голосе. Рассел отлично уловил этот оттенок и замер. - И я не пичкаю его никакими идеями. И знаете почему? У него своя голова на плечах, напомню вам на случай, если вдруг вы этого не заметили.

- А с чего это он внезапно решил бросить престижную работу по руководству семейной компанией и заняться рисованием? Хотите меня убедить, что это произошло без вмешательства его дорогого платонического друга? Верится с трудом.

- Может быть, вы слишком подозрительны?

- Вы, кажется, обмолвились, что по какому-то роковому стечению обстоятельств тоже решили бросить хорошую работу, чтобы посвятить себя рисованию? Кстати, кем вы работали, спрашиваю просто ради интереса?

Она раздумывала, говорить ли ему, но пришла к выводу, что чем откровеннее она будет, тем скорее он от нее отстанет.

- Я работала в небольшой компьютерной фирме помощником управляющего и получала за это хорошие деньги.

- А почему же вы ушли?

- Ну, скажем... Мне захотелось переменить образ жизни.

- Ничего себе перемена - от достойной высокооплачиваемой работы к цветным карандашам! И

как проходит ваша с Артуром жизнь? Вы, вероятно, целыми днями сидите дома, играя в художников, что в действительности просто является попыткой избежать ответственности и убедить себя, что окружающего мира не существует. А может, это просто замысловатая форма обольщения? Вы трогательно дружите и ожидаете, когда он созреет, чтобы залезть в его постель?

Ребекка устала. Рассел Робертс, ощущая, что ситуация вышла из-под контроля, реагировал на это единственным доступным ему способом – запугиванием. Что бы она ни говорила, будет перевернуто с ног на голову и встречено грязными намеками. Она вздохнула и задумалась, где бы ей найти другую квартиру. Поскольку терять больше было нечего, она решила хотя бы отыгаться.

- Да, вы правы, – покаянно созналась Ребекка. – Я злостная авантюристка, которая поймала на крючок вашего брата, уговорила его бросить работу, чтобы исключить ваше влияние, и вместе со мной заняться живописью, чтобы создать иллюзию дружбы. А по ночам, делая вид, что точу карандаши, я на самом деле вынашиваю планы стать хозяйкой дома и владелицей замка. И вообще – вы совершенно случайно застали меня в таком затрапезном виде. Я никогда не хожу дома в старых джинсах и футболке. Нет, обычно я разодета во все самое лучшее на случай, а вдруг моя жертва внезапно вернется домой. Даже днем я хожу в позолоченных туфельках на высоком каблуке и в мини-платье в обтяжку, мои волосы тщательно уложены, а ногти покрашены в алый цвет. Все именно так и обстоит, признаюсь как на духу.

Она взглянула на него и была ободрена тем, что самоуверенный красавец выглядел озадаченным. Рассел явно не ожидал от нее такого. Наконец он, усмехнувшись, проговорил:

- Ну, вы прямо как ребенок...

Она бы могла поздравить себя с победой в первом раунде, если бы не заметила, огонек, горящий в его глазах.

- Я просто говорю то, что вы хотите услышать, – сказала она, пожав плечами. – Вы решили не верить ни единому моему слову, так что без толку пытаться что-либо вам объяснить.

- Собственно, кто я такой, чтобы не верить вам на слово и сомневаться в том, что вы разгуливаете по дому в облегающем платье и туфлях на высоких каблуках? – Он медленно осмотрел ее с ног до головы. – Вы выглядели бы весьма обольстительно в таком виде. Да, безусловно... Это подвижное личико с прозрачной кожей... Эта интригующая смесь невинности и зрелости... Эти сливовые глаза с легким оттенком грусти... Да, в облегающем платье вы выглядели бы потрясающе... В том, что на вас сейчас надето, фигуру особенно не рассмотришь, но, судя по доступным моему взгляду деталям...

- Хватит! Прекратите!

Казалось, ее кожа покрылась мурашками, лицо горело.

- Я вас смутил? Ах, простите! – Он улыбнулся, не сводя с нее глаз, что заставило Ребекку занервничать еще больше.

Она не могла скрыть смущение, в которое ее повергли и оценивающий взгляд мужчины, и эти небрежные, вскользь брошенные слова. Вот кто умеет манипулировать людьми! Интересно, скольких женщин он уложил в постель при помощи своего искусства? Сейчас он расслабился, так как узнал все что хотел об их отношениях с Артуром, и, поняв, что она не представляет особой опасности, сбросил ее со счетов. Так что, скорее всего, он даст себе небольшую

передышку перед очередным раундом, в котором попробует уговорить брата перестать «валить дурака» и вернуться в компанию.

Он молча наблюдал, как она пытается собраться с мыслями, а затем сам же пришел ей на помощь, спросив, когда же его брат придет домой.

Она пожала плечами.

- Он сейчас в Дьепе, занимается переоборудованием дома, должен приехать только через пару дней. - И тут же с надеждой спросила - Вам ведь, наверное, нужно возвращаться в Сан-Франциско?

- Мисс Блейк, не хотите же вы, чтобы я уехал, не разобравшись до конца в причинах, которые побудили моего брата бросить прежнюю работу и заняться живописью?

Он в свою очередь пожал плечами и бросил на нее притворно кроткий взгляд, который должен был убедить ее в его мирных намерениях.

- Возможно, мне просто придется убедить его бросить глупые мечтания стать еще одним Матиссом.

- Так вы останетесь здесь? - прошептала она обреченно.

- Задержусь, может быть, на несколько дней... или на несколько недель... Посмотрим. А может, погощу подольше... Я так давно здесь не был! Пойду пройду по дому. Не хотите составить мне компанию?

- Нет, спасибо. У меня много работы, и если вы не против, я ею займусь.

- Конечно. Забудьте, что я здесь. Я знаю, как вы, художники, любите работать в тишине и покое. Я не хочу быть преградой на пути вашего бурного художественного темперамента.

- Я не отличаюсь бурным темпераментом.

- Нет?!

Он посмотрел на нее искоса, и она вдруг поняла, что с самого его появления только и делает, что реагирует на его слова, его действия, на него самого с этим самым пресловутым темпераментом. И совершенно бесполезно пытаться объяснить ему, что на самом деле она - вполне уравновешенная девушка и что весь этот шум и гам является результатом того, что он будит в ней самое плохое.

- Все нет, - решительно подтвердила она. - Я вообще редко повышаю голос. Я очень спокойный человек. Спросите у Артура.

Он продолжал смотреть на нее с недоверием, и она почувствовала, что этого спокойствия в ней остается все меньше и меньше.

- Может, это я во всем виноват? - промолвил он скромно.

Она сердито взглянула на него из-под темных бровей.

- Вы, конечно, кто же еще, - неожиданно набросилась она на него. - Появляетесь как снег на голову и предъявляете мне кучу необоснованных обвинений!

Ее голос поднимался все выше, и ей уже не хватало воздуха. Какой невыносимый человек! И почему это он стоит здесь с глупой улыбкой на лице, как кот, который наелся сметаны?

- Своим признанием вы сняли камень с моей души.

- Что? Что-то я вас не пойму. - Ей становилось все труднее поспевать за переменами в его настроении. Неудивительно, что он сделал такую головокружительную карьеру в бизнесе. Наверняка он запутал всех своих конкурентов.

Она направилась к двери, ощущая, что он следует за ней.

- Я имею в виду, может быть, я вывожу вас из себя, потому что вас тянет ко мне? Вы ведь понимаете, сексуальная притягательность проявляется по-разному, да?

- Что?! Вам когда-нибудь говорили, что вы самый нахальный человек на всей планете! И к тому же самый самовлюбленный!

- Прекрасно. Я вам так не нравлюсь? Значит, я могу не опасаться сцен ревности со стороны брата на время, пока я здесь задержусь.

Он пошел вверх по лестнице, а Ребекка осталась стоять внизу, не в силах сдвинуться с места. Как же гадко закончился сегодняшний день!

3

На часах было около девяти вечера, когда Ребекка осторожно отворила ключом входную дверь, нервно осмотрела прихожую и лестницу, ведущую наверх. Со вздохом облегчения она вошла и закрыла за собой дверь, стараясь не шуметь на случай, если Рассел Робертс рыскает где-то поблизости, как охотничий пес в поисках добычи.

Сегодня она встала очень рано и ушла из дома, надеясь разминуться с ним. Его решение остаться в Париже озадачило ее. Артур рассказывал ей, что брат не видит ничего вокруг себя, работая буквально с раннего утра до позднего вечера. И тут вдруг он бросает все свои американские дела и сидит уже три дня в Париже. Когда же он все-таки уедет в этот свой Сан-Франциско?!

Наутро после появления Рассела Ребекка сразу же позвонила Артуру. Сказать, что известие о прибытии старшего брата с проверкой не очень его обрадовало, это значит не сказать ничего. Артур тут же малодушно заявил, что будет сидеть в поместье, пока Рассел не уедет.

Ребекка попыталась объяснить ему, что тоже не собирается брать огонь на себя. Кроме того он уже достаточно взрослый, чтобы нести ответственность за свои решения, а не прятаться в кусты. Эти увещания не особенно на него подействовали, но он обещал, что подумает, хотя большой надежды это все же не внушало. Так она стала заложницей в этом, некогда любимом ею доме. Ей казалось, что никто в жизни так не выводил ее из равновесия, как Рассел Робертс. Вот и сейчас она кралась к лестнице, охваченная желанием бегом, перепрыгивая через ступени, добраться до своей комнаты и притвориться спящей - лишь бы не встречаться лицом к лицу с хозяином дома. Она уже пробежала на цыпочках половину лестничного пролета, когда услышала снизу его бархатный голос.

- Наконец-то вы вернулись. Нам нужно поговорить.

В глубине души она почувствовала себя немного виноватой и не очень вежливой, но не сняла

руки с перил и постаралась избежать разговора.

- Я очень устала. Может быть, перенесем разговор на утро?

- Я жду вас в голубой гостиной.

Рассел даже не соизволил ответить на ее вопрос, будто он вовсе не был задан. В отчаянии она смотрела, как он удаляется в сторону гостиной. Потом вздохнула и с видом нашалившей школьницы неохотно последовала за ним, по дороге снимая пиджак.

Она и вправду устала - сегодня она сделала все возможное, чтобы оттянуть время возвращения домой. Допоздна сидела в колледже, потом пошла в библиотеку, затем заставила себя присоединиться к компании приятелей и зайти с ними в кафе немного выпить. Их веселость и беспечность только заставили ее почувствовать себя столетней развалиной.

Когда она вошла в гостиную, Рассел стоял у окна, держа в руках стакан с виски.

- Не хотите выпить чего-нибудь? Это может помочь вам расслабиться. У вас такой вид, словно я людоед и ко мне опасно приближаться.

Было видно, что он сердит. Ребекка взяла налитый им бокал и сделала два больших глотка, надеясь, что вино придаст ей смелости.

- О чем вы хотели поговорить со мной?

- Я хотел бы знать, когда Артур собирается вернуться в Париж?

- А я откуда знаю? Почему бы вам не позвонить ему и не выяснить это самому? - Она сделала невинные глаза, втайне надеясь, что он все же сядет, а не будет возвышаться над ней, подавляя ее волю.

- Я звонил, но к телефону никто не подходит. Где он может быть? Мне нужно срочно обсудить с ним одно дело.

Она раздраженно взглянула на него.

- Я не знаю где он. Он еще совсем молод, наверное, загулял где-нибудь с друзьями.

- Совсем молод? Ты так говоришь, будто тебе самой сто лет.

Он внезапно ослепительно улыбнулся ей. От этой улыбки и от его неожиданно фамильярного тона ее мысли и чувства спутались еще больше.

Рассел, видимо, вернулся с работы раньше, чем обычно, так как уже переоделся и был в черных вельветовых брюках и черном свитере. Как всегда, он закатал рукава, что придавало ему несколько агрессивный вид. Его вполне можно было представить пиратом на корабле или разбойником на большой дороге. Единственное, чего не хватало для довершения картины, - это шрама на лице.

- Как это ты его отпустила из Парижа? Ты ему настолько доверяешь? Но пословица гласит: с глаз долой - из сердца вон. Так что смотри не ошибись, - рассуждал он, пока наливал себе очередную порцию спиртного, стоя у старинного деревянного бара, украшенного резьбой.

- Ты меня сюда позвал, чтобы продемонстрировать знание пословиц? - в той же тональности

задала вопрос Ребекка.

На этот раз его улыбка была такой широкой, что аж дух захватывало. На мгновении девушка лишилась голоса. Словно кто-то сжал ее сердце в ладони. Рассел был прав, как только он подходил к ней на расстояние вытянутой руки, ее нервная система полностью выходила из-под контроля. Стараясь унять нервную дрожь, она допила вино.

- А ты не боишься, что мой дорогой братец сейчас прохлаждается с какой-нибудь менее требовательной крошкой?

- Нет. - Она улыбнулась своим собственным мыслям. Интересно, как бы он себя вел, если бы узнал, с кем сейчас «прохлаждается» его братец?

Он наконец отошел от окна и сел в одно из кресел.

- Еще выпьешь?

- Нет, я не привыкла так много пить.

Если бы она сегодня попала в лапы к своему психоаналитику, то ему было бы о чем порассуждать. Ее эмоции менялись каждую минуту - от нервной дрожи, тревоги и подавленности до бешенства и желания немедленно отплатить этому типу за его издевки.

- Какая правильная девочка. Я уже начинаю пересматривать мое мнение о тебе, - сказал он задумчиво. - Может быть, ты и вправду не влияешь дурно на моего брата, а совсем наоборот...

Что-то в его голосе не давало ей поверить в искренность его слов.

- Хотя я, конечно, могу и ошибиться...

- Ты? Ошибиться? Что ты! - Она посмотрела на него с притворным недоверием. - Ты ведь никогда не ошибаешься!

- Бывает иногда, хотя и не часто.

- Ни за что не поверю.

- Например, я несколько промахнулся, решив, что мой брат способен заняться управлением в компании...

- Он и так занимался этим полтора года... - Она знала, что Артур увлекся живописью сразу после школы, чтобы затем сдаться под давлением брата и пойти на попятную - начать работать в компании.

- Не так уж долго по сравнению со всей жизнью...

Достаточно долго, чтобы понять, что это вовсе не то, чем бы ему хотелось заниматься. Артур доверил ей свои проблемы, только когда они стали близкими друзьями, и она поразились, насколько несчастлив и разочарован он был. Необходимость надевать костюм и идти в офис вызывала у него глубокую депрессию.

- Есть ли у него будущее, как у художника? - спросил Рассел, выходя из себя. - Ну закончит он колледж, а дальше что? Будет жить на проценты от своих акций? - Он провел своими длинными пальцами по волосам и вскочил, как будто движение давало выход его неуемной

энергии, скопившейся внутри.

- Ну! - потребовал он ответа, останавливаясь перед ней и глядя ей прямо в глаза. - Скажи же мне наконец, что там происходит в ваших головах? Вы ведь заодно.

Как будто не удовлетворившись тем, что она сидела, не смея вымолвить ни слова, он подошел к ней вплотную, наклонился, опершись руками на подлокотники ее кресла, и приблизил к ней свое лицо. Теперь Ребекка не могла не посмотреть в его глаза и даже почувствовала тепло его дыхания. Как будто ветер раздул разгорающийся внутри нее огонь, и ее пульс участился.

- Он должен найти свое место в жизни, - тихо возразила она. - Я не знаю, что думает Артур...

К сожалению, до нее не совсем доходил смысл его слов, потому что единственное, о чем она могла думать, это как нейтрализовать то влияние, которое оказывала на нее его близость.

- Он просто хочет жить своей собственной жизнью! - вырвалось у нее, на что Рассел недоуменно покачал головой.

- Пусть живет. Кто ему мешает?

- Ты! Ты приехал сюда, чтобы попытаться заставить его вернуться в компанию! Тебе абсолютно безразлично, что из себя представляет твой брат, чем он живет и о чем мечтает!

Кровь бросилась ему в лицо, и он отодвинулся от нее. Постепенно его дыхание вернулось в норму.

- А что же мне по-твоему делать? Исчезнуть и пусть он продолжает губить свою жизнь?

- Не погубит он свою жизнь! Ты все видишь в слишком драматическом свете! А если даже и погубит, как ты выражаешься, то да - пусть, ведь это его жизнь!

- Это какой-то кошмар!

Он сел в кресло, откинул голову назад и закрыл глаза, чтобы успокоиться. Гнев постепенно исчезал из его лица. Его спокойное теперь лицо излучало неотразимую сексуальность. Ребекка не могла оторвать глаз от него, пришлось сделать над собой усилие, так как ей не хотелось, чтобы он поймал ее на этом.

- Когда я получил письмо о его отставке, я сначала не поверил, подумал, что это какая-то шутка.

Ей стало жаль Рассела, несмотря на его ярость и угрозы. Что ни говори, намерения у него были самые добрые. Он хотел защитить своего брата и делал это единственным известным ему способом.

Последние два года она провела, погруженная в свои собственные проблемы, совершенно равнодушная к остальным людям. Конечно, она общалась с ними, но лишь поверхностно. Теперь она чувствовала, что начинает оттаивать, начинает открываться навстречу чужим проблемам и интересам.

А в самом центре этих проблем, как эпицентр урагана, был Рассел Робертс.

- Не думаю, что Артур изменит свое решение, - наконец сказала она. - А с твоей стороны жестоко снова заставлять его жить по-твоему.

- Ты, по-моему, преувеличиваешь. Не такой уж я тиран.

- Если бы ты себя слышал и видел со стороны, ты бы так не говорил.

Несколько секунд в комнате было тихо, и за это время она почувствовала, что атмосфера изменилась. Ребекка нервно поежилась.

- Вот оно как, - медленно проговорил Рассел.

- Ты о чем?

Он смотрел на нее с ленивым интересом, и казалось, что та гроза, которая бушевала внутри него несколько секунд назад окончательно утихла или, может, притаилась где-то в уголках его души, чтобы опять разразиться в подходящее время. В данную минуту средоточием его внимания была только она одна. От его испытующего взгляда ей стало не по себе.

- Я имею в виду твои отношения с моим братом. Может, в них присутствует элемент материнской любви? Он потерял маму, когда был еще ребенком, так, может, он сейчас смотрит на тебя как на ее замену?

- Я не думала о наших отношениях так... - неловко призналась Ребекка.

- Но тогда возникает следующий вопрос... - Его глаза вспыхнули, придавая ему неотразимое очарование.

- Какой? - машинально спросила она и поперхнулась, уже боясь услышать неожиданный и неприятный ответ.

- А что же ты видишь в нем? Может, тебе нравится чувствовать, что кто-то эмоционально зависим от тебя? Это тебя заводит, да? - Он усмехнулся при виде гнева на ее лице и быстро продолжал говорить, чтобы не дать ей возможности вставить яростное опровержение. - Ну это так, между прочим. У меня к тебе возникает еще масса вопросов... Ты бросила хорошую, престижную работу. Чаще всего такая радикальная перемена образа жизни означает...

- А теперь кто занялся психоаналитической болтовней? - слабо запротестовала Ребекка.

Он как акула кружил вокруг нее, все ближе и ближе подходил к самым потайным уголкам ее души, которые она была еще не готова открыть кому-либо. Такие мужчины, как Рассел Робертс, никогда ей не нравились. Теперь, с близкого расстояния она могла хорошо видеть, насколько он был опасен. Ее никогда не привлекали обаятельные ловеласы, ей были более по вкусу надежные и добрые люди. Но после стольких лет погружения в себя Ребекка наконец стала возвращаться к жизни и была страшно удивлена тем, что именно такой мужчина явился причиной этого ее «оживления».

- Иногда, - задумчиво протянул он, - люди готовы бросить все, лишь бы убежать от чего-либо или от кого-либо. Не в этом ли твоя проблема? Тебе уже двадцать шесть лет, но совершенно очевидно, что ты живешь уединенно, у тебя не так много друзей, ты не особо любишь бывать в обществе... Что-то заставило тебя бросить работу и пойти учиться... Скажи мне, что? И что случилось тогда, в первый вечер, когда ты чуть не упала в обморок? Ты ведь помнишь? - Он задумчиво потер подбородок. - Попахивает зловещими семейными тайнами. А мне доставляет особое наслаждение копать в чужих тайнах, ты уж мне поверь.

Он сузил глаза и смотрел на нее, как на музейный экспонат.

- Там, внутри, что-то надежно спрятано, а ты копаешь все глубже и глубже, пока не докопаешься до истины... Очень увлекательное занятие. Так что я обязательно разужнаю, что такое ты прячешь в тайниках своей души.

- Зачем тебе это надо? - вырвалось у нее. Затем она поспешно добавила: - Хотя у меня вовсе нет никаких тайн. Не трать зря время и силы.

- Зачем? Неплохой вопрос. Во-первых, тайны есть. Во-вторых, они каким-то образом связаны с жизнью моего брата. Я понятия не имею, откуда ты такая взялась. Должен признать, что ты не похожа на заговорщицу, но ведь внешность обманчива? Кроме того, я просто любопытен.

- Теперь я могу идти?

- Конечно, ведь ты свободная птица. Хотя мне уже начинала нравиться наша милая беседа.

- Это потому, что ты садист.

Она не ожидала, что это замечание покажется ему таким забавным. Он рассмеялся, да так заразительно, что она не удержалась и тоже улыбнулась. Их глаза встретились, и она поспешно отвела свой взгляд.

- Попробуй дать Артуру шанс, - торопливо сказала она, чувствуя, что атмосфера в комнате опять стала слишком интимной. - Я понимаю, что ты не одобряешь его решения оставить семейную компанию, но занятие любимым делом значит для него очень много. Он был бы тебе так признателен, если бы ты проявил хоть небольшой интерес к тому, чем он занимается. Ты ведь делаешь вид, будто его работ вовсе не существует. А они весьма талантливы.

- А все-таки почему ты не против того, чтобы он разгуливал где-то без тебя? У тебя есть кто-то на стороне? Тогда нужно привести его сюда и представить семье. Или ты его где-то прячешь?

- Похоже, ты не слышал, что я тебе сказала. - Она встала, расстроенная и смущенная.

Он последовал ее примеру, тоже поднялся и подошел к ней, чем привел Ребекку в крайнее смятение. Его синие глаза весело поблескивали.

- Нет, я тебя очень внимательно слушал. - Он посмотрел на нее сверху вниз, его руки были небрежно засунуты в карманы. - Должен сказать, ты меня убедила, теперь я проявлю больше интереса к работам Артура... Но ты мне все-таки ответь, не прячешь ли ты любовника где-то в шкафу? Я ведь все равно не отстану.

- Да нет у меня никакого любовника, - тихо сказала Ребекка.

- Если я не прав, поправь меня. Мой внутренний голос говорит, что если у тебя нет любовника, то это значит, что ты приходишь в себя после разрыва прежних отношений.

- А мой внутренний голос говорит, что мне пора ложиться спать.

- Неправда, он говорит, что тебе пора сбежать. Ты меня случаем не боишься?

- Нет, но я думаю, что ты абсолютно невыносим.

- Обидно. - Но он все еще продолжал улыбаться, и его улыбка была как наркотик, от нее отказывали ноги и перехватывало горло. - Тогда ты, наверное, боишься того, что я могу узнать о тебе.

Вот опять он пытается забраться в ее святая святых.

- Знаешь, что я придумал? Если Артур не хочет возвращаться к нам, почему бы нам не поехать к нему?

Ребекка решительно запротестовала: у нее так много работы, он и сам может прекрасно добраться до фамильного поместья!

Рассел, видимо, заранее ожидал, что она откажется. Поэтому вовсе не удивился ее ответу, а просто подошел с другой стороны. Он выразил удивление, что она не хочет оказать ему помощь в такой трудной ситуации – ведь он впервые за многие годы решил наладить отношения с братом. Он ни на чем не настаивал, а лишь недоуменно пожимал плечами, как будто давая Ребекке понять, что озадачен ее поведением. Он деликатно намекал ей, что не может заставить ее принять роль миротворца, если это ей претит. Разумеется, это ее право отказать ему в помощи именно в тот момент, когда он в ней особенно нуждается.

В конце концов Ребекке ничего не осталось, как согласиться, однако она не преминула спросить его, почему он решил наводить мосты в отношениях с братом только сейчас.

Рассел неожиданно помрачнел, отошел от нее и остановился в дверном проеме.

- Обстоятельства были непростыми, – сказал он сдержанно.

- Только от нас зависит, как складываются обстоятельства, – заметила она более уверенно, так как объектом обсуждения теперь была не она. Кроме того, он не стоял так близко, как раньше, и она могла спокойно вздохнуть.

Внезапно Ребекке пришло в голову, что не ей судить, она сама основательно запуталась в своей собственной истории, но тем не менее она добавила, стараясь не дать Расселу времени забросать ее своими обычными инквизиторскими вопросами:

- Мне трудно понять, что могло помешать тебе лучше узнать Артура, ведь он твой брат!

- Он был совсем ребенком, когда я стал во главе компании. Что можно было от меня ожидать? У меня абсолютно не было времени для него. Я был занят компанией и его образованием. – Он укоризненно посмотрел на Ребекку, будто это из-за нее он оказался в такой ситуации тогда, когда меньше всего этого ожидал. – А потом начались проблемы в нашем филиале в Лондоне – мошенничество, растрата, что мы только не пережили тогда. Пока все устроилось, прошли многие годы.

- А чем ты занимался до того, как умерли твои родители? – спросила она с интересом и была удивлена его сконфуженным видом.

- Я как раз закончил университет и слонялся без особого дела, прежде чем приступить к работе в компании, – ответил Рассел, пожимая плечами.

- Ты... слонялся?!

- Что здесь странного? – сказал он с некоторым раздражением. – Ты думаешь, что я так и родился – в костюме и с портфелем?

- Но ты ведь всегда знал, что тебе предстоит управлять компанией?

- Ты, оказывается, тоже очень любопытная, - ухмыльнулся он. - Не думай, что я с пятилетнего возраста готовил себя в управляющие. Однако не могу сказать, что мне не нравится мое нынешнее положение.

- Но разве тебе никогда не хотелось чего-нибудь другого?

- Что ты имеешь в виду: жить в лесу, лепить горшки из глины, податься в тибетские монахи?

- Ну что-то в этом роде, - очень серьезно сказала Ребекка, но когда Рассел засмеялся в ответ, она присоединилась к нему.

- Тебе нужно сказать мне «спасибо», - пробормотал он, не сводя глаз с ее лица. Теперь она заметила, что цвет его глаз меняется - от серо-голубого до лазурного. Сейчас они были цвета летнего неба.

- За что?

- За то, что заставил тебя смеяться. - Он посмотрел на нее с нежностью. - Ты редко смеешься. Почему?

Она почувствовала, как у нее перехватило горло. Психолог говорил Ребекке, что когда-то ей придется отказаться от привычки держать эмоции и проблемы при себе, пестуя их и лелея. Но никогда еще у нее не возникало желания излить их кому-то с того злосчастного дня. Она молча смотрела на него, затем потупила глаза, стараясь подавить желание расплакаться.

- Проблема в другом мужчине? Если в этом все дело, то хочу сказать тебе, что никакой мужчина не стоит тех разрушительных эмоций, которые остаются после того, как отношения подходят к концу.

- Нет, дело вовсе не в мужчине. - Она смахнула случайную слезу. - Прости, я пойду. Я очень устала.

Ей пришлось остановиться у двери, потому что он стоял, опершись одной рукой на дверной косяк. Другой рукой он нежно взял ее за подбородок.

- Прости, если я добавляю тебе неприятностей, когда тебе и так непросто.

Ребекка видела, что он сейчас искренен с ней. Она слабо улыбнулась.

- Все в этой жизни сложно.

- Не все.

Рассел привлек ее к себе и коснулся ее рта губами. Он собирался только слегка прикоснуться к ним, но в тот момент, когда ощутил сладость ее губ, он погиб. Самым естественным в мире показалось прижать ее к себе и крепко поцеловать. Упершись ладонями в его грудь, Ребекка пыталась отстраниться, чтобы сдержать его. Но когда его язык проник в ее приоткрытые губы, руки ее сами собой обвили вокруг него и прижали покрепче. Ее рот отвечал на поцелуи, губы искали и требовали.

Объятия из нежных, успокаивающих стали страстными, как только их тела соприкоснулись. Дыхание Рассела участилось, рот стал жадным, требовательным, и кольцо его рук сомкнулось вокруг нее, отрезая от всего мира. У Ребекки вырвался глухой изумленный стон от силы его

желания, которое электрическим разрядом пронизало ее с головы до ног, заструилось по ее нервам огнем, воспламенило такой ответной страстью, что она задрожала. Ее испугали собственные чувства. Разум говорил ей, что надо остановиться. Но она была не в состоянии убежать. Не могла даже сопротивляться. Казалось, что время остановилось, хотя прошла всего минута. Затем она пришла в себя и оттолкнула его в отчаянии.

- Отпусти меня!

Но на самом деле Рассел уже давно отпустил ее. Она постояла несколько секунд, пока ее дыхание не восстановилось. Потом вымучила подобие улыбки, посмотрела поверх левого плеча мужчины, не в силах ответить на его пристальный взгляд, затем кивнула и ушла.

4

Последние два года Ребекка почти не пользовалась машинами. Если ей нужно было ехать в другой город, она предпочитала лететь самолетом, и только неотложные дела могли заставить ее сесть в автомобиль. Она тем сильнее ощущала свою уязвимость, чем скорее транспорт двигался по шоссе. Зажатая в металлической коробке салона, Ребекка понимала как хрупка человеческая жизнь и как велика может быть цена за скорость. Все время путешествия она обычно сидела, сжавшись в комочек на заднем сиденье, считая минуты до места назначения. Покрываясь холодным потом, она старалась думать о каких-то мелочах и не вспоминать о тех изуродованных и покореженных машинах, которые видела на обочинах дорог.

В день отъезда она проснулась в шесть утра и никак не могла понять, что же заставило ее вчера принять приглашение Рассела. Какими чарами нужно было обладать, чтобы усыпить ее патологический страх перед автомобилями? Поистине он обладал выдающимися способностями не только в финансовой сфере, если смог вынудить Ребекку сделать то, чего она так боялась, хотя даже долгие визиты к психоаналитику не дали ей освобождения от этой фобии.

Однако она была вынуждена признать, что сейчас ее ужасала не столько сама поездка, сколько перспектива провести с Расселом пол дня в замкнутом пространстве машины. Она судорожно копалась в мозгах, старательно выискивая самые невинные темы для разговоров. Трудно себе представить, к чему это все приведет.

Может, стоит попросить его рассказать о своем детстве? Или пусть поделится опытом ведения деловых переговоров? Она где-то слышала, что мужчины любят поговорить о делах. Если же отдать инициативу в его руки, то он, пожалуй, опять прибегнет к своим инквизиторским методам исследования ее подсознания? А с другой стороны, будет еще хуже, если он снова начнет расспрашивать ее о личной жизни, которая так жгуче интересовала его. Он пытался завуалировать свой интерес деланным легким любопытством. Но она ведь тоже не вчера родилась. Совершенно ясно, что он так и не оставил своих попыток понять, что она за человек, и разгадать все ее тайны.

Сборы вещей, необходимых для поездки, не заняли много времени. После того как она ушла из компьютерной фирмы, где работала раньше, необходимость в изысканных туалетах и деловых костюмах больше не возникала, и она раздала все вещи, ставшие ненужными. Джинсы, пара свитеров и брючный костюм – вот и все, что она посчитала нужным взять.

Когда Ребекка спустилась вниз с вещами, Рассел с сомнением взглянул на ее небольшую сумку.

- Ты ничего не забыла?

- Но мы ведь едем на несколько дней, а не на две недели. А ты чего набрал?

Его чемодан казался пугающе большим. Он был таким же представительным, как и его хозяин. Сделанный из натуральной кожи, он всем своим видом свидетельствовал о процветании фирмы Рассела.

Машина ждала их у входа в дом. Ребекка слегка задержалась возле машины, стараясь справиться с расшалившимися нервами. Казалось, этот черный металлический зверь жаждал проглотить ее. Рассел недоуменно взглянул на ее побледневшее лицо, но не сказал ничего, лишь открыл перед ней дверцу и подождал, пока Ребекка устроится на мягком сиденье.

Сначала он вел машину осторожно, долго выбираясь из городской сутолоки. На дорогах были пробки, и они ехали очень медленно. Зато на шоссе Рассел набрал хорошую скорость. Ребекка молча смотрела в окно на окрестности, пролетающие мимо них.

Если бы полгода назад кто-нибудь сказал ей, что она будет ехать в машине с мужчиной, который способен довести ее до белого каления и заставить сердце сильнее биться только одной своей улыбкой, она бы не поверила. Всего несколько дней назад она жила просто и ясно. Все дни были похожи один на другой, и только ее работа вносила в эту размеренную жизнь новизну и свежесть.

Сейчас же, хотелось ей этого или нет, было совершенно ясно, что ее погружение в себя закончилось. Теперь ей некогда было копаться в себе, ежедневно и еженощно убеждать себя в том, что в гибели Пита нет ее вины. Даже сама мысль об аварии стала отходить на второй план.

Время от времени Ребекка все же мысленно возвращалась к событиям прошлого, но теперь она чаще вспоминала лучшие минуты, проведенные с братом, а не подробности трагедии. Как счастливы были они в детстве, когда была еще жива мама, да и потом, когда им приходилось держаться вместе, чтобы выжить.

Не об этом ли говорил ей психоаналитик? Человеческая память не может постоянно возвращаться к самым печальным событиям нашей жизни. Мама ушла, а за ней и Пит, но боль все же начинала стихать. Казалось, что Ребекка заново учится ходить, как после тяжелой болезни. Каждый шаг давался ей с трудом, но она становилось все сильнее.

Ребекка закрыла глаза и стала думать о своих занятиях искусством. Конечно, ее достижения трудно сравнить с успехом Артура - он великолепный колорист, его техника просто поражает, а фантазия неистощима. Но у него такие проблемы с самооценкой, что даже мимолетного неодобрительного замечания достаточно, чтобы подорвать его веру в себя. С другой стороны, так как она занимается иллюстрациями, ей будет легче найти работу после окончания учебы. Для нее это очень важно, ведь у нее нет за спиной обеспеченной семьи, как у Артура. Хотя неизвестно, что лучше - жить одной или иметь такого брата, как Рассел.

- А ты часом не нервничаешь? - внезапно спросил он.

Этот вопрос застал ее врасплох, и она не смогла правдоподобно изобразить уверенность в себе. Прислушиваясь к своим ощущениям, она с удивлением заметила, что страх был намного меньше, чем обычно. Но сказать, что она была совершенно спокойна, тоже было бы преувеличением.

- Так, понятно. Нервничаешь. Почему?

- Ты знаешь, - призналась она честно, чувствуя себя крайне неудобно под его пронизательным

взглядом, – я ужасно боюсь машин. Каждый раз, когда я захопываю за собой дверцу, я чувствую себя чем-то вроде селедки, замаринованной в консервной банке.

Ее голос был почти не слышен за гулом мотора, и затем она совсем умолкла, не зная, что сказать еще, как выйти из неприятной для нее ситуации. Ребекка понимала, что дает ему очередной повод покопаться в ее жизни, но сейчас она была совсем не готова объяснять ему что-то. Неужели он опять примется препарировать ее своими вопросами о мотивах и причинах ее поведения? Однако Рассел только внимательно взглянул на нее и мягко сказал:

– Не нужно нервничать. Поверь, машина несколько не опаснее любого другого вида транспорта. И вообще, ездить на машине не страшнее, чем просто жить на свете.

От его спокойного голоса ей должно было стать полегче, но эта его улыбка, полная загадочных обещаний, встревожила ее. Казалось, весь салон был пронизан электрическим током и только чудом в нем не сверкали молнии и не гремел гром. Она понимала, что не представляет особого интереса для Рассела, но его обаяние действовало даже тогда, когда он не ставил своей целью очаровать кого-либо.

– Да что ты так беспокоишься? – Он снова взглянул на нее с ободряющей улыбкой. – Мы с этой машиной в каких только переделках не побывали.

Ну надо же, как он мил! Ребекке было куда легче иметь дело с его заносчивостью и высокомерием, с теми странными обвинениями, которые он бросал ей в первый день их знакомства. Теперь же у нее мелькнуло подозрение, что он просто решил прибегнуть к другому методу и хочет выудить информацию из нее лаской и обманом. Ребекка чувствовала, что не должна расслабляться ни на минуту, оставаясь с ним наедине.

Она обратилась к теме погоды, как к самой безопасной. Панорама за окном несколько изменилась, небо нахмурилось, и складывалось впечатление, что наступает пора дождей.

– Мне кажется, погода портится. Может пойти дождь.

– Прогнозы дождя не обещали, – жизнерадостно сообщил он. – Я слышал, что атмосферный фронт пройдет южнее.

Рассуждает так, будто он что-то понимает в прогнозах погоды. Впрочем, кто знает, может, он еще и метеорологией увлекается? Рассел Робертс был человеком-загадкой. Казалось, что он компетентен в любом вопросе, какой бы они ни затронули в разговоре. Может, его хваленое высокомерие оправдано в какой-то мере?

Не отрывая взгляда от дороги, он неожиданно спросил:

– Ну а почему ты так боишься машин? Все любят движение, скорость. Женщинам подавай роскошные машины с уютными сиденьями, а мужчины, как дети, готовы гонять на огромной скорости, убегая от самих себя.

От других тоже, и часто навсегда, грустно подумала Ребекка, а вслух сказала:

– Вот уж не могу представить тебя в роли ребенка.

– А мне казалось, что женщины всегда считают мужчин большими детьми. Теперь мои иллюзии разбиты.

Он говорил серьезным тоном, но она понимала, что такова его манера шутить. Постепенно в ее мозгу укреплялась мысль, что совместное пребывание в особняке может оказаться еще хуже, чем она предполагала.

- Наверное, так происходит потому, что многие мужчины не торопятся взрослеть, - сказала она из вредности.

- Не знаю, не знаю... Вот к Артуру ты точно относишься как к ребенку, хотя сама уверяешь, что он давно уже вырос и может принимать свои собственные решения.

- Да ведь Артур такой чувствительный, - с жаром возразила она, но он не преминул тут же вставить:

- А я разве нет? - Его голубые глаза смотрели на нее с неподдельным интересом. Ребечке даже показалось, что где-то в их глубине затаилась обида. - Если бы ты хорошенько пригляделась, то заметила бы, что я очень даже чувствительный человек.

- Вообще-то мне все равно, - проговорила она с высокомерным равнодушием.

- Да нет, мне кажется, что тебя так и распирает от любопытства узнать, что я за человек. Так же, кстати, как и меня, только ты притворяешься, делаешь вид, что тебе это абсолютно безразлично, а я честно смотрю правде в глаза.

Она раздраженно фыркнула. Его манера считать себя центром Вселенной снова начинала ее раздражать.

- Все люди подвержены одним и тем же эмоциям в чувствам, только в разной степени. Вот ты делаешь вид, что совсем не любопытна, а другая женщина в своем интересе ко мне рискнула бы зайти куда дальше. - Он многозначительно ухмыльнулся. - Намного дальше. Может, даже в мою постель.

Если бы не его последнее замечание, Ребекка подумала бы, что Рассел говорит серьезно, но теперь она поняла, что он просто играет с ней. Он провоцирует ее, дразнит, и чем больше она будет негодовать, тем чаще он будет ее дразнить.

- Спасибо, что ты открыл мне глаза, какова я на самом деле. - Она даже не удосужилась взглянуть в его сторону. - А то раньше я этого не знала.

Он засмеялся и никак не мог остановиться. Его смех был так заразителен, что даже Ребекка не смогла сдержать улыбку.

Они выехали рано, поэтому торопиться было незачем. Сама атмосфера провинциальной Франции принуждала к неторопливости. Рассел постепенно перешел на такую скорость, которая позволяла им наслаждаться окружающим видом, замечать все, мимо чего они проезжали. Они с интересом рассматривали смеющихся и болтающих друг с другом пешеходов на тротуарах, повозки, груженные бочонками с виноградом, сильных загорелых женщин, неспешно вышагивающих рядом с повозками и казавшихся частью пейзажа.

Время, казалось, навсегда замерло в сонных маленьких деревушках, состоявших чаще всего из нескольких хозяйств, сгрудившихся вокруг церкви.

- Большая часть моей юности прошла в Дъепе. Я знаю места, куда мы едем, как свои пять пальцев, и даже за годы, проведенные в Америке, я умудрился не потерять связей с моими

местными друзьями и всегда приезжал их навестить, когда бывал здесь, – сообщил он ей, когда они уже подъезжали к городу.

Ей было интересно что-то узнать о Расселе из его уст, потому что вся информация, которой она располагала, не была абсолютно достоверной. Ведь Артур наверняка не объективен, так как всегда ревновал к успеху брата, а ее личные впечатления были испорчены постоянной борьбой между интересом к нему и попыткой убежать от него и спрятаться подальше.

Маленький очаровательный городок привел ее в восторг, особенно ей понравились изящные старинные дома под выдавшими виды темными крышами. Дом Робертсов разыскать не составило никакого труда. Особняк легко можно было обнаружить по внушительным арочным воротам в стене, шедшей вдоль дороги. Когда они подъехали, Ребекка широко раскрыла глаза. Она еще не бывала в Дъепе и только теперь поняла, почему Артур решил сделать в этом поместье выставочный зал. Сама здешняя атмосфера, казалось, была предназначена для любования искусством в этих стенах. Здание выглядело хоть и небольшим, но величественным замком, там были даже пристройки в виде башенок и вторые ворота, ведущие на задний двор. Их никто не встречал, и они сами поднялись по лестнице в гостиную. Ребекка с нескрываемым благоговением и восторгом рассматривала огромный зал с мраморным полом, резного дерева потолком и белоснежными стенами, увешанными картинами и изысканными керамическими блюдами. Между глубокими оконными нишами расположился целый арсенал старинного оружия, вдоль стен были расставлены кожаные кресла с прямыми спинками. Середину зала занимал длинный стол, на одном конце которого стоял массивный бронзовый канделябр, а на другом лежала стопка старинных книг в кожаных переплетах. Несмотря на порядок, царивший здесь, было видно, что всюду ведутся последние приготовления к открытию выставки.

– Ну как тебе наше фамильное гнездо, Ребекка? – спросил Артур, выходя им навстречу. Если он и был удивлен их прибытием, то не показал этого.

Рассел и Артур обменялись достаточно сдержанным рукопожатием.

Только увидев братьев вместе, Ребекка поняла, насколько они не похожи. И дело было вовсе не в слабом внешнем сходстве. Самым главным отличием было то, что как личности они были абсолютно разными. Оба брата выглядели очень привлекательными внешне, но в Расселе чувствовалась железная воля, было видно, что это человек, привыкший вершить судьбы других людей. Артур же был мягче, ранимее. Его решение отойти от руководства совместной компанией далось ему нелегко, но теперь он стал более уверенным в своих силах. К тому же подготовка к открытию выставочного зала окрылила его, и теперь перед Ребеккой стоял человек, который был не только прекрасным художником, но, возможно, и прекрасным администратором.

Выглядел Артур просто превосходно. На нем были черные расклешенные брюки и яркая шелковая рубашка на выпуск с непонятным рисунком. Его вьющиеся каштановые волосы были собраны в хвост. Он был, как всегда, свеж, эксцентричен и стилин.

Ребекка с радостью бросилась в его объятия. Так приятно снова оказаться рядом с ним, под защитой его беспечной легкости! С ним можно не бояться говорить о том, что тебя волнует, зная, что он все поймет, а не будет рассматривать тебя под микроскопом, как неизвестную науке букашку.

– Твои хоромы великолепны!

Артур удовлетворенно вздохнул.

- Я рад, что тебе понравилось. Тогда я покажу тебе весь дом...

Рассел остался в гостиной за стаканчиком местного вина, Ребекка же с удовольствием осмотрела дом. Огромные комнаты, соединенные между собой бесчисленными дубовыми дверями, были полны изысканной старинной мебели, а библиотека от пола до потолка заставлена книгами в кожаных переплетах – совершенно очевидно старыми и очень ценными. Темные тяжелые шторы с гербовыми вышивками закрывали окна.

Скромный обед был подан в официальной столовой, где гранитный пол сверкал серыми и розовыми бликами. Стол был чудесно сервирован, подаваемые блюда заслуживали всяческих похвал, но обсуждение планов реорганизации поместья не дали никому насладиться едой. Сначала Рассел встретил идею брата об организации выставочного зала в фамильном доме с прохладцей. После этого закипела довольно темпераментная семейная ссора, во время которой Рассел кричал, что Артуру пора наконец повзрослеть и перестать играть в детские игры, Артур же кричал, что Расселу просто нечем заняться и поэтому он вмешивается в его дела.

У Ребекки совсем не осталось времени думать о своих собственных проблемах, сейчас ей приходилось выступать в роли миротворца. Ей понадобилась хитрость лисы, чтобы достигнуть хоть какого-то компромисса между ними. В определенный момент ей пришлось даже закричать изо всех сил: «Да замолчите же вы наконец!», так как это был единственный способ прекратить перекрестный обмен обвинениями.

Стоя в центре гостиной, она гневно указывала пальцем на Рассела.

- Ты не можешь обвинять своего брата в том, что он ведет себя как ребенок, потому что ты и сам не лучше его!

- А ты, - продолжила она, теперь уже гневно оглядывая Артура, - должен наконец сообразить, что невозможно прожить жизнь, не идя на уступки!

Затем она села, спокойно выпила чашку кофе, с удовольствием наблюдая, как братья с трудом, но все же пытаются найти общее решение.

После обеда Рассел вызвался показать Ребекке сад. Вдоль всего дома тянулась тенистая аллея, выходящая прямо во внутренний дворик, который был уже готов к приему гостей. Колонны с железными кольцами, к которым в старину привязывали лошадей, были увиты какими-то побегами с яркими цветами, пламенеющими на фоне белоснежных стен и еще не погибшими от прохладного осеннего воздуха. Ничто не нарушало безмятежной тишины. Казалось, они одни во всем мире, и ощущение это вдруг проникло в кровь чувством восхитительной близости. Ребекка было настороженно встрепенулась, но в этот момент Рассел крепко обнял ее одной рукой за талию, другой провел по ее спине, еще теснее прижав к своему телу, а его рот нашел ее дрогнувшие губы.

Ребекка поняла, что она пропала. Ей казалось, что тело ее, мягкое и податливое, стало глиной в руках у опытного скульптора, чьи пальцы сейчас пробегают по ней, изучая каждый изгиб, каждую впадинку, оживляя все, к чему прикасались. Рассел с бесконечным наслаждением и искусством подводил ее к такому чувственному возбуждению, которого она никогда не ожидала испытать. Его уверенные, настойчивые пальцы расстегнули пуговицы на ее блузке, мягко раздвинули шелк, обнажив золотистую кожу. Он осторожно потеснил ее вплотную к стене, губы его оторвались от ее рта и пустились в восхитительный путь, чтобы найти занывшие от ожидания груди, и вот они послушно легли в его задрожавшие ладони. Ребекка выгнулась, откинув голову назад, когда его рот отыскал твердые, жаждущие соски, так остро

отозвавшиеся на ласку его губ и зубов, что она не сдержала протестующего стога. Ее была мелкая дрожь, а Рассел, прижимаясь головой к ее пылающей коже, продолжал покрывать поцелуями попеременно то одну, то другую припухлую вершинку, от которых волны яростного желания, пробегая по всему телу, сходились глубоко внутри нее...

В тот самый миг, когда умопомрачительно сладкая мука стала для нее невыносимой, он снова стиснул ее в объятиях и с силой прижал губы к ее рту. На несколько пылких мгновений они слились воедино, не отрывая друг от друга губ. Наконец Ребекка нашла в себе силы отстраниться, избегая его обезоруживающего взгляда. По ее спине пробежала дрожь, странно холодная по сравнению с огнем, пылающим в ее крови.

Неожиданно послышались чьи-то шаги. Не успели они отпрянуть друг от друга, как появился Артур, который искал Ребекку, чтобы поговорить с ней о выставке. Она подумала, что по ее виду нетрудно догадаться, почему они так надолго задержались на внутреннем дворе, но Артур – друг, он все поймет.

5

После бессонной, беспокойной ночи Ребекка встала очень рано, исполненная благих намерений держаться подальше от Рассела Робертса. С сегодняшнего дня, девочка моя, сообщила она своему отражению в зеркале, тебе нужно быть очень разумной. Никаких поцелуев, никаких «тет-а-тет». Однако пока голова ее была занята составлением списка дозволенного и недозволенного, руки поспешно причесывали волосы и подкрашивали лицо. Она надела черные брюки и черно-белый свитер в резинку, которые красиво облегли ее стройную фигуру и необыкновенно шли ей, к тому же и выглядели все-таки наряднее, чем обычные джинсы с рубашкой.

Поднявшись в выставочный зал, Ребекка решила, что постарается не подходить к своим работам, которые представляли собой восемь миниатюрных иллюстраций, выполненных с большой скрупулезностью. Она впервые принимала участие в выставке и ожидала, что это будет довольно скромная по размерам и по содержанию экспозиция, но обнаружила, что несколько заблуждалась.

Одна из просторных комнат особняка была превращена в демонстрационный зал. По распоряжению Артура высокие окна занавесили тканью сочного синего цвета, которая составляла разительный контраст с ослепительно белыми стенами. Такой же тканью были застелены витрины, где были выставлены скульптурные миниатюры и изделия ювелирного искусства. По сторонам сводчатого прохода возвышались громадные подсвечники.

Постепенно зал стал заполняться гостями. Это в основной массе были студенты, которые выставляли свои работы, их друзья и родственники, но также знатоки искусства и меценаты, которые присматривались и приценивались к будущим талантам, и которых удалось заманить сюда ценой немислимых усилий Артура. Видно, умение уговаривать людей было у братьев Робертс в крови.

Картины и скульптуры были сгруппированы по стилям, и было заметно, что проведена большая подготовительная работа по организации выставочного пространства. С того места, где Ребекка стояла сейчас, ей хорошо были видны масштабные работы Пита Вивмана, их однокурсника, выполненные в абстрактной манере и написанные яркими броскими мазками. Незнакомые люди, окружающие ее, комментировали выставленные работы и делали критические замечания.

У Ребекки сосало под ложечкой, но об этом никто не догадывался. С ее губ не сходила непринужденная улыбка, руки не тряслись, ладони оставались сухими и холодными. Она прекрасно держалась...

Но как только к ней подошел Артур, Ребекка судорожно схватила его за руку:

- У меня поджилки трясутся от страха. В толпе я сама не своя. Не отходи от меня, пожалуйста.
- Глотни шампанского и забудь про толпу. - Артур взял с подноса проходившего мимо официанта фужер и подал ей. - За твой успех. Твоя робость меня умиляет, Ребекка, и я преклоняюсь перед твоим умением скрывать ее под маской невозмутимости.
- Я ни за что не подойду к своим работам. Как представлю себе, что все эти люди стоят перед моими миниатюрами и хватаются за животы от смеха, так мне плохо становится.
- Мал золотник, да дорог, - утешительно прошептал Артур. - Не нервничай так.
- Ты, по крайней мере, хоть выглядишь как художник.
- Ты имеешь в виду - изможденный и перепачканный красками?
- Вовсе нет, сосредоточенный на своем внутреннем мире красавец.
- У тебя тоже свой собственный стиль, - сказал Артур с сомнением в голосе, оглядывая ее с ног до головы. - Перестань принижать себя. Ты точно сошла с полотен, висящих за тобой.
- Хорош комплимент! Ведь за нами экспозиция абстрактной живописи!

Мимо опять прошел официант с подносом, на котором стояли бокалы с белым вином. Хотя Ребекка никогда особо его не любила, сейчас она протянула руку и взяла бокал, который осушила в два глотка. Вот теперь я поняла в чем прелесть алкоголя, подумала девушка. Она уже не так боялась предстать перед глазами десяти-двадцати знатоков, скептически ухмыляющихся и цедивших сквозь зубы критические замечания. Но даже самой себе Ребекка не признавалась, что страшнее всего ей предстать перед Расселом. Еще немного вина и ей совсем будет наплевать, кто там насмехается над ее работами.

Неожиданно в дверях появился Рассел Робертс, сразу же привлечший всеобщий интерес. Даже в такой толпе его было трудно не заметить. Он был в строгом костюме, как и многие мужчины на выставке, но даже в этой своеобразной униформе темно-серого цвета в тонкую полоску он умудрялся быть в центре внимания. Мало того, она заметила, что многие люди, особенно женщины, тайком наблюдали за ним.

Рассел проходил сквозь толпу, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть без всякого выражения на некоторые полотна, висящие на стенах. Казалось, они не производят на него никакого впечатления - ни плохого, ни хорошего. Как всегда, его лицо ничего не выражало. Высокая рыжеволосая женщина подошла к нему, и они вежливо побеседовали о скульптуре Богарта Хеггана, которая называлась «Мир, раздираемый противоречиями», а выглядела как бесформенный комок глины, небрежно брошенный беспечным ребенком, весь в пыли и паутине.

- Интересно, зачем Рассел пришел на выставку? - спросил Артур. Ей послышалась горечь в его голосе. Он, не отрывая глаз, продолжал смотреть в сторону брата, который еще не заметил их в толпе. - Для него искусство имеет ценность, только будучи представленным на денежных

знаках.

Хорошо бы принесли еще вина... Она бы оставила себе весь поднос. Рассел совершенно выбивал ее из колеи.

- Ты несправедлив, Артур, - проговорила она, нахмурившись. - Мы же еще не слышали его мнения.

- Он пришел, чтобы получить еще один повод поставить на место своего братца-неудачника, только и всего. - Ребекка заметила, что рука Артура, держащая стакан, дрожала. - Я пошел отсюда. Не хочу, чтобы он насмеялся надо мной при посетителях.

- Стой! - резко сказала она. - Ты опять пытаешься сбежать?

- Ты всегда видишь меня насквозь, - вздохнул он.

Она взяла его руку и нежно пожала, успокаивая Артура, и, честно говоря, себя тоже.

- Ну ладно. Чем скорее это закончится, тем лучше. Давай быстренько покажем ему мои работы, пусть он неодобрительно покачает головой и в очередной раз прочтет лекцию о том, какой хороший финансовый консультант умер во мне.

Артур решительно поднял руку и помахал брату. На его лице сияла неестественная, как бы приклеенная улыбка. Ребекка тоже попыталась улыбнуться. Она почувствовала, как ее пульс участился, и к тому времени, когда Рассел их заметил, она достигла своего обычного для последнего времени нервного состояния. Ребекка облизнула пересохшие губы, наблюдая, как уверенно Рассел лавирует между гостями, ловя на себе заинтересованные взгляды. Когда же он наконец подошел к ним с Артуром, мышцы ее лица уже устали удерживать искусственную улыбку.

- Как это тебя сюда занесло? - спросил Артур с отчаянием в голосе и быстренько схватил два бокала с вином с подноса проходящего официанта. Один он протянул Ребекке, которая благодарно ему кивнула. - Я думал, ты встанешь пораньше и пойдешь навестить старых друзей, вместо того чтобы бесцельно тратить время на выставку, которая тебе совершенно не интересна.

Глядя на них, никто бы не догадался, что эти двое - братья, настолько непохожими они были.

- Любопытное собрание, - сказал Рассел, пристально глядя на Ребекку и Артура. - Солидная выставка.

Ребекка чувствовала, как сжался Артур, ища в словах брата потайной смысл, но голос Рассела был предельно вежлив. Она в тихом отчаянии пила вино, не зная, чем все это закончится. Но, допив очередной бокал, поняла, что должна поддержать друга.

- Артур давно носился с идеей свести в одном месте молодых талантливых художников и торговцев произведениями искусства, - быстро проговорила она, так как Артур не торопился вступать в разговор. - Мы думаем, что можно получить двойную пользу - заинтересовать специалистов перспективными художниками и помочь студентам более объективно оценивать свои работы и знать конъюнктуру рынка.

Лицо Рассела выразило неподдельный интерес, отчего она почувствовала себя еще более неловко.

- Тебе, братец, и флаг в руки, - вмешался Артур. В его голосе звучала неприкрытая ирония. - Можешь стать покровителем искусства и добавить еще одно достижение в свой послужной список.

- Хотя бы можешь посмотреть наконец, чем мы тут занимаемся, - Ребекка постаралась сгладить сарказм замечания Артура.

- Некоторые работы не стоят даже затрат на краски и холст, - заявил Рассел, оглядывая картины, висающие в зале.

- Надо же, какой большой знаток искусства, - пробормотал Артур сквозь сжатые зубы.

Рассел бросил на него холодный, уничтожающий взгляд. Ребекка чувствовала, что сейчас начнется настоящая потасовка. Пока они говорили приглушенными голосами, но Артур выпил уже достаточно, и теперь даже малейшее колкое замечание может вывести его из себя. Он был еще не уверен в своих способностях, к тому же чувствовал вину за то, что оставил семейную компанию, даже если он и утверждал обратное... И кроме того, он искал малейшего повода, чтобы сцепиться с Расселом.

Неожиданно Рассел подвел их к небольшой картине, висающей среди других такого же размера. На темно-синем фоне выделялись золотистые искры и несколько диагональных линий белого цвета, которые создавали некую иллюзию движения.

- Впечатляет, - помолчав некоторое время, промолвил Рассел.

- Тебе это нравится? - задохнулся от удивления Артур. - За это нужно выпить.

Он подозвал официанта и настоял на том, чтобы Рассел и Ребекка тоже выпили с ним.

- Я понимаю, ты думаешь, что я должен предпочитать какие-нибудь реки, рощи и стада овец, но согласишься, невозможно не восхищаться тем, как небрежно художница провела эти несколько линий, как будто разрезая холст пополам, что заставляет нас воспринимать каждую часть картины как самостоятельное произведение.

- Полностью с вами согласен, - неожиданно откликнулся человек, стоящий рядом. - Немного напоминает модернистов.

- Да, но здесь, как мне кажется, полностью отсутствует элемент художественного сибаритства.

Артур с открытым ртом наблюдал, как эти двое со знанием дела обсуждали возможности дальнейшего развития современного искусства. Когда мужчина отошел, Рассел опять повернулся к Артуру и Ребекке.

- А вот та вещь, - сказал он, как будто продолжая прерванную беседу, - слишком напоминает Поллока. Но где же ваши работы?

Артур все никак не мог прийти в себя от потрясения и выглядел так, будто по нему проехал грузовик, а Ребекка молча кивнула в сторону ряда залов за их спиной.

А кто-то говорил обо мне, как о темной лошадке, подумала она. Никто не ожидал, что он способен показать такие познания в области живописи. Ни разу со дня прибытия Рассел не упоминал о том, что он интересуется искусством. Он позволял им думать, что все его интересы сосредоточены в области финансов. Интересно, что еще он, как фокусник, может вытащить из

рукава. Страсть к прогулкам по канату? Умение вышивать крестом? Жену, десять детей, две собаки и золотую рыбку?

- Как я полагаю, этого самого момента вы боялись с минуты моего появления. Давайте лучше сразу пройдем туда, и все разрешится само собой.

Артур что-то промямлил неестественно высоким голосом, а Ребекка надела на лицо очередную широкую улыбку.

По дороге Рассел успевал комментировать висящие и стоящие экспонаты, и если он даже заметил, что они снова прибегли к очередному спасительному стаканчику вина, то этого не показал. Ребекка поняла, что только действие вина помогает ей сохранять видимое спокойствие. Сейчас, приближаясь к работам Артура, она чувствовала, что у нее схватывает желудок в ожидании неизбежного. Как бы ни бравировал Артур, как бы он ни демонстрировал видимое безразличие, она знала, что отрицательное мнение брата и его резкая критика могут отвратить юношу от искусства до конца его дней.

Рассел ходил от работы к работе, и в установившейся гнетущей тишине Ребекка решила, что будет защищать очевидный талант Артура до посинения. Она уже подумывала, а не выпить ли еще, когда Рассел повернулся и просто сказал:

- Очень хорошо.

- Да? - Артур залился румянцем и приобрел ужасно довольный вид, хотя все еще пытался петушиться. - Такая оценка унижает творца. Назвать картину хорошей - это все равно что заявить, что собор Парижской Богородицы хорошо построен.

Рассел был несколько озадачен таким комментарием.

- Знаешь, я не видел твоих работ с того времени, когда тебе было двенадцать лет и ты подарил мне три своих рисунка на день рождения. Я их все еще храню.

Это опять заставило Артура зардеться от смущения.

- Но в целом ты прав. Если «очень хорошо» тебе не подходит, то я бы мог описать твои работы по-другому. Они будят работу мысли. То, что ты поместил людей, изображенных с фотографической точностью, в фантастическую и таинственную обстановку, очень интересно. Что-то заставляет вглядываться в эти картины.

Прежде чем они смогли продолжить беседу, к ним подошел один из агентов крупной парижской галереи и увел Артура с собой.

Ребекка сожалела, что не может присоединиться к нему, чтобы избежать последующей экзекуции. Вино, которого она выпила немало за сегодняшний день, не давало ей мыслить ясно и четко. Ее голова кружилась, и в таком опасном состоянии она не могла оставаться безучастной к шарму Рассела.

- А где же твои работы?

- О Боже, может не надо? - промямлила Ребекка.

- Но почему? Кроме того, если ты помнишь, я их уже видел в первый день нашего знакомства. И они мне понравились. - Он взял ее под локоть и твердо повел в направлении следующего

зала. – Только не говори, что ты боишься оказаться перед своими шедеврами, – прошептал он ей.

Его теплое дыхание коснулось уха Ребекки, напомнило о том, как эти губы касались ее губ, и жар охватил все ее тело.

– То, как ты произнес это слово – шедевры – не особенно побуждает меня показывать тебе свои работы. – Она ответила резко, болезненно ощущая на себе любопытные взгляды посетителей.

Краешком глаза Ребекка заметила, что в выставочном зале было достаточно много знакомых, которые с интересом наблюдали за ней и ее спутником. Гарантирована новая сплетня назавтра же. Так как Ребекка была скромной студенткой, не принимающей активного участия в бурных сборищах сокурсников, они будут заинтригованы ее появлением на выставке со столь привлекательным мужчиной. Вот теперь ты узнаешь, что значит купаться в лучах славы, отраженных от такой личности, как он, – пообещала она самой себе, кивком здороваясь с какими-то знакомыми.

– Ну вот мы и пришли, – сказала Ребекка хриловатым от волнения голосом. – И пожалуйста, не говори ничего, – добавила она, отвернувшись и от картин, и от него, хотя в тайне ей ужасно хотелось увидеть его выражение лица.

– А если я захочу сделать тебе комплимент?

– Я не люблю комплименты.

– Странная черта у привлекательной женщины.

Они продолжали разговаривать в полголоса, и она надеялась, что другие посетители не слышат их. К счастью, зал начинал пустеть, оставались только те, кто хотел попользоваться бесплатным вином, остальные уже расходились. Артур все не возвращался, видимо его беседа с потенциальным покупателем затянулась.

– Ты не рассказывал мне, что интересуешься искусством, – голосом прокурора проговорила она, чтобы свернуть беседу на безопасные рельсы.

Он подошел еще ближе к небольшим рисункам Ребекки, пристально рассматривая их. Наверняка притворяется, что они ему так уж интересны, подумала она. Рассел это делает просто, чтобы действовать ей на нервы.

– Не говорил, что интересуюсь искусством? Разве?

– Конечно, не говорил. Ты всячески пытался дать мне понять, что ты нормальный обыватель.

– Прошу прощения, это ты сама так решила, не побеспокоившись даже проверить, насколько верны твои предположения.

– Ну что ж, в этом я похожа на тебя.

– Один – ноль в твою пользу, – засмеялся он. – Так ты не хочешь узнать мое мнение о твоих работах? Что ж, я молчу. А что будем делать дальше?

– Дальше? Тебе понравились картины твоего брата, ты его заверишь, что его выбор верен, вы станете большими друзьями, будете жить долго и умрете в один день.

- Мой вопрос был более прозаичным. Куда мы с тобой пойдём теперь? Как я вижу, Артур исчез. - Он посмотрел на часы, а затем на Ребекку.

- Похоже на то. - Она почувствовала легкую тревогу от его пристального взгляда.

Ребекке вдруг ужасно захотелось узнать, о чем он думает, когда смотрит на нее. Он, конечно, догадывается, что она сложнее, чем кажется на первый взгляд, но его подозрения развиваются совсем не в том направлении. Перед ним стояла достаточно привлекательная женщина, чтобы ей приятно было рассматривать. И с достаточным количеством комплексов, чтобы заставлять ее вспыхивать из-за этих его пристальных взглядов.

Может, он думает, что она ощущает свою неотразимость после того, как он поцеловал ее? Но она вовсе не преувеличивала своей привлекательности. Совсем наоборот, Ребекка никогда не считала себя красивой, привыкнув к тому, что с детства ее ценили скорее за ум.

Окружающие всегда восхищались их красавицей матерью, в которую пошел Пит, Ребекка же не была на нее похожа. Чувствуя себя дурнушкой на мамином фоне, она привыкла получать комплименты за хорошо выполненные задачи и прекрасные работы по литературе. Сейчас, однако; она боялась, что Рассел с его опытом общения с женщинами посчитает ее простушкой с преувеличенным самомнением.

- Мой желудок утверждает, что пора обедать, - бесцеремонно прервал Рассел размышления Ребекки.

- Ему лучше знать, - кротко ответила она;

- Давай сбежим отсюда в одно уютное местечко. Составь мне компанию. Я никогда не ем один, ведь это так грустно, ты согласна?

- Что-то не припомню, чтобы эта мысль когда-нибудь занимала меня.

Она не собиралась обедать с Расселом. Хотя психоаналитик и убеждал ее, что пришло время вести нормальный образ жизни, но для нее обед наедине с Расселом не входил в это понятие. Ей вдруг пришло в голову, что единственный мужчина, с которым она за последнее время делила трапезу, был Артур.

Но совершенно неожиданно для себя Ребекка сказала:

- Ты пытаешься пригласить меня пообедать? Если это так, то почему бы и нет? Нужно же чем-нибудь закусить все то вино, что я здесь выпила.

- Это самый своеобразный ответ на мое приглашение пообедать за последнее время, - он тепло ей улыбнулся, в ответ на что получил довольно высокомерную улыбку Ребекки, потому что флирт с ним не значился в меню. - Ты хочешь найти Артура, чтобы сказать ему, что мы уходим?

- Когда он вернется, то сам поймет, что мы ушли.

- Отлично! Я тоже очень ценю независимость во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, - проговорил он, выводя ее из выставочного зала. - Никогда не понимал те сладкие парочки, которые ведут себя так, будто они родились сиамскими близнецами. Свобода важнее всего, ты согласна?

- Абсолютно не согласна, - рассеянно возразила Ребекка, понимая, что они привлекают к себе все больше внимания. - Особенно если под свободой ты понимаешь свободу передвижения из постели в постель.

Ей удалось отнять у него свою руку под предлогом того, что ей нужно поправить волосы, а потом она вцепилась обеими руками в свою сумочку.

- А что, я произвожу впечатление человека, который предпочитает именно такие отношения? - спросил он, помогая ей надеть пальто.

- Понятия не имею, я вообще тебя плохо знаю.

- Тогда позволь заверить тебя, что это не в моем стиле, - сказал он достаточно резко.

Когда они вышли на узкую мощеную улочку, Ребекка постаралась держаться как можно дальше от Рассела. Он бросил на нее взгляд, говоривший, что он прекрасно понял ее намерение. Ничего, однако, не сказав по этому поводу, он просто начал рассказывать Ребекке о городе. Он показывал ей церкви и часовенки, башню, в которой когда-то была городская тюрьма и которую позже переделали в архив.

Ребекка зачарованно слушала, вскоре она и думать забыла о своем решении быть с ним поосмотрительней.

Она чувствовала себя сейчас на удивление легко и свободно, даже среди толпы людей, заполнявшей улицы. Кто-то просто возвращался домой пешком, наслаждаясь чудесной погодой, кто-то заворачивал в ресторан, а многие заглядывали, чтобы выпить чашку кофе, в многочисленные маленькие бары и кафе, встречавшиеся на каждом шагу.

Вскоре Рассел остановился перед старинным одноэтажным зданием. Его можно было бы принять за обычный жилой дом, если бы не вывеска у крыльца.

- Ну вот мы и прибыли. Конечно, не самое шикарное место, но мне нравится. Я всегда захожу сюда, когда бываю в городе.

Он открыл перед Ребеккой дверь и пропустил ее вперед. Она взглянула ему в лицо, стараясь понять по его выражению, не насмехается ли он над ней, но улыбка ее спутника была нежной.

- Мы с Жаном, владельцем этого кафе, давние приятели, - оживленно сказал он, ведя ее за собой. - Если бы ты только знала, сколько часов он потратил, просвещая меня!

Рассел лукаво ухмыльнулся. Его улыбка заставила улыбнуться и Ребекку.

- И о чем же вы разговаривали?

- О чем бывает интересно поговорить подростку? Конечно, о жизни, о женщинах, о сексе. Вот увидишь, Жан будет рад нам.

От одной только усмешки Рассела в ее голове возник целый сонм эротических мыслей.

- Кого это к нам занесло! Господи, Рассел Робертс, собственной персоной! Давненько мы тебя не видели.

Франтовато одетый старик вышел им навстречу из-за прилавка. Было видно, что он искренне рад видеть Рассела.

- Да ты не один, парень! Очень рад, что ты привез свою девушку. Вы у нас сможете попробовать самые лучшие блюда местной кухни, мисс. Между прочим, вы первая девушка, которую этот негодник приводит к нам!

- Но ты ведь не знаешь, скольких он приводил к себе домой! - пошутил мужчина, стоящий рядом с хозяином.

Окружающие мужчины одобрительно засмеялись.

Ну и юмор, подумала Ребекка, тем не менее не переставая улыбаться.

- Ладно, ладно, парни. Вы ведь не хотите, чтобы моя девушка плохо обо мне думала, - сказал Рассел, нежно вглядываясь в ее лицо.

Его девушка? Не заходит ли эта шутка слишком далеко? - подумала Ребекка. Она вопросительно взглянула на Рассела, но он сделал вид, что ничего не понял, и по-хозяйски обнял ее за плечи. Ребекка инстинктивно отпрянула назад, но не тут-то было! Рассел крепко прижал ее к себе, погрузив лицо в ее распущенные волосы.

- Дорогая, ты выглядишь восхитительно, - прошептал он ей на ухо, и она была вынуждена изобразить нежность во взгляде, так как все посетители бара, похоже, смотрели только на них.

- Послушай, не переигрывай, дорогой, - предупреждающе процедила она сквозь сцепленные зубы.

Она исподтишка ткнула нахального спутника кулаком под ребра, надеясь, что сделала это достаточно сильно, но свитер на нём был слишком толстым, чтобы этот тычок причинил Расселу хоть малейшую боль. Как оказалось, эта идея была не слишком хороша, так как он сразу же перехватил ее руку, поднес к губам и нежно поцеловал внутреннюю сторону запястья.

Эта сцена явно произвела сильное впечатление на Жана и его товарища, они понимающе переглянулись, наслаждаясь видом нежной парочки. После того как Рассел отпустил ее руку, Ребекка еще долго ощущала прикосновение его мягких губ.

- У тебя здесь очень мило, Жан, - сказала она хозяину и попыталась шагнуть в сторону от Рассела, но он тут же притянул ее назад. Движение было нежным, но оно явно давало Ребекке понять, что ей придется играть эту роль, пока они отсюда не уйдут.

- За это нужно хвалить мою хозяйку. Она у меня лучше всякого дизайнера. Все время заказывает каталоги обоев, тканей, совсем не думает о том, сколько это стоит!

- Не прибедняйся, Жан, тебе ли думать о затратах! - засмеялся Рассел. - Сколько я себя помню, всегда это место было полным-полно. В любую погоду постоянные клиенты тебе не забывают. Ты должно быть что-то особенное подсыпаешь в пиво.

- Точно, - самодовольно улыбнулся хозяин. Он повернулся к девушке: - Что будешь пить, куколка?

Уже усадив их за столик и вручив меню, хозяин не торопился отходить, переводя горящий любопытством взгляд блестящих карих глаз с Рассела на Ребекку и обратно.

- Любовь с первого взгляда, а? Ну-ка, Рассел, поделись со своим старым приятелем! - Жан явно

не собирался их кормить, не выслушав предварительно душещипательную историю.

- Да, Рассел, ты обязательно должен рассказать Жану, как мы с тобой познакомились. - Посмотрим, как ты выкрутишься из этой ситуации, злорадно подумала Ребекка.

Но он и не подумал выкручиваться.

- Вот эта дерзкая девчонка, - Рассел замолчал на секунду, нежно отводя прядь с ее лица, - открыла мне дверь, когда я вернулся в собственный дом, и не нашла ничего лучшего, чем принять меня за водопроводчика.

Боже, что за превосходный актер! Его глаза просто излучали самые неподдельные любовь и восхищение. В то утро он смотрел на нее совсем иначе.

Жан тоже взглянул на Ребекку таким сияющим взглядом, как будто она сделала что-то необыкновенно умное и замечательное.

- Рассела Робертса? За водопроводчика? - с восторгом переспросил он.

- Да, конечно, ужасная ошибка! - вздохнула Ребекка. - Как я могла подумать, что он водопроводчик, если у него даже не было инструментов.

- С тобой, парень, такое наверняка случилось впервые, а? И произвело неизгладимое впечатление? - ухмыльнулся хозяин.

- Да уж, честно говоря, мне впервые в жизни было приказано разуться в прихожей и немедленно починить кран. Разумеется, ты прав, Жан. На меня это произвело огромное впечатление.

- Ну и дела! - Хозяин и его помощник были в полном восторге от рассказа Рассела.

Наконец Жана окликнул другой посетитель, и он отошел от их столика, похохатывая и качая головой. Как только хозяин ресторанчика ушел, Ребекка забрала у Рассела руку, которую тот все это время нежно поглаживал, и сказала приглушенным голосом:

- К чему все это представление?

- Моя дорогая...

- Нежности можешь отставить, потому что все равно нас никто не подслушивает.

- Знаю, но мне нравится называть тебя «дорогая», «милая», «прелесть моя»... Эти слова очень подходят тебе.

- Так приятно посмотреть на вас, - продолжил хозяин, возвращаясь. - А мы уж и не думали, что Рассел когда-нибудь женится.

- Женится?! - Ребекка была несказанно удивлена услышанным.

- Да я и сам не думал, что это случится, - прервал ее Рассел с глубоким удовлетворением в голосе. - Я потерял всякую надежду завести семью, пока это очаровательное существо не вошло в мою жизнь.

Очаровательное существо? О ком это он? Она вспомнила их первую встречу и чуть не

засмеялась вслух. Рассел говорил ей тогда совсем другие вещи.

Она взяла у него потрепанное меню, обратив внимание на обложку. На ней был рисунок обеденного зала с множеством посетителей со стаканами в руках, сделанный безыскусной детской рукой.

- Это рисунок Артура, - как бы между делом заметил Рассел. - Он его сделал в десять лет, я часто приводил его сюда на каникулах.

Заметив ее удивление, Рассел сухо сказал:

- Я так понимаю, что он никогда не рассказывал тебе об этом. Артур предпочитает изображать меня черными красками, не задумываясь о мотивах моих поступков. У меня не часто было свободное время, я постоянно разъезжал по делам, но когда возвращался в город хоть на недельку, то проводил ее с ним, хотя остальное время он жил с домоправительницей и ее мужем. К сожалению, Артур помнит только то, что ему хочется.

Он медленно допил пиво и принялся рассматривать меню, давая ей время подумать над его словами.

Обед, вопреки мрачным ожиданиям Ребекки, прошел очень весело. Жан и его моложавая и жизнерадостная жена присоединились к ним за столом, и Ребекка из их бесконечных рассказов, шуток и подколов узнала столько нового о мужчине, сидящем напротив! Да, похоже, Рассел Робертс был весьма многогранной личностью! Ребекка невольно заразилась общим весельем и скоро почувствовала себя совершенно непринужденно в этом обществе. Известие о том, что знаменитый финансист и богач мистер Робертс, которого они знали еще мальчишкой, опять в Дъепе, да еще со своей девушкой, было для этих милых людей грандиозной новостью, и они искренне радовались этому.

6

После выставки Рассел стал гораздо терпимее к брату. Благодаря этому их совместный ужин прошел в довольно душевной обстановке, хотя Ребекка и предпочла держаться в тени. Она убеждала себя, что делает это потому, что хочет дать братьям возможность сблизиться и лучше узнать друг друга. В глубине же души она понимала, что это не вся правда.

На самом деле она старалась держаться подальше от Рассела. Теперь, когда закончилась их конфронтация, обаяние его личности стало еще более очевидным. Он с легкостью очаровывал и мужчин, и женщин. Он обладал чудесным чувством юмора и мог выдавить улыбку даже из самых черствых сухарей, а его дар убеждения не имел равных. Постепенно, думала Ребекка, он станет ближе к Артуру и научится справляться с ним, когда тот становится в позу. А вот ей, Ребекке, сблизиться с этим человеком совсем ни к чему.

После ужина Ребекка пошла в свою комнату. Она налила в ванну побольше воды, добавила туда пены, и лежала в этой теплой и душистой колыбели бесконечно долго. Через узенькое окошко она видела пейзаж за окном, в нем было что-то романтическое, и в другой обстановке, да еще с другим мужчиной, который лучше подходил бы ей, было бы здорово оказаться в этом почти сказочном замке, оторванной от всего мира. Поздние завтраки внизу в уютной гостиной и долгие ночи на этой королевской постели... Ребекка томно вздохнула.

Но тут она вспомнила, что рядом с ней не идеальный мужчина, созданный девичьим воображением, а вполне реальный Рассел. Настроение ее несколько испортилось, и она стала энергично намыливать.

Забравшись после ванны в постель, она попыталась читать, но мозг отказывался воспринимать перипетии детектива. Ее мысли были слишком заняты Расселом, чтобы сосредоточиться на книге. Вскоре она выключила свет и откинулась на подушку. Огромное тлеющее бревно в камине давало такой жар, что Ребекка скоро забылась, разомлев от тепла и сытного ужина.

Ребекка чувствовала, что медленно падает в глубокую и темную пропасть. Падение продолжалось нестерпимо долго. Пропасть была так глубока, что она никак не могла достигнуть дна. Ей хотелось рвануться ввысь, как птице, к выходу из этого мрачного ущелья, чтобы снова увидеть ясный солнечный свет...

Почти ослепшая от темноты вокруг нее, она пыталась схватиться руками за что-нибудь, но не могла дотянуться до отвесных, едва выступавших из мрака стен. Тьма все плотнее сгущалась вокруг девушки, тая в себе неведомую опасность.

Сейчас бы она, не задумываясь, отдала все-все за маленький проблеск света, за возвращение домой, за свободу.

Мрачные стены начали угрожающе сдвигаться за ней, грозя навсегда похоронить ее в этой темноте. Теперь она изо всех сил старалась не касаться их, так как знала, что стоит лишь случайно притронуться к шершавой поверхности, как стена тяжело и неотвратимо поползет вниз, навсегда закрыв для нее выход. Ловушка захлопнется, и давящая мгла сомкнется за своей жертвой навсегда.

Ребекка проснулась от собственного крика, и когда открыла глаза, то сразу не смогла понять где она находится. Сон еще закрывал своей мутной завесой окружающие предметы, их очертания расплывались и таяли в его туманной пелене.

Она собралась с силами, и пелена сна стала медленно таять; в ее разрывах проступили смутные пока очертания старинной мебели и темных оконных занавесок, постепенно они обретали объем и габариты, в памяти оживали привычные вещи. Впрочем, в темных углах комнаты долго еще клубились волнистые сонные туманы.

Ребекка отбросила одеяло и опустила ноги на пол. По ногам сразу же прошелся холодный ветер. Это был всего лишь сквозняк, но она, еще не совсем оправившаяся от чудовищного сна, восприняла его как леденящее веяние потустороннего мира. Ребекка задрожала крупной дрожью и с трудом подавила желание снова закутаться в одеяло.

Станный сон не отпускал ее. Она больше не могла оставаться одна, ей нужно было поговорить с кем-то. Артур – вот тот человек, к которому можно прийти за утешением даже в такой поздний час.

Спокойный сон Рассела был нарушен пронзительным женским криком. Он резко вскочил с постели. Направляясь в гостиную, он готов был ко всему: от налета ночных грабителей до визита потусторонних сил, но в доме было тихо.

Со вздохом Ребекка вышла в холл, освещенный, как обычно, слабым мерцанием лампочек и лунным светом, пробивающимся сквозь окна. Она щелкнула выключателем на лестнице, однако свет, едва мигнув, тут же погас, как будто где-то перегорели пробки.

Расстроенная, она стала подниматься вверх, размышляя, могут ли в таком доме водиться призраки. Превозмогая страх, Ребекка медленно продвигалась по темной спирали лестницы, нащупывая ногами ступеньки, хотя ее так и подмывало опростеть взлететь вверх и юркнуть в свою комнату. На первой площадке крошечное оконце своим мерцанием немного облегчило

подъем, и она перевела дух, но уже через несколько ступенек девушку снова обступила крошечная тьма, и сердце у нее ушло в пятки.

Она замерла, прислушиваясь к неясному шороху. Потом, сцепив зубы, заставила себя одолеть несколько последних шагов к спасительному кругу лунного света – и тут же издала вопль ужаса, столкнувшись с темной фигурой, которая преградила ей путь. Она яростно отбивалась, от страха не узнавая голоса Рассела, к которому влетела в объятия.

Бледный лунный свет падал мужчине на спину, и, отражаясь, создавал легкое серебристое сияние. Крепким и надежным изваянием высился он на лестничной площадке, от его сильной фигуры веяло какой-то живой теплой силой, он словно наполнял пространство вокруг себя своим дыханием, успокаивая и вселяя уверенность.

Страх и тревога, вызванные ночным кошмаром, постепенно отступали, освобождая место тихой и спокойной воле, которую излучал мужчина, держащий испуганную девушку в своих объятиях.

- Что случилось, Ребекка? Ты кричала, как будто тебя режут. Страшный сон? – тихо спросил Рассел.

- Да. Прости, что разбудила тебя, – сказала она извиняющимся тоном.

Ей было тепло и спокойно в его объятиях. Некоторое время оба молчали. Дыхание становилось ровнее и тише, и сердце Ребекки уже не разрывалось от страха. Почувствовав себя лучше, она попыталась освободиться.

- Спасибо, Рассел, я уже успокоилась. Иди спать.

- Как я могу оставить тебя одну в таком состоянии?

- Я привыкла спать одна и нисколько не боюсь.

- Может быть, причина как раз в этом. Женщина не должна спать одна. Особенно такая, как ты...

Он ласково провел рукой по теплой и влажной от слез щеке девушки, обхватил ее лицо ладонями, легко и коротко коснулся губами ее губ. Так светло и естественно пьют птицы. Ребекка вздрогнула.

- Забудь о кошмаре, забудь обо всем на свете. Я помогу, тебе станет хорошо и спокойно, вот увидишь, – ласково нашептывал ей Рассел.

Он все сильнее и сильнее сжимал ее в своих объятиях. Его горячие ладони властно скользили по ее телу. И Ребекка с радостью и облегчением принимала эти успокаивающие ласки. Да, она нуждалась сейчас в его обществе. В противном случае она просто сойдет с ума. Девушка вдохнула горячий, терпкий запах мужского тела и беспомощно прильнула к груди своего спасителя.

Он поднял ее на руки и понес в сторону своей спальни, открыл ногой дверь и осторожно положил драгоценную ношу на смятые простыни.

- У меня уже вырабатывается привычка носить тебя на руках, – прошептал он.

Ребекка почувствовала, как в нем разгорается глухое, жаркое пламя, и потянулась к нему навстречу, как робкий весенний росток тянется к солнцу. Горячие пальцы Рассела коснулись верхней пуговицы ее рубашки, и Ребекка вздрогнула в предчувствии чего-то обжигающего.

- Ты все еще боишься меня? - тихо спросил Рассел. - Не надо бояться, доверься мне.

Он уже расстегнул все пуговицы ее ночной рубашки. У девушки перехватило дыхание. Пальцы Рассела коснулись ее груди, и сердце гулко отозвалось на это прикосновение. Губы Ребекки трепетали от жажды поцелуев. Проникая языком все глубже и глубже, он не переставал ласкать ее. Они целовались столь самозабвенно, что, когда на секунду прервались перевести дух, она в изнеможении склонила голову ему на грудь.

Когда они снова слились в страстном поцелуе, она уже полностью подчинилась воле Рассела. Он склонил голову и потерся щекой о нежные, волнующие его холмики, слегка прикрытые тонкой тканью сорочки. Он поцеловал их, каждый по отдельности, прямо через ткань, а потом приник губами к заманчивой выемке между ними.

Затем, уже ничего не соображая, порывисто закатал подол длинной сорочки и добрался до трепещущего тела Ребекки. Скользя одной рукой по животу, дотронулся до груди и принялся ее ласкать, в его другая рука устремилась вниз, дерзко стремясь проникнуть между бедер девушки. Там оказалось влажно, влажно и горячо. Продолжая ласкать ее груди, он все глубже и глубже проникал во влагище пальцами.

Стон отчаяния так похож на стон страсти! Рассел продолжал все более страстно ласкать Ребекку, и только когда она резко отпрянула, он нехотя оторвался от нее. Она еле слышно прошептала:

- Я не могу!

- Ты хочешь сказать - не хочу?

В его голосе был слышен холод обиды, и ее сердце разрывалось от боли.

- Ты знаешь, я больше уважаю женщин, которые сразу говорят «нет». Этих женских игр я не выношу.

Обида в его голосе сменилась презрением.

- Я хочу быть с тобой, но я просто не могу! - прошептала она голосом, полным слез.

- Я что-то тебя не пойму, - сухо сказал он, включая ночник.

- Выключи свет, - попросила она.

Она боялась увидеть выражение его лица, еще минуту назад такого страстного и полного невысказанной нежности к ней. Она не хотела видеть его глаза, полные теперь холода и враждебности. Но что же ей делать?! Если она расскажет ему, в чем дело, он сначала заинтересуется, а затем наверняка отгородится от нее, как только поймет, что лучше держаться подальше от Ребекки, от ее жизненных сложностей и, главное, от ее эмоциональных проблем. А если промолчать, это укрепит его уверенность в том, что она с ним играет.

Каким бы сложным человеком не был Рассел, его отношение к сексу было прямым и откровенным. Секс для него был приятным занятием - не более. И вряд ли можно назвать

волнующей необходимостью выслушивать исповедь неврастенички. Вряд ли девушки, которые были у него раньше, плакали в постели и отказывали ему в ласке. Вряд ли они требовали от него чего-нибудь, кроме удовольствия.

- Почему? - холодно спросил он.

- Потому.

Она не знала, что сказать ему. Ей было трудно говорить, все тело сотрясали рыдания.

Он пожал плечами, но свет выключил, и благословенная темнота опять опустилась над кроватью. Она лежала на спине, тупо уставившись в потолок. Рассел смотрел на нее, опершись на локоть.

- Я весь внимание, - проговорил он, видя, что она не торопится нарушить затянувшееся молчание.

- Прости меня, - прошептала она. - Ты сердишься?

- Какая разница.

- Я знаю - сердишься.

- Давай не будем выяснять отношения, просто скажи то, что собиралась.

Был ли в его голосе оттенок скуки или это ей показалось? Он, наверное, думает, что она будет рассказывать ему какие-то неправдоподобные истории, чтобы оправдать себя. Разве он не понимает, что она вовсе не такая.

А какая? - тут же спросил ее внутренний голос. Ах, если бы она знала это. Так многое изменилось за те несколько дней, которые прошли со дня их встречи с Расселом. Похоже, она окончательно запуталась в своих взаимоотношениях с самой собой.

Сколько времени она носила траур по Питу, а сейчас вдруг вздумала завести роман с человеком, который абсолютно не годился для серьезных отношений. Он способен лишь на мимолетный роман. Любить его - значит разбить свое сердце, которое она только-только умудрилась залатать. А ведь раньше она была такой благоразумной. Что же с ней произошло?

Ей бы надо начать так. «Однажды жили-поживали двое прелестных детей - мальчик и девочка. Они были так похожи, что первые годы жизни их не могли отличить друг от друга даже близкие родственники. Только позднее стало заметно, что Пит (так звали мальчика) очень похож на красавицу маму, а Ребекка (это имя носила девочка) - милая, но совершенно заурядная...»

Впервые она собиралась поведать кому-то эту историю, ей нужно было рассказать, как еще болит ее сердце, и о том, что жизнь прожита впустую, и впереди, должно быть, тоже лишь одна пустота.

- Я не знаю с чего начать... У меня эмоциональные проблемы... Ты знаешь, я обращалась к психоаналитику...

- Наркотики? - предположил он.

- Да нет, что ты, - удивилась она.

Как ни странно, Ребекка несколько успокоилась и почувствовала себя поувереннее. Она опять вспомнила о брате, его смеющееся лицо встало перед ее глазами.

- У меня был брат-близнец... Пит...

Ей было трудно даже просто произнести его имя, в ее горле стоял комок.

- Не волнуйся... - мягко сказал он, она слабо улыбнулась, не вполне уверенная в том, что он сможет увидеть эту улыбку.

- Мы были очень близки...

- Были?

- Он погиб немногим более двух лет назад...

Она стихла, ожидая, что он скажет какие-то пустые слова сожаления, а когда он промолчал, продолжала:

- Мы всегда были вместе. Когда мы были маленькими, мы даже изобрели свой собственный язык, который не понимал никто, кроме нас. У нас не было отца, и мама воспитывала нас одна, но когда нам было по семнадцать лет, мама умерла и нам пришлось пробиваться одним.

Она вспомнила, как изменилась их жизнь со смертью мамы. Именно тогда стало ясно, какие они разные. Ребекка была более ответственной и несла на себе груз домашних забот, а также умудрялась сочетать учебу в университете с работой.

Пит был более легкомысленным, и если у него что-нибудь случалось, он всегда спешил к Ребекке за поддержкой. Постепенно все окружающие стали воспринимать их как старшую сестру и младшего брата. Она всегда следила за тем, есть ли что поесть в доме, выстирано ли белье, написал ли Пит курсовую работу, не забыл ли он о важной встрече. Даже когда Пит бросил университет и устроился работать, она продолжала опекать его. Да. Она воспринимала Пита как младшего брата. Очень любимого брата.

- По твоему тону я понимаю, что пробиваться пришлось прежде всего тебе, - проникательно заметил Рассел.

Он нежно погладил ее по щеке, и она, вместо того, чтобы закрыться в своей скорлупке, почувствовала, что ей намного легче продолжать свой рассказ. Она вдруг поняла, что только что рассказала Расселу о себе больше, чем кому-либо другому. Даже Артуру. Впрочем, это ее не удивило и не повергло в ужас. Сейчас ей хотелось только одного - продолжить свой рассказ и довести его наконец до конца.

- А что случилось потом? - поинтересовался Рассел.

- Какое-то время мы были вполне счастливы, - сказала Ребекка.

Ее лицо было мокрым, что показалось ей странным, ведь она не плакала. Должно быть, слезы тихо сочились из ее глаз, не переставая.

- Это продолжалось довольно долго. Я изучала искусство в университете, а Пит делал карьеру в банковском деле, устраивал вечеринки, на которых он всегда был королем, менял дорогие машины. Он был красивый, веселый и пользовался большим успехом у девушек.

Оказалось, что это не так уже трудно – открывать свою душу любимому человеку. Сначала она думала, что даже произнести вслух имя брата будет непросто, но сейчас почувствовала облегчение оттого, что может излить наболевшую душу.

- А какое участие ты принимала в его жизни?

Глаза Ребекки уже привыкли к темноте, и она явственно видела сочувствие в его глазах.

- Его постоянные вечеринки, а также мелькание рядом с ним все новых женских лиц ужасно меня утомляли, поэтому я старалась поменьше появляться у него. Я была тогда занята учебой, которая меня увлекала. Поэтому у меня не было времени устраивать свою личную жизнь, и это не особенно тяготило меня. Было, конечно, несколько парней, с которыми я встречалась, но ничего серьезного.

Слова лились потоком, как будто она долгое время силой удерживала их внутри, а сейчас они разорвали преграду и уже невозможно было остановить их.

Не было никого, похожего на тебя, подумалось ей. Поэтому и не было ничего серьезного. Вдруг истинность этого признания, сделанного самой себе, пронзила ее. Теперь она ясно поняла, что Рассел Робертс – необычный человек, который затронул ее душу и тем самым сделал возможным это освобождение от тяжелого эмоционального груза, давившего ее долгие годы. Осознание этого заставило ее замолчать.

- Продолжай, – сказал он мягко.

- Ты хочешь удовлетворить свое любопытство?

Она увидела, как он нахмурился.

- Ты думаешь, что я поэтому слушаю тебя? Ты считаешь, что как только я узнаю все, что мне интересно, я просто перевернусь на другой бок и засну?

- Ты сам как-то говорил, что любишь разгадывать загадки. Узнавать чужие тайны.

- Прекрати, Ребекка.

- Что прекрати?

- Ты как страус пытаешься спрятать голову в песок. Не делай из меня негодяя только потому, что так тебе будет удобнее отгородиться от меня.

- Ты преувеличиваешь, – попыталась оправдаться она. – Я и сама хочу закончить эту историю. Я чувствую, что должна тебе все рассказать.

- Ничего ты мне не должна. Ты вовсе не должна объяснять то, что произошло сейчас между нами. Если ты хочешь рассказать о себе, делай это только потому, что тебе это нужно, а не потому, у тебя есть какие-то обязательства передо мной.

И Ребекка, помолчав, продолжила рассказ.

- Несмотря на то что мы с братом стали встречаться реже, мы были очень близки. Мне казалось, что Пит – единственный человек, который знает обо мне все и может понять меня в любой ситуации. Когда у меня были какие-то проблемы, например, с моими друзьями, я всегда могла обсудить их с ним. Он мне был и младшим братом, и другом, а иногда и

советчиком.

Ребекка вздохнула и несколько секунд помолчала, прежде чем перейти к печальным воспоминаниям.

- Тот образ жизни, который вел Пит, требовал больших затрат, - ровным голосом продолжила она. - Он залез в долги, и мне нужно было как-то помогать ему. Я ушла из университета и пошла работать в компьютерную фирму - я тебе рассказывала о ней. Это было не слишком интересно для меня, но я зарабатывала неплохо, и мы почти расплатились со всеми долгами. Пит как будто немного притих, мы стали снимать одну квартиру. Казалось, что все идет хорошо.

Она опять помолчала, собираясь с силами, чтобы рассказать о самом страшном. Потом продолжила:

- Однажды Пит позвонил мне в офис и пригласил пообедать вместе с ним. Он был очень возбужден и взволнован. Оказалось, он присмотрел себе новую машину и даже внес первый взнос за нее. Машина была безумно дорогая, но он не мог говорить ни о чем другом. Он, как маленький мальчик был буквально влюблен в нее. Своих денег на покупку у него не было, и он хотел, чтобы я раздобыла денег где-нибудь. Я рассердилась и отказала ему. Наверное, я не должна была делать этого так категорично, но у меня был тяжелый день и я не сдержалась. Пит очень обиделся на меня и сказал, что попросит денег у маминого двоюродного брата, живущего в Женеве. Я пыталась ему объяснить, что мы так давно не поддерживали связи с ним, что вряд ли прилично просить у него что-либо, но Пит не хотел ничего слушать. Мы поссорились, и он поехал в Женеву. В тот день шел сильный дождь, дорога была скользкая. На одном из поворотов Пит не справился с управлением, и машина упала со склона...

Голос Ребекки стал каким-то неживым и шелестящим, словно она погибла тогда вместе с братом, а эту историю теперь бесстрастно рассказывала Расселу ее печальная тень.

- Когда я приехала на место аварии, мне показали искореженную машину, пахнущую гарью и кровью... У него была точно такая же машина, как и у тебя. Поэтому, увидев твой «порше» впервые, я чуть не упала в обморок. Когда все это случилось, мне показалось, что часть меня погибла вместе с ним на горной дороге. Я переехала в Лондон, продолжала работать там в филиале нашей фирмы, я совсем забросила живопись, мне было трудно делать что-либо. Мы были близнецами, и вдруг я осталась совсем одна. И я все время думала о том, как бы все повернулось, если бы мы не поссорились тогда в кафе. Если бы я не вспылила и попыталась раздобыть эти деньги, возможно, Пит был бы жив.

Она замолчала и посмотрела на него, как будто ожидая, что он наконец ответит на мучавшие ее вопросы. Рассел лишь погладил ее по плечу и вздохнул.

- Я бы хотел сказать тебе что-то, что помогло бы тебе справиться с тем, что произошло. Но я не знаю, что сказать. К сожалению, мы не в силах исправить все те ужасные и жестокие вещи, которые иногда происходят в жизни. Мне очень жаль, что это случилось с твоим братом.

- Мне уже гораздо лучше, - поспешила успокоить его Ребекка, видя, как близко к сердцу он принял ее историю. Она перестала плакать, но чувствовала, что ее глаза распухли. - Я пошла к психоаналитику, и с этого момента все изменилось в лучшую сторону. Я смогла говорить на эту тему, затем я вернулась к занятиям живописью. Там же, в приемной психоаналитика, я познакомилась с твоим братом.

- С Артуром? - В его голосе слышалось недоумение. - А что он делал у психоаналитика?

- Его эмоциональные проблемы тоже требовали вмешательства специалиста. Пусть он сам тебе об этом расскажет, если найдет нужным. Мы поддерживали друг друга. Он меня смешил и был моей жилеткой, в которую всегда можно поплакаться. Потом он предложил мне пожить в его доме в Париже, ведь Париж был всегда местом вдохновения для художников. Я сначала не могла представить, что опять вернусь в этот город, но потом согласилась. И мне действительно стало намного легче в этом доме, в обществе Артура, который всегда все правильно понимает.

- Ну хватит, хватит, а то я начну ревновать. - Рассел сказал это с легким смешком, давая понять, что это просто шутка. - Так, значит, все дело в этом? Ты до сих пор переживаешь свою трагедию, чувство вины и утраты? Вот почему тебе трудно прикасаться ко мне? Поэтому у тебя проблемы с мужчинами?

Она хотела сказать, что у нее нет проблем с мужчинами, пока они находятся на расстоянии вытянутой руки, но не стала. Рассел заставил ее почувствовать себя живой. До этого у нее было впечатление, что она как будто не живет и когда-нибудь просто улетучится, причем этого никто даже не заметит.

У нее было такое ощущение, будто страшный груз обломков прошлого смыло очистительной грозой. Обломков, лежащих на сердце подобно тяжелым глыбам. К ним, к их давящей тяжести было все это время приковано ее сознание. И пока она не избавилась от ужасной ноши, не могло быть и речи о том, чтобы нырять в волны будущего. Теперь наконец она вышла из длинного темного лабиринта на свет божий. Рассел освободил ее от пут прошлого, полного запретов, страхов и тайн.

Наконец она поняла народную мудрость о том, что, когда умирают твои родные и близкие, это не значит, что ты тоже уходишь с ними.

- Ты понимаешь меня? - робко спросила она Рассела, заглядывая ему в лицо.

Не отвечая, он наклонился и запечатлел братский поцелуй на ее лбу.

- Спокойной ночи, Ребекка, - сказал он и повернулся на другой бок.

Она подумала, что все наконец урегулировалась. Она честно рассказала ему о себе, он удовлетворил свое любопытство и больше не будет флиртовать с ней. Он будет относиться к ней бережно, как к хрупкому сосуду, уважать ее уединение и не втягивать ее в провокационные разговоры. Все ее тайны разъяснены, она уже не представляет интереса для него, поэтому он не будет ее соблазнять.

А она и не хочет, чтобы он ее соблазнял.

Она взглянула на его широкую спину. Рассел крепко спал, она точно это знала, его дыхание было ровным и размеренным. Она подождала еще немного, неотрывно глядя в одну точку. Если бы ее глаза были лазерами, то она прожгла бы дырку в его спине.

Она протянула руку и легко коснулась его шеи в том месте, где начинали расти волосы. Ей так хотелось прикоснуться к нему, что она не смогла удержаться. Ей очень нужно было поверить, что ее жизнь скоро войдет в привычную колею.

Рассел повернулся, взял Ребекку пальцами за подбородок и повернул ее лицо к себе. Она подчинилась и только тихо вздохнула, почувствовав на своих губах его губы. По ее телу пробежала дрожь, и в ту же секунду переживания сегодняшнего дня и страхи перед днем завтрашним были забыты.

Руки ее сомкнулись у него на шее, и она, словно изголодавшись, не могла насытиться его поцелуями.

Он обнял ее еще крепче, его руки скользнули вниз и, обхватив маленькие ягодицы, прижали к себе, у нее перехватило дыхание, когда она почувствовала его эрекцию. Ей стало жарко, но совсем не от ярко горевшего в камине огня. Она ласково провела рукой по его широкой груди, а потом наклонилась и прикоснулась губами к тому месту, где сильнее всего ощущались удары его сердца.

Когда, добравшись до его соска, она нежно прикоснулась к нему языком, Рассел тихо застонал. От этого прикосновения, словно от искры, в его груди разгорелось пламя страсти. Слишком долго сдерживаемое желание мощной горячей волной захлестнуло его.

- Ты уверена? - прошептал он, не отрываясь от ее губ. - Уверена, что хочешь этого?

- Я хочу тебя, - прошептала она в ответ. Ребекка лежала не двигаясь, чувствуя, как он нежно и осторожно провел руками по округлостям ее груди и прикоснулся большими пальцами к соскам. У нее участился пульс и все чувства предельно обострились.

Он прижался губами к мягкому углублению между ее плечом и шеей. Она откинула голову на подушку и закрыла глаза, наслаждаясь каждым моментом, испытывая потрясающие ощущения, пробегающие по всему телу - от корней волос до кончиков пальцев.

Луч лунного света пробился сквозь не до конца задернутые шторы и упал на ее груди. Они были небольшие, округлые, прекрасно развитые для ее худощавой фигуры. Сдерживая настойчивое желание, Рассел, наклонившись, поцеловал одну из них, проведя пальцем по кругам вокруг уже напрягшихся розовых сосков, прежде чем взять один из них губами.

- О!

Восклицание, едва слышное, словно шепот, напомнило ему удивление ребенка, оказавшегося в комнате, полной сокровищ. И были в этом восклицании такая свежесть, такая невинность, что возбуждают сильнее, чем любые уловки людей искусенных.

Она притянула его к себе, подчиняясь желанию слиться с ним, удовлетворить свою жгучую потребность в его близости. Но как бы она ни торопилась приблизить этот момент единения, Рассел не позволил ей пойти дальше.

- У нас впереди вся ночь, - прошептал он.

Когда его руки скользнули вдоль ее обнаженного тела, он почувствовал, как она дрожит. Затаив дыхание, он опустил руки ниже, ощущая твердость мышц живота, округлость бедер, нежность ее кожи.

Ребекка вся горела. Тело ее, охваченное страстью, силы которой он у нее не подозревал, извивалось под его руками в эротическом танце, где каждое чувственное движение требовало продолжения этой игры. Теперь ее руки скользили по всему его телу, так что он уже едва мог сдерживать свое желание.

- Мне трудно сдерживаться, леди.

Возбужденная низким горловым звуком его голоса, она закинула ногу на его бедро и, ухватившись за его плечи, всем телом подалась вперед. Он, казалось, перестал дышать от

наслаждения, а его кожа, под ее руками стала горячей и влажной.

Он вошел в нее, перехватив губами вырвавшийся у нее стон наслаждения. Мгновение они лежали не двигаясь. Потом, когда желание стало нестерпимым, он положил вторую ее ногу себе на бедро.

Она сразу же подстроилась к его ритму, как будто они всю жизнь занимались любовью. Она никогда до конца не понимала, что означает полная близость с мужчиной. Сейчас она поняла это.

Охвативший ее жар усиливался по мере того, как ускорялся ритм их движений. Все чувства были обострены, каждая мышца напряглась. Она хватала ртом воздух, следуя его движениям, впуская его еще глубже внутрь своего тела. Ее руки гладили его спину, все крепче и крепче прижимая его тело.

Мощный оргазм, какого Ребекка не испытывала никогда в жизни, потряс ее с такой силой, что она едва могла дышать. Но настоящее счастье испытала она, когда уловила момент его наивысшего наслаждения. И наконец почувствовав, что он слабеет, она наградила его долгим страстным поцелуем.

Лучи солнца, пробившись сквозь тяжелые зеленые шторы, упали на лицо Ребекки. Не открывая глаз, она потянулась, с улыбкой вспомнив прошедшую ночь.

Когда Ребекка открыла глаза, она увидела, что Рассел уже проснулся и, опершись на локоть, наблюдает за ней. Она улыбнулась ему неуверенной улыбкой, приглаживая руками растрепавшиеся волосы и панически думая при этом, что ее давненько перестало беспокоить, как она выглядит по утрам. Господи, что он о ней думает?

- Что ты делаешь? - смущенно спросила она.

- Запоминаю твое лицо.

- Зачем? Я никуда не ухожу.

- Это хорошо.

Он стал поглаживать пальцами ее обнаженное плечо, затем его рука скользнула чуть ниже, вновь возбудив в ней желание, которое она считала полностью удовлетворенным прошлой ночью. При любых других обстоятельствах она бы с удовольствием нырнула под одеяло и проверила, сколько времени потребуется, чтобы зажечь его снова. Но с наступлением утра вновь вступила в свои права реальность.

7

По мере того как они приближались к Парижу, Ребекка становилась все молчаливее. Она уже решила, что переедет из его дома, и чем быстрее приближался город, тем тревожнее становилось ее настроение.

Ей показалось, что Рассел не замечает перемен в ней, так как все его внимание было сосредоточено на дороге, и всякий раз, когда она бросала быстрый взгляд на него, он смотрел прямо перед собой, его лицо было серьезным и не улыбочивым.

Может, он тоже думает о том же? Их веселые каникулы закончились, они возвращаются в

реальную жизнь, где нет места романтическим отношениям. Тот привлекательный мужчина, которого она так нежно и страстно ласкала прошлой ночью, в которого она имела несчастье влюбиться, сейчас сидел рядом с ней с абсолютно невозмутимым и отчужденным видом. Он опять превратился в незнакомца.

- Скажи же наконец, о чем ты думаешь? – сказал он, даже не поворачивая головы.

- О чем? – Она вздрогнула от неожиданного вопроса.

- Почему ты вдруг превратилась в глыбу льда? – Он все же отвел глаза от дороги и на секунду остановил их на ее лице. – Что случилось? Разве тебе не хочется вернуться в город к твоим иллюстрациям?

Он замолчал на минуту, думая что она ответит что-то, но она продолжала молчать еще какое-то время.

- Конечно, я рада, – ответила наконец Ребекка без всякого выражения, тупо глядя в окно.

- Что-то особой радости я не замечаю. – Он размышлял вслух. – Я знаю, о чем ты думаешь, но то, что мы уезжаем из поместья, вовсе не значит, что это конец нашим отношениям.

- Что ты имеешь в виду? – спросила Ребекка, а ее сердце начало бешено биться.

Не будь смешной, уговаривала она себя, так как после его слов в ее воображении появились картины их совместной жизни.

Она представляла, как они вечно будут любить друг друга: то страстно и ненасытно, то нежно и доверчиво. Как у них появится чудесный малыш – плод их любви. Как они состарятся вместе и будут гулять по вечернему городу, окруженные внуками. Зимой они будут сидеть рядом перед камином, глядя в огонь...

Сердце не прекращало своей бешеной гонки. Вот чего она хотела – Рассела Робертса всего целиком, однажды и навечно!

Она хотела ложиться с ним и вставать каждое утро. Она хотела заниматься нудной домашней работой вместе с ним, заботиться о нем, кормить его завтраками и делить с ним все радости и горести жизни. Боже, как глупо...

- Только то, что я сказал. – Он опять взглянул на нее. – То, что мы едем в Париж, вовсе не значит, что мы будем делать вид, что между нами ничего не было. Надо смотреть правде в глаза – то, что произошло между нами, сделало нас другими и мы не можем от этого отказываться. Последние дни были просто замечательными. Я бы хотел, чтобы это имело продолжение. Почему бы и нет?

Его голос окутывал ее бархатистыми волнами, и она расслабилась в кресле. Как жаль, что город все ближе и ближе. Она смотрела на него, стараясь навсегда запомнить каждую черточку его лица.

- Ты со мной согласна? Так в чем тогда проблема? – Он улыбнулся ей, и от этой улыбки электрический ток пробежал по ее позвоночнику. – Помнишь, как мы пререкались с тобой? Мне всегда хотелось сорвать с тебя одежду, взять на руки и отнести в постель, чтобы убедиться, так ли ты горяча, как кажешься? Знаешь, так оно и оказалось.

От его мужественного голоса ей было тепло и уютно. Интересно, какой отец получился бы из него? Ей казалось, что неплохой, не просто неплохой, а превосходный отец для двух чудесных детей. Она почему-то опять вспомнила Пита, который умер и оставил ее совсем одну. Нет, лучше для четырех прелестных крошек.

- Ты уже живешь в моем доме, - продолжал он тем временем, пока она воображала миниатюрного Рассела Робертса, поднимающего на ноги весь дом. - А теперь просто переедешь в мою комнату.

Она была настолько погружена в свои мысли, что не сразу поняла о чем он говорит.

- В твою комнату?

- Так ведь удобнее, правда? А Артур уже большой мальчик, вряд ли он будет возражать.

Сердце вдруг прекратило свой бег и замерло.

- И как долго я останусь в твоей комнате? - спросила она еле слышно.

- Там видно будет.

- Ну конечно.

Она прикусила губу. Не будет топота маленьких ножек и домашней суеты, будет просто потная возня двух тел по ночам. Сколько это продлится? Месяц? Полгода? Год? А потом, когда его желание иссякнет, он напомнит ей, что он ведь ничего и не обещал ей. Если у него к тому времени еще останутся какие-то чувства по отношению к ней, он даст ей время, чтобы подыскать себе жилье.

Она вдруг подумала о маме, о брате... В эти несколько дней она совсем забыла о них. Боль расставания... Да, она может остаться с Расселом, но каждую секунду их совместной жизни она будет обречена помнить, что однажды придется расстаться навсегда. Сколько ей отпущено? Неделя? Месяц? Год?

- И о деньгах тебе не нужно будет думать, - продолжал убеждать он. - Ты будешь заниматься искусством в свое удовольствие, а я позабочусь о том, чтобы у тебя было все, что душе угодно.

Она молча смотрела в окно. Похоже, он пытается купить ее. Если она согласится, то каждое ее желание будет исполнено в обмен на секс. Можно было бы сдать в надежде, что, может быть, когда-то его забота о ней превратится во что-то большее, а если нет? Что-то внутри нее яростно сопротивлялось его предложению.

- Это то, что ты называешь современными отношениями? - спросила она без всякого выражения. - Все четко, продуманно и никаких неожиданностей. Встречаешь женщину, играешь с ней в свое удовольствие (прости, удовольствие, разумеется, обоюдное) и бросаешь, когда она станет не нужна?

Ею лицо стало жестким.

- Ты все стараешься превратить в карикатуру. Во-первых, ты от этой «игры» получишь не меньшее удовольствие, как сама справедливо заметила. Уж я об этом позабочусь. А во-вторых, кто знает, может ты первая захочешь уйти?

- Да ну. Уйти? - Она так и не отрывала глаз от дороги, хотя ничего не видела за окном. - Ты предлагаешь мне спать с тобой, обещая щедро вознаградить. Но, конечно, рано или поздно наши отношения закончатся. И что будет тогда? Я должна буду вернуть тебе все, что ты мне подарил, упаковать вещи и съехать? А потом найти кого-то другого, кто обеспечит меня всем, что «душе угодно»?

- Я ничего такого не имел в виду! - взорвался он.

- Так объясни, что же ты имел в виду! Я что-то стала туповата и никак не пойму.

- Во все ты не туповата. Ты специально делаешь вид, что ничего не понимаешь. Ты пытаешься все свести к какой-то сделке, хотя на самом деле это вовсе не то, о чем я говорю. Если тебя оскорбляет мысль о том, что я буду помогать тебе материально, хорошо - не надо. Но ты никогда не задумывалась над тем, что, может быть, мне нравится тратить деньги на тебя, предугадывая каждый твой каприз? Любому нормальному мужчине приятно делать подарки своей возлюбленной. Это совершенно естественно.

Ну и что? - подумала она. Пройдет новизна, и она окажется у разбитого корыта.

Они уже въехали в пригород, и Ребекка вздохнула с облегчением, полагая что разговор окончен. Он остановил машину у бензоколонки, чтобы заправиться, и она тоже вышла, немного размять ноги.

Однако Рассел, казалось, вовсе не собирался оставлять начатый разговор, несмотря на то что теперь они были не одни. Этот «выдержанный» господин на этот раз завелся не на шутку. Расплачиваясь за бензин, он продолжал раздраженным тоном:

- Ты пытаешься втолковать мне, что спать со мной в загородном доме - нормально, а вот в парижском доме - нет. Разве в этом есть какая-то логика? Какая разница? Эти странные рассуждения ты называешь моральными принципами?

Он так кричал, что все находящиеся на площадке прислушивались к его доводам в пользу свободной любви с большим интересом. Девушка за прилавком кассы пыталась сдерживать улыбку. Смущенная Ребекка шепотом попыталась его урезонить, но это оказалось совершенно бесполезным.

- Что ты там шепчешь? Если ты думаешь, что я умею читать по губам, то ты глубоко ошибаешься. Ты вообще собираешься отвечать на мой вопрос или нет?

Ребекка показала ему глазами на кассиршу, которая разрывалась между необходимостью соблюдать профессиональное спокойствие и желанием рассмеяться, но Рассел не хотел ничего замечать.

- Я думаю, что сейчас не время и не место обсуждать эти вопросы. - Она понизила свой голос настолько, что ее слова были почти неслышны.

Если он еще раз заявит, чтобы она говорила погромче, она просто стукнет его на радость зрителям. Он все время переворачивает и перевирает ее слова, но вовсе не хочет понять ее.

Он считал, что если люди понравились друг другу, почему бы не отправиться в постель? И чем меньше обязательств их связывает - тем лучше. Она же думала о том, что секс не станет хуже оттого, что они будут серьезнее относиться друг к другу и задумываться о том, как разовьются их отношения в будущем. Вслух эти соображения лучше было не оглашать. Что бы он сказал в

ответ на такие старомодные взгляды в век бешеных скоростей и однодневных любовных связей?

- Надеюсь, вы разрешите ваши разногласия, - высказала пожелание рыжеволосая девушка, отдавая ему сдачу.

- Не сомневаюсь, - ответил Рассел, одаряя ее одной из своих фирменных улыбок, которые действовали на девушек безотказно.

Посмотрим, подумала про себя Ребекка.

- Итак, продолжим нашу дискуссию? - были его первые слова в машине.

- Если ты думаешь, что я стану твоей любовницей, то ты ошибаешься. Это что, так трудно понять?

- Даже после того, как ты практически уже ею стала?

- Прекрати тыкать меня носом в этот факт!

- Почему же? Отчего это ты вдруг стала изображать из себя пугливую девственницу после того, как мы занимались сексом где угодно и сколько угодно без всякого стеснения?

- Я вовсе этого не отрицаю, - возразила она.

- Ну хоть за это спасибо! Но ты, похоже, собираешься дать мне понять, что это было просто временное помрачение рассудка?

- Что-то в этом роде.

- Значит, ты просто использовала меня, да? - Его глаза сузились.

Слава богу, что они теперь находились в машине и их никто не мог слышать, а то они опять стали бы центром бесплатного представления.

- Я? Тебя? - несказанно удивилась она.

- Да, бесплатная секс-терапия. Ты ведь сама говорила, что после смерти брата находилась как бы в летаргическом сне. Ты меня использовала, чтобы выйти из депрессии. И вполне результативно, как я вижу.

Он перестал говорить на повышенных тонах, а его глаза, устремленные на Ребекку, стали жесткими и холодными. Сама мысль о том, что его использовали, была для этого плейбоя невыносимой. Хотя Ребекка добилась того, чего хотела - обсуждение больной темы прекратилось, но она не чувствовала ничего, кроме горечи.

- Ты абсолютно не прав, - устало сказала она.

В ее голове не укладывалось, зачем они продолжают все это мусолить, переливая из пустого в порожнее? Он сделал ей вполне определенное предложение, она отказалась, что здесь еще можно обсуждать? Видимо, ее решение, было слишком большим ударом по его мужской гордости, и поэтому он продолжает настаивать на своем.

Ребекка почувствовала, что она и сама уже не очень уверена в том, что принимает правильное

решение. Аргументы, которые она приводила, мотивируя свой отказ, не были достаточно обоснованными, она прекрасно это понимала. Но она была не настолько уверена в чувствах Рассела, чтобы открывать ему всю душу.

- Я не пойму, в чем же тогда проблема? - требовал ответа Рассел, уже не в состоянии контролировать себя.

- Проблема в том, что я не готова ни к каким взаимоотношениям, даже к временным. То, что произошло, - произошло, но я не хочу продолжения. Пусть лучше у нас с тобой останется хорошая память об этих чудесных днях. Зачем все портить?

- Приятная память? Ты так говоришь, будто речь идет об увеселительной прогулке. Ты не хочешь никаких взаимоотношений - не надо. Смотри на это, как на развлечение двух людей, которые нравятся друг другу, но не связаны никакими узами.

- Ты повторяешься. Я не хочу больше говорить на эту тему.

Ребекка опять погрузилась в молчание. Каждое его слово было словно щепотка соли на открытую рану.

- Когда мы приедем, я сразу же соберу свои вещи и перееду.

- Не веди себя, как ребенок. Куда ты собираешься бежать? Вернешься в Лондон? Или у тебя есть какие-то друзья в Париже? Что-то я сомневаюсь, что они ждут тебя с распростертыми объятиями.

Когда Ребекка не удосужилась ответить, он кивнул, как будто понял, о чем она умалчивает.

- Не нужно строить из себя жертву. Разве я говорил тебе о том, что ты должна съехать из дома только потому, что отказала мне?

- Конечно, не говорил, но я думаю, что нам так будет проще.

- Это тебе будет проще, тебе, а не нам. Или ты боишься, что по ночам я буду стучаться в твою дверь? В жизни не бегал ни за одной женщиной, и сейчас не собираюсь. Можешь быть абсолютно спокойна. Не будь дурочкой.

Ребекка чуть не заскрипела зубами. Внезапно ее охватил гнев.

- Дурочкой? Почему это? Потому что ты считаешь себя подарком для любой женщины и не можешь понять, как это одна из них оказалась способной отказаться от нескольких недель твоего внимания?

- Вот в чем дело! - В его голосе зазвучала нотка понимания. - Ты не хочешь просто интрижки. Тебя смущает возможная кратковременность наших отношений.

- Я вообще ничего не хочу.

Ребекка доблестно боролась, чтобы казаться спокойной, но голос выдал ее.

Он заметил, что ее лицо моментально замкнулось, а глаза затуманились, и быстро сказал:

- Нет, ты хочешь всего и по полной программе - свадьбы, колец, взаимных обязательств...

- Ха, ха, ха! Я просто хочу сосредоточиться на своей работе... - начала было Ребекка, затем спохватилась и покачала головой, прижав два пальца к переносице.

- По крайней мере, это многое объясняет и имеет хоть какой-то смысл в отличие от той чепухи, которую ты несла всю дорогу.

Он совершенно расслабился и выглядел теперь абсолютно спокойным. Эта причина не была оскорбительной для него, и его мужское самолюбие не пострадало. Казалось, теперь он стал чувствовать себя вполне комфортно.

- Ты тупоголовый эгоист! - взорвалась Ребекка.

- А мне всегда говорили, что я умный, красивый и сексуальный, - возразил он, пряча улыбку.

Ребекка смотрела на него во все глаза, пытаясь прочесть его мысли, понять мотивы поступков. Неужели он вообразил, что сможет опять пустить в ход свое обаяние и заставить ее изменить свои намерения?

- Не думай, что я переменю свое решение - холодно парировала она. - Как только мы приедем, я сразу же соберу вещи.

Рассел, намереваясь повернуть на скоростную автомагистраль, посмотрел в зеркало заднего вида.

- Зачем? Я ведь пообещал, что не буду приставать к тебе. Все кончится тем, что ты растратишь последние деньги на квартиру. И на что ты будешь тогда жить? А об Артуре ты подумала? Неужели ты оставишь его наедине с грозным братом? Что он будет делать без тебя? Кто будет защищать его человеческие права?

Тон его голоса был мягким и ироничным, но глаза смотрели пристально и серьезно.

- Вы уже неплохо ладите, - неуверенно возразила Ребекка.

- Ты несколько преувеличиваешь, до этого еще далеко. Мы мало общались с Артуром все эти долгие годы, и теперь понадобится ни один день, чтобы наладить по-настоящему хорошие отношения. Нам нужно сначала хорошенько узнать друг друга.

Его слова действительно стоили внимания. Она понимала, что он говорит это лишь в надежде убедить ее остаться. Но Артур был ей дорог, она считала, что несет ответственность за него. В конце концов, Рассел прав, в таком большом доме при желании не так уж сложно избежать общества друг друга.

- Кроме того, - он смахнул несуществующую пылинку с ее плеча, - мое пребывание во Франции вскоре подойдет к концу. Мне пора возвращаться в Сан-Франциско и приступать к своим обязанностям. Так что вы с Артуром снова будете беспрепятственно наслаждаться обществом и пониманием друг друга.

- И как тебе понравилось во Франции? - спросила она, опять пытаясь повернуть беседу в более безопасное русло.

- Гораздо больше, чем я ожидал. Я так давно живу в Америке, что уж забыл, как выглядит дом, в котором я провел все свое детство. Совершенно неожиданно оказалось, что я по натуре домосед.

Эта тирада заставила Ребекку усмехнуться. Слово «домосед» совсем не подходило Расселу Робертсу. Его можно было легко представить сидящим в кресле самолета, на заседании совета директоров, но никак не в домашнем кресле с газетой в руках.

То, что он собирался уезжать, меняло положение дел. Она понимала, что ей будет нестерпимо трудно контролировать свои чувства и эмоции, встречая его каждый день, узнавая по шуму колес, что он подъехал к дому, слышать его шаги на лестнице по утрам, думать о том, что он делает в эту минуту и где он сейчас находится. Она представила себе, как бы она прятала глаза, чтобы не встретиться с его глазами и ничем не выказать своей любви к нему.

Но мысль о том, что он уедет и она больше никогда его не увидит, была еще больнее. Тоска мучительно сдавила ее сердце. Ребекке казалось, что до сих пор все ее существо было словно втиснуто в холодную хрустальную оболочку, а сейчас эта оболочка, треснув, раскалывается.

- Хочу тебя на прощание порадовать. Сейчас я уже готов принять отставку Артура, я даже утряс все проблемы, связанные с этим, осталось только решить некоторые технические детали.

Она открыла было рот, чтобы сказать в ответ что-нибудь бодрое, но поняла, что не может говорить. Казалось, у нее отнялся язык при одной мысли о том, что этот разговор, может быть, последний между ними.

Краем глаза Рассел заметил оцепенение Ребекки. Но ему было не до того, чтобы анализировать ее состояние. Ему самому было нестерпимо плохо. В его голове крутилось только одно слово. Одиночество. Это слово вдруг прозвучало в его сознании с удивительной силой. А ведь Рассел часто говорил, что это слово совсем не относилось к нему. Независимость - да, но одиночество...

Улицы Парижа были полны людей, и казалось, что те несколько дней в провинциальной Франции просто не существовали, а если и были, то безумно давно, в какой-то другой жизни.

- А потом, может быть, я найду себе кого-нибудь, - сказал он вслух, утешая самого себя. - Да и ты ведь тоже можешь влюбиться. Ни за что не поверю, что та горячая, страстная, трепещущая женщина, с которой я был, может опять превратиться в глыбу льда.

Его слова вызвали из ее памяти такие яркие картины их любви, что по ее телу прокатилась горячая волна.

Он сосредоточил все свое внимание на дороге и казался теперь абсолютно спокойным, предоставив ей возможность оставаться во власти своих иллюзий. Ему удалось полностью сокрушить ее самоконтроль и уверенность, остаток пути Ребекка провела, охваченная безмолвной паникой из-за предстоящей потери.

Разумеется, было множество причин, чтобы рассматривать отъезд Рассела Робертса как благо, но как бы усиленно она их не подсчитывала, это не помогло. В ее голове крутилась заезженная истина о том, что время лечит.

Когда они подъехали к дому, он помог ей выйти из машины, занес ее вещи, но сам не остался.

- Не ждите меня сегодня на ужин, у меня есть кое-какие дела. Так что ты сможешь вздохнуть спокойно, - подмигнул он ей.

Ребекка беспомощно взглянула на него. В ее душе поднимался гнев.

- Интересно, как ты себе это представляешь? Довольно сложно оставаться спокойной после всех этих сцен! - возмутилась она, чувствуя, что гнев все же лучше, чем это состояние заледенелой пустоты внутри.

- У меня абсолютно нет времени спорить с тобой. Передай привет Артуру.

Он закрыл за собой дверь, а она еще стояла несколько секунд, не в силах сдвинуться с места. Поднявшись к себе, Ребекка вдруг обнаружила, что привычные вещи стали ей чужими и незнакомыми. Так бывает, когда ты возвращаешься из какого-то дальнего путешествия и замечаешь, что не узнаешь свою комнату. Другое место за это время успело стать более родным. Она надеялась, что Артур будет дома, ей нужно было выговориться, но, как нарочно, дом был совершенно пуст.

Она заварила себе чашечку кофе и машинально взглянула на рисунки, которые так и остались лежать на столе.

Ей казалось, она закончила их сто лет назад. Они были милые, но абсолютно безликие. Разорвав листы недрогнувшей рукой, она взяла карандаш и несколькими штрихами наметила новую композицию. Карандаш так и порхал по бумаге.

Вместо аккуратных, технически правильно выполненных рисунков, на свет рождались образы, полные жизни, боли и страсти. Ее сейчас не беспокоили мысли о том, найдут ли эти работы отклик у зрителей, казалось, она просто не в силах остановить вереницу все новых и новых героев, которым пришло время появляться из утробы матери.

Никогда еще Ребекка не испытывала такого вдохновения. Она отрывалась от работы только чтобы сделать себе еще чашечку кофе, но к тому моменту, как стемнело, она потеряла счет и времени и тому кофе, которое она выпила.

У нее было такое ощущение, будто все ее чувства вырвались наружу и в результате этого освободилась творческая энергия небывалой силы. С удивлением она поняла, что, наверное, забыть Рассела Робертса не будет так уж трудно.

8

Лучи утреннего солнца, в которых плясали пылинки, проникали в дом, освежая разбросанные в беспорядке рисунки. Легкий ветерок, залетая в распахнутое окно, мягко овеивал лицо Ребекки. Хотя она и полюбила дом Артура с того самого момента, когда переступила его порог, только в этой комнате она чувствовала себя как дома.

У одной стены стоял просторный диван, обитый светло-коричневым бархатом и представляющий собой единственный предмет, который можно было назвать мебелью в общепринятом смысле слова. Остальную мебель составляли деревянные табуреты с пятнами краски, чертежный стол, мольберт и более трех десятков картин на разных стадиях завершенности, прислоненных к стенам.

После отъезда Рассела в Сан-Франциско Ребекка осталась в его доме в Париже, так как Артур сделал все, чтобы убедить ее в этом.

Ее друг понял, что она нуждается в его поддержке. И это действительно было так, одна она была не в силах вынести это расставание. Артур снова видел Ребекку такой, какой она не была давно - уязвимой, неуверенной, испуганной переменами в своей жизни и отчаянно пытающейся контролировать происходящее. Он понимал подругу как никто, слушал ее не

ушами, а сердцем, никогда не осуждал ее порывы и не пытался приуменьшить ее боль. Однако Ребекке потребовалось лишь несколько дней, чтобы нарушить данное себе обещание забыть Рассела. Это была ложная надежда. Только в тот единственный раз внезапный и спасительный порыв вдохновения сумел притушить ее боль. Но вскоре она вернулась, усиленная отчаянием, тоской и полной безнадежностью. Первое время Ребекка бесцельно бродила по дому, где каждый предмет напоминал о Расселе.

Когда она открывала входную дверь, то неизменно вспоминала их нелепое знакомство... По этой лестнице он нес ее на руках... За кухонным столом они пили кофе и выясняли отношения... В голубой гостиной он впервые поцеловал ее. Каждый предмет рождал сонм воспоминаний и чувств. Ее мысли снова и снова возвращались к мужчине, который находился по ту сторону океана.

Единственным утешением было то, что рисунки ее новой серии неожиданно и сразу нашли своих ценителей, и она уже провела одну успешную выставку. К счастью, у нее теперь было совсем мало свободного времени, чтобы оплакивать свое разбитое сердце, потому что большую часть дня она проводила в студии, работая над иллюстрациями, которые ей мгновенно заказало одно крупное издательство, а также над несколькими большими полотнами.

Как бы то ни было, сердце все равно было полно не проходящей болью. Артур нес бремя ее наперсника и терпеливо выслушивал все откровения подружки. С ним она могла посудачить обо всем, даже о своем глупом чувстве к Расселу.

Вот и сейчас он в джинсах и свитере сидел на диване и с иронической улыбкой на губах в сотый раз выслушивал ее сердечные признания. Стройный, грациозный, с длинными пальцами рук и патрицианскими чертами лица.

- И как только я могла влюбиться в твоего брата? - в отчаянии и недоумении спрашивала она Артура, а скорее себя. - Конечно, это ужасно глупо. Я сразу должна была понять, что выйдет из всего этого. Ведь он мне не понравился с самого начала! Я понимала, что он - герой не моего романа. Как же это все случилось?

- Ты знаешь, Ребекка, любовь - ведь это...

- Кошмар и ничего больше!

Она приложила руку ко лбу и принялась рассеянно расхаживать по кухне.

- А как же все эти счастливые финалы? Они жили долго и счастливо и умерли в один день? А?

Артур иронически улыбнулся.

- Да ты ведь знаешь, что это только сказки.

- Он ведь твой брат! - Она почему-то укоризненно посмотрела на Артура.

- С этим я не могу ничего поделать. Случайное стечение обстоятельств.

Артур улыбнулся и похлопал ее по руке. Его слова заставили Ребекку выпустить пар.

- Это ты виноват! Если бы он не был твоим братом, я никогда бы его не встретила! А если бы ты был настоящим другом, то позволил бы мне излить все мои пылкие чувства на тебя!

Но когда она взглянула на Артура и увидела его всепонимающую улыбку, ее злость куда-то улетучилась, и Ребекка слабо улыбнулась ему в ответ.

Артур притянул ее за руку на диван и ласково обнял, пытаясь утешить.

Внезапно дверь открылась без стука, и друзья с изумлением увидели на пороге того, кто был, сам того не зная, объектом безумных страданий молодой художницы. Перед ними стоял Рассел Робертс собственной персоной. Они торопливо отпрянули друг от друга.

- Добрый день. Я не помешал?

Рассел коротко кивнул девушке и бросил подозрительный взгляд на брата.

Ребекка не могла отвести глаз от Рассела. Несмотря на элегантный покррой кашемирового костюма и дорогой галстук, у него был тот же небрежный и независимый вид, который восхитил ее в начале их знакомства. Он был загорелым и здоровым. Прекрасно выглядел, был полон энергии и пугающе сексуален.

В нем появилось что-то новое, но она не смогла определить, что же именно. Рассел был слегка возбужден, и Ребекке даже показалось, что он выпил. Ошеломленные друзья не успели опомниться, как Рассел закрыл дверь и оказался перед ними. Он стоял посреди комнаты, как гранитная глыба. Цельный и непоколебимый.

Ребекка несколько раз глубоко вздохнула. Нужно сохранять спокойствие, мыслить ясно и разумно. Нельзя поддаваться эмоциям. Опять Рассел врывается в ее жизнь без всякого предупреждения. Зачем он явился на этот раз? Это не замедлило разъясниться.

- Вы уже видели это? - спросил Рассел Робертс, размахивая газетой.

Интересно, что же в газете могло его так заинтересовать? Кризис на бирже? Падение курса акций? Изменение цен на нефть? И насколько это было важно для них сейчас?

Он подошел к столу, за которым сидели Артур и Ребекка, смотревшие на него с выражением замешательства, и бросил газету перед ними.

- Прочтите!

Среди фотографий знаменитостей и новостей о влиятельных людях мира сего они увидели небольшую заметку, занимающую полколонки. Артур внимательно изучил статью, которая сводилась к тому, что художница Ребекка Блейк, имеющая определенный успех в художественных кругах Лондона и Парижа, и миллионер Рассел Робертс, один из самых завидных женихов Америки, обручены.

Далее автор статьи с удовольствием перечислял имена известных актрис и фотомоделей, с которыми Рассела видели в последние годы. Информация о Ребекке была довольно ограниченной и касалась только деталей ее последней выставки.

Эту новость никак нельзя было назвать хорошей. Однако все трое встретили ее по разному. У Рассела уже было время подумать над сложившейся ситуацией, поэтому он был возбужден, но старался контролировать себя.

Ребекка была шокирована и растеряна, так как не знала, что ей делать и как реагировать на эту неожиданную информацию. Она смотрела на газету, пока буквы не начали расплываться

перед ее глазами. Вспомнив, что за ней наблюдают, Ребекка наконец оторвала взгляд от статьи. На лице Рассела отражались какие-то неопределенные чувства. Ей показалось, что она рассмотрела выражение жалости и вины. Глубоко вздохнув, она пожала плечами и постаралась улыбнуться. Уголки ее губ дрожали.

Артур взирал на все происходящее с веселостью постороннего наблюдателя, как на интересный спектакль.

Он, казалось, получал массу удовольствия от замешательства, в котором находились эти двое. Ребекку ужасно раздражала его неуместная беспечность – то, что ей так нравилось в нем обычно. Он взял в руки злополучную газету и время от времени вслух зачитывал наиболее забавные, с его точки зрения, фразы...

- В прошлом обычный секретарь в компьютерной фирме, а сейчас подающая надежды художница смогла сделать то, что не сумели самые красивые женщины Парижа и Сан-Франциско – заполучить холостяка и плейбоя, владеющего финансовой сетью, опутывающей весь мир... Десятки женщин на обоих континентах продолжают оплакивать такую потерю для них... Решение о месте бракосочетания пока не принято, но пресса считает, что оно пройдет в одном из роскошных домов магната на побережье Средиземного моря... Близкие друзья утверждают, что это серьезные отношения, за которыми большое будущее...

- Но как это могло произойти? – Ребекка, потрясенная неожиданностью, задавала этот вопрос уже в третий раз.

Она вслед за Расселом прошла в соседнюю комнату, чтобы обсудить ситуацию, и теперь сидела в одном из кресел, поджав под себя ноги.

Сколько раз она читала колонку светских новостей, но никогда не думала, что это может коснуться ее! Ей никогда не нравилось стремление журналистов обмусоливать самые незначительные подробности личной жизни известных людей. Теперь она просто была вне себя от гнева. Тем более что Артур, который один только сохранял присутствие духа и видел все это в юмористическом свете, ушел по своим делам.

- Какие глупости! – задыхаясь от негодования, в очередной раз проговорила Ребекка.

Случившееся никак не укладывалось в ее голове. Все пошло наперекосяк в ее жизни с того самого момента, когда она открыла дверь и увидела вместо ожидаемого водопроводчика Рассела Робертса. Разве пару месяцев назад она могла представить себя в такой ситуации?

Может, рассказать журналистам, что это все ошибка? Что они едва знакомы, а уж о браке и речи быть не может? Но ведь это дискредитирует Рассела?

- Не буду я пить, – резко бросила она Расселу, который принес ей бокал с чем-то. – О каких это друзьях они говорят? Откуда это все появилось?

- Выпей. Это поможет тебе успокоиться.

- Я и так совершенно спокойна, – нервно огрызнулась она.

Ребекка больше не могла сидеть на одном месте. Ей хотелось вскочить и начать мерить шагами комнату или швырять тарелки в кого-нибудь, предпочтительнее всего – в Рассела. Она не могла больше держать внутри раздражение и досаду, которые накопились за весь прошедший месяц, а теперь рвались наружу.

Невозмутимый Рассел пожал плечами, поставил стакан на стол и сел рядом с ней, положив ногу на ногу. Эта неожиданная близость явно не способствовала ее успокоению.

Рассел, казалось, полностью владел собой. Если он и был взбешен, этого нельзя было сказать по его внешнему виду. Его пиджак остался на кухне, и он по своей излюбленной привычке закатал рукава рубашки в тонкую полоску, обнажая мускулистые руки, поросшие темными волосками. Ребечке показалось, что он готов к драке. С кем?

- Как это все могло попасть в газеты? Кто мог нас видеть в этом богом забытом месте во Франции? И откуда появился слух о нашем обручении? - почти простонала она.

Рассел фыркнул и сказал не без ехидства:

- Не думаю, что милейшим жителям Дьепа понравилось бы, что ты назвала их любимый город «богом забытым местом».

Ребечка едва подавила раздражение.

- Не увивай от ответа!

Он небрежно пожал плечами.

- Я просто стараюсь не делать из мухи слона. Нужно здраво взглянуть на происходящее.

Ребечка помолчала, с трудом переваривая только что услышанное.

- Здравое? - Она не могла подобрать слов. - Как я могу вести себя здраво, когда мое имя полощут в какой-то паршивой газетенке. Кстати, и твое тоже. Что мы можем сделать со всем этим?

Собрав последние крохи выдержки, она постаралась успокоить себя и выслушать мнение Рассела. В конце концов его это тоже касается.

- Во-первых, я скажу, чего мы не можем. - Он сделал большой глоток из стакана. - Мы не можем сделать так, чтобы эта статья исчезла.

- Очень полезное замечание, - усмехнулась она саркастически.

Его самоуверенность стала выводить ее из себя.

- И то, что ты так заводишься из-за этого, не может изменить факта существования статьи. - Он продолжал говорить ровно, будто она и не вставляла своих замечаний.

Ребечка закусила губу и вздохнула.

- Кроме того, подумай и обо мне. Ведь в статье действительно не только твое имя. Уже завтра все мои знакомые и деловые партнеры будут обрывать телефон, поздравляя меня с обручением. Не говоря о тех длинноногих актрисах, которым не удалось довести меня до алтаря. - Он ухмыльнулся, но заметив грозное выражение ее лица, добавил. - ... Как пишут в этой статье.

Рассел положил руку Ребечке на плечо, пытаясь успокоить ее.

Ребечка сразу решила, что все-таки пара глотков вина ей не помешает. Она схватила бокал и,

не чувствуя вкуса, выпила сразу приличное количество его содержимого в надежде, что это хоть немного успокоит ее нервы.

- Но как же они заполучили эту историю?

- Не знаю, - пожал плечами Рассел. - Может быть, в таверне, где мы обедали, был какой-то корреспондент?

Как ему удалось сохранять такое спокойствие? Ведь, честно говоря, он терял больше, чем она. Она сомневалась, что кто-либо из ее знакомых вообще читает газеты, а если даже кто-то и заметит эту статью, то она просто скажет, что это очередная газетная утка, искусственно сфабрикованная информация, которой так изобилуют современные газеты.

У нее нет родителей, которым нужно было бы объяснять ситуацию, и нет близких друзей, которые могли бы обидеться, что они узнали эту новость последними. Если же говорить о Расселе, то эта информация действительно могла ему повредить. Странно все-таки, что он так спокоен. Если, конечно, этот делец уже не придумал какой-нибудь хитрости.

- Я не знала, что ты настолько известен, что о тебе пишут в колонке светских новостей, - заметила она едко.

Рассел улыбнулся своей высокомерной улыбкой и пожал плечами.

- А почему бы и нет? Я богат, имею власть и все еще холост.

В ответ на это замечание Ребекка швырнула газету на пол с заметным пренебрежением. Опять он поднимает себя на недостижимую высоту. Что он о себе возомнил?

- Правда, чаще мое имя мелькает в финансовых новостях, - заметил он.

Она понимала, что Рассел прав. Не стоит выходить из себя из-за того, что печатают в газетах. Пусть он сам придумывает, как выйти из этой ситуации. Наверняка ее предположение верно. Он не был бы таким спокойным, если бы его острый ум уже не нашел какого-то выхода.

Ребекка немного помолчала, разглядывая напиток в стакане.

- Итак, что же мы будем делать? Или, скорее, что ты будешь делать? Ведь действительно, это ты попадешь под обстрел телефонных звонков от коллег, деловых партнеров и светских красавиц, которым ты дал отставку.

Сейчас Ребекка чувствовала свое превосходство над ним и ей было интересно узнать, как же он выкрутится из данной ситуации. Ей-то что? Пусть повертится как уж на сковороде.

Он удивленно приподнял тонкую аристократическую бровь.

- Неплохой вопрос.

Он принялся старательно делать вид, что всерьез обдумывает сложившуюся ситуацию - изо всех сил хмурил брови, словно в поисках разгадки, время от времени недоуменно покачивал головой, пожимал плечами и даже потер лоб рукой. Какой бездарный актер, подумалось Ребекке. Она бросила на него ироничный взгляд.

- А ты что думаешь об этом? Может быть, у тебя самой есть какие-то предложения? - спросил он, мгновенно поймав этот ее взгляд.

- Мне все равно.

Рассел выдержал паузу. Если он и был раздосадован, то не показал этого.

- Ты уверена?

Никогда еще она не была так уверена в том, что желает этому бессовестному человеку мучиться так же, как страдала из-за него она.

- Абсолютно.

Теперь, когда Ребекка пришла в себя от неожиданного визита Рассела и от этой дурацкой статьи в газете, она обратила внимание на то, что не только ее джинсы заляпаны краской. Весь ее облик красноречиво свидетельствовал о том, что последние несколько часов она работала с карандашом, мелом и пастелью.

Можно представить, какое у меня лицо, подумала она с горечью. А Рассел как всегда свеж, как огурчик. Даже сейчас, без пиджака, в рубашке с расстегнутыми верхними пуговицами он выглядел так же представительно, как и при полном параде. От его волнующей близости у нее закружилась голова. Она почувствовала запах дорогого одеколона, смешанный с запахом его тела.

- Наша так называемая помолвка меня вовсе не волнует. Не думаю, что это как-то повлияет на мою жизнь, - невозмутимо произнесла она.

Он удивленно посмотрел на нее.

- Ну тогда это меняет дело.

Ребекка, которая получала удовольствие, представляя, как он будет извиваться словно червяк на крючке, пытаясь сохранить свою репутацию, вдруг насторожилась. Что-то в его интонациях не понравилось ей. Во-первых, он был чересчур спокоен. Во-вторых, знакомый блеск в его глазах заставил ее вспомнить об умении Рассела манипулировать людьми.

Она прижала пальцы ко лбу, надавив на точку, от которой начинала расходиться головная боль. Сейчас в голове у нее немного прояснилось. У Рассела определенно был какой-то план, и она не имела ни малейшего желания стать его жертвой.

- Что ты задумал? - откровенно спросила она.

- Дело в том, что в сложившейся ситуации мне даже выгоднее быть обрученным, - усмехнулся этот тип. - Да, это весьма кстати.

- Что?!

Вот этого она никак не ожидала! Кровь бросилась ей в лицо, и нахлынувшие чувства мгновенно заполнили уже привычную пустоту.

Рассел вроде бы не смотрел на нее. Казалось, он рассуждает вслух, прикрыв глаза и ничего вокруг не замечая. Но это впечатление было обманчивым. Хотя Ребекка очень старалась держать себя в руках и делать вид, что ей все равно, что-то в ее голосе или в том, как она избегала смотреть ему в глаза, выдало ее. Поэтому Рассел, который на самом деле не упускал из виду ни одного ее движения, вдруг взял девушку за плечи и повернул к себе лицом.

- А все-таки ты нервничаешь.

Лгать было бы глупо и унизительно. Опасаясь, что дрожь в голосе ее выдаст, Ребекка лишь кивнула головой. Ей и без того было трудно держать Рассела на расстоянии. Он отпустил ее и снова развалился в кресле.

- Сейчас я работаю над очень серьезным проектом с одной японской компанией, - продолжал он разговаривать сам с собой, не обращая больше внимания на растерянную Ребекку. - Мистер Тошида ставит семейные ценности во главу угла. Он, конечно, ничего не имеет против моего положения холостяка, но ему было бы гораздо спокойнее вести бизнес со мной, если бы он знал, что я собираюсь вскоре жениться. Он, безусловно, предпочел бы вести переговоры между двумя семейными фирмами.

Ребекка покачала головой.

- Ерунда какая-то...

Рассел облокотился о спинку кресла так близко от нее, что мог бы прикоснуться, но не сделал этого. Ей хотелось, чтобы он не глядел на нее полузакрытыми глазами, словно кот. Она не могла не почувствовать, что этот разговор приведет к каким-то непредсказуемым последствиям.

- Мы не можем судить об обычаях другой страны с нашей собственной точки зрения, - поучительно сказал Рассел.

Его поза оставалась обманчиво расслабленной, пока он ждал ее следующего вопроса.

- Я не то имею в виду, - поспешно возразила Ребекка. - И вовсе не собираюсь критиковать обычаи другой страны. Но ты, кажется, хочешь меня уверить, что огромная японская компания ведет дела только с теми американскими фирмами, во главе которых стоят женатые мужчины с кучей детей? Это ведь полный бред!

- Ну не такая уж у него большая компания...

- Знаешь что! Для своих финансовых дел поищи себе более подходящую невесту. И желательно где-нибудь в другом месте.

Ребекка порадовалась, увидев, что невозмутимость наконец слетела с его лица. Рассел нахмурился, а она, напротив, чуточку овладела собой, и сознание этого придало ей мужества.

- Так ты же сама сказала, что тебе абсолютно все равно? Почему бы тебе не подыграть мне, раз сам собой представился такой удобный случай?

Ребекка в изумлении уставилась на него. Слово «ошеломленная» не могло описать ее состояния. Смущенная? Взбешенная?

Их разговор принимал какой-то неожиданный оборот, но она еще была не в состоянии понять, куда же он приведет. Только минуту назад она окончательно успокоилась и была довольна тем, что не ей, а ему придется выкручиваться из этой сложной ситуации. Но он, кажется, снова собрался ею манипулировать.

То, что происходило сейчас, было совершенно несправедливо. Разве это не он перевернул всю ее жизнь, выбил ее из колеи и заставил нервничать и страдать? Так пусть он и расплачивается!

- А может, этот мистер... как там его... - Она вопросительно пощелкала пальцами.
- Тошида?
- Может, он не читал эту статью? Она такая маленькая, - проговорила Ребекка с надеждой.
- Не такая уж маленькая. Двадцать строк. —Его голос был полон сомнения.
- Ладно, хватит меня разыгрывать! Ни за что не поверю, что японский бизнесмен, приехав с деловым визитом, будет читать колонку сплетен в желтой прессе, тем более на иностранном языке.

Казалось, она пытается убедить не его, а саму себя.

Рассел опять пожал плечами с многозначительным видом, что так раздражало ее.

- Даже если он не увидит этой статьи, кто-нибудь из его сотрудников обязательно ее прочтет, поскольку они тщательно собирают сведения о возможных деловых партнерах. У них это прекрасно налажено. И если я стану объяснять ему, что это всего лишь досадная ошибка, или, упаси Боже, стану рассказывать, что случилось на самом деле, это окончательно подорвет доверие ко мне.

Он откинулся на спинку дивана, и его плечи устало опустились. Он немного подождал на тот случай, если ей придет в голову возразить.

- Ты думаешь, что лучше будет соврать? - саркастически спросила Ребекка.
- Всего лишь маленькая ложь во спасение. Кроме того, я думаю, что эта история забудется сама по себе спустя какое-то время. Появится какая-нибудь новая сенсация, и, спустя неделю или две, все забудут о нашем существовании.

Она вспомнила, как они были вместе в маленькой таверне, как он смотрел тогда на нее, как касался ее... И мысль о том, что эти руки опять будут дотрагиваться до нее, опьяняла Ребекку. Как бы ни было ей трудно с ним, это не идет ни в какое сравнение с тем ужасом, который она испытала, когда поняла, что никогда больше его не увидит.

Кроме того, в глубине души ее привлекала перспектива провести несколько дней с Расселом. Пусть все будет так, как распорядится сама судьба. Когда он повернулся, чтобы выслушать ее решение, Ребекка поняла, что не могла бы сказать «нет», даже если бы он предложил слетать на обратную сторону Луны.

- Завтра я ужинаю с мистером Тошидой и его женой, - сообщил Рассел. - Естественно они захотят, чтобы я пришел со своей невестой. Но я думаю, что это только начало.

Она ошарашено подняла на него глаза.

- Начало чего?

Всегда, когда он был рядом, события развивались с такой ошеломляющей скоростью, что она за ними просто не поспевала. Нельзя сказать, что она плохо соображала, но его способность обращать любое событие в свою пользу была непревзойденной.

- Нам нужно будет еще провести несколько обедов с наиболее влиятельными клиентами, а также кое с кем из моих коллег и постоянных партнеров...

Он начал загибать пальцы, деловито перечисляя, что им предстоит сделать в ближайшее время.

Она была в растерянности.

- Но ведь ты сказал, что через неделю о нас все забудут?

- Я имел в виду газеты. А что касается тех, с кем я веду дела и поддерживаю дружеские отношения, на это уйдет более долгое время.

Рассел наблюдал за ней с невозмутимым выражением лица.

Сердце Ребекки сжалось от неясной тревоги. Она еще не совсем поняла что хуже. Вероятность номер один - он выслушивает ее категорический отказ и уезжает навсегда, или вероятность номер два - она соглашается, вследствие чего им придется много времени проводить вместе, притворяясь и лицемеря перед чужими людьми.

В глубине души она знала ответ на этот вопрос, но всеми силами старалась не поддаваться. Рассел может оставаться здесь день, неделю, месяц, но он все же уедет, и ей снова придется учиться тому, как прожить день без него. А потом еще один день, и еще...

О Боже, как же ей было нужно, чтобы его руки прижимали ее, чтобы его губы целовали лицо, шепча ее имя... И теперь, как и всегда, когда Рассел находился рядом, она теряла над собой контроль.

- Теперь кольцо, - деловито сказал Рассел.

- Какое еще кольцо? - спросила она оторопело.

- Не бойся, ничего особенного, просто старая семейная реликвия. Ты должна носить его как моя невеста. - Он достал из кармана изящный футляр и открыл его.

Ребекка недоуменно смотрела на золотое кольцо с бриллиантами, боясь даже коснуться его.

- Это ты называешь «ничего особенного»? Ты не знаешь, почему это у меня такое чувство, будто мною манипулируют? - спросила она расстроенно и нервно тряхнула волосами.

- Это старинная вещь, - заметил Рассел спокойно. - Кольцо принадлежало трем поколениям моей семьи. Позволь, я тебе его примерю.

- Я не могу его надеть. Не имею права, - тихо отказалась Ребекка, и неожиданная грусть окутала ее, словно туман. - Подобные вещи, - она нерешительно показала на кольцо, - не имеют цены. Его нужно сохранить до настоящей помолвки.

Может быть, Рассел Робертс и не прочь поиграть в помолвку. А потом забрать у нее кольцо и, не моргнув глазом, подарить его другой женщине. Однако, по мнению Ребекки, к браку не следовало относиться так легкомысленно. Брак - это нечто святое.

Какое-то мгновение они не отрывали глаз друг от друга, и Ребекка призналась себе, что страстно хочет получить это кольцо, но боится той боли, которую она испытает, когда придет время возвращать его. И она категорически отказалась надевать эту фамильную драгоценность.

Она выпила уже два коктейля из джина с тоником. В ее правила не входило пить так много. Он

что специально делает эти коктейли такими крепкими, что они просто с ног валят? В этом «слегка измененном» состоянии она вдруг обнаружила, что мысль о том, что следующие несколько недель она проведет вместе с Расселом, не только не пугает ее, но, наоборот, наполняет трепетным волнением.

Дернул же ее черт так влюбиться! Ребекка чуть не задохнулась от подступившего к горлу волнения. У нее просто голова шла кругом. Как бы ей позже не пришлось дорого заплатить за это согласие. Ну и ладно. Пусть будут только он и она во всем мире и их полыхающая жарким факелом страсть. Казалось, эта мысль заполнила ее всю целиком, вытеснив и страх следующего дня, и мучительные сомнения прошлого. Она прекрасно проведет эту неделю в компании Рассела, а там – будь что будет!

9

Уже первый вечер с мистером Тошидой и его женой показал, что Ребекка не совсем представляла, на что идет. Держаться на расстоянии от Рассела оказалось еще труднее, чем она думала.

Ребекка не спала всю ночь, беспокоясь о том, сможет ли она держать эмоциональную дистанцию с Расселом и сохранить ясность ума. Когда он заехал за ней, один его вид заставил ее еще больше заволноваться. Сердце бешено колотилось. Нет, совсем не та реакция, на которую она рассчитывала.

Первое, что она заметила, прибыв вместе с ним в гостиницу, где проходила встреча, это то, что она никогда не была прежде в таком шикарном месте.

Ребекка словно во сне вошла в ресторанный зал, не задерживаясь, чтобы разглядеть всевозможные блюда, выставленные на ломившихся от разнообразия яств столиках на колесиках.

Ребекка смотрела вперед, прямо перед собой, незаметно покусывая губы, чтобы их предательская дрожь не выдала ее эмоций. Она была так не уверена в себе! Все это свалилось на нее как снег на голову.

Объявившийся метрдотель провел Ребекку и Рассела в зал, и через полминуты они оказались перед заказанным заранее столиком. Мистер Тошида и его жена уже элегантно восседали на своих местах. Они заказали меч-рыбу – фирменное блюдо ресторана.

Рассел обнял Ребекку за талию и притянул к себе. Казалось, так естественно стоять рядом с ним и смотреть в его глаза, когда он представлял ее японцам как свою невесту. Он улыбался ей с довольным блеском в глазах. Теплый и живой, его голос обволакивал ее.

Но как только они уселись, и Рассел перестал ее гипнотизировать взглядом и голосом, Ребекка поймала себя на мысли, что ее так и подмывает прекратить этот безумный фарс.

Оначувствовала себя настоящей мошенницей. Что скажут эти люди, когда выяснится, что их помолвка – фиктивная? Должно быть, Рассел увидел панику в ее глазах, потому что успокаивающе сжал ее руку и подмигнул ей.

Бальный зал поражал своими размерами и изысканной архитектурой. Гигантские пальмы в кадках и папоротники высотой с дерево смягчали квадратную форму комнаты, создавая уютные уголки, где были расставлены столы и стулья.

Стол были украшены кремовыми орхидеями, а напольные вазы с крупными белыми розами и

гвоздиками, выделяющиеся посреди зелени, придавали еще больше блеска викторианскому убранству отеля. Из хрустальных люстр лился холодный свет.

С точки зрения художника, оформление зала было почти безупречным. Может быть, заняться дизайном, подумалось вдруг Ребекке. Это, наверное, приносит неплохие деньги. Еще раз осмотрев зал, она решила, что сама выбрала бы чуть более строгий стиль.

На возвышении в дальнем конце зала настраивали инструменты музыканты. Они придерживались старой манеры исполнения, прекрасно подходящей для танцев и не мешающей спокойно разговаривать.

С того самого момента, как они вошли в зал, Ребекку преследовала мелодия вальса, которая звучала где-то внутри нее. Да, ей хотелось танцевать. Ее душа как будто обрела крылья и парила на волнах этой негромкой музыки, позволившей ей наконец перестать ощущать груз хаотичных мыслей, которые давили на нее столько времени.

Ребекка не могла вспомнить, когда она танцевала в последний раз. Даже когда они ходили куда-нибудь обедать с Артуром, то обычно были заняты исключительно разговорами о волнующих их вопросах.

Рассел почувствовал ее желание и тут же пригласил Ребекку на танец. Он был прекрасным танцором, и девушка с радостью ощутила, как ей легко с ним.

Они танцевали, и их тела составляли одно целое, его рука гладила ее спину, а их ноги касались друг друга, рождая эротические образы, которые довели Ребекку до полного изнеможения. Рассел крепко сжимал ее в своих объятиях, и, зарывшись лицом в ее волосы и тихо покачиваясь в такт стихающей мелодии, вдыхал их тепло и душистый запах.

Под конец, словно вовсе забыв о глухих ритмах еще звучащей музыки, он весь отдался ощущению близости Ребекки. Он гладил ее по спине и, крепко обняв, мягко вел сквозь густую толпу танцующих. Ребекке казалось, она пребывает не в реальности, а во сне, таком глубоком и сладостном, что его не хотелось прерывать. А Рассел выглядел так, будто на земле не было другого места, где он хотел бы очутиться.

Когда в конце вечера он опять коснулся ее спины сквозь платье, ей пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы быть в силах пожать руку гостям на прощание. Поездка домой в темном такси, когда она чувствовала рядом его плечо, довела ее желание до предела, и ей стоило немалых усилий попрощаться с ним перед дверью спальни.

Затем последовали обеды с клиентами. Оказалось, что его список ужинов в кругу коллег и званых обедов с представителями финансовых кругов настолько велик, что Ребекка диву давалась, когда же он умудряется работать. Во время званых вечеров не было никаких нарочитых прикосновений и шепота на ушко, но одни только откровенные, зовущие взгляды Рассела заставляли ее сердце биться учащенно.

Каждый раз, когда ей казалось, что она приняла правила и поняла суть их отношений, он делал и говорил что-то, что пробуждало в ней надежду и желание. Как могла она быть рациональной, здоровой и уверенной в себе, как могла защищаться от боли, причиняемой этой неуместной любовью к красавцу миллионеру, если чувствовала себя в безопасности лишь в его объятиях?

Еще в один вечер они обедали на прогулочном пароходике, неспешно следующем по Сене. Ночь была ясной, звезды ярко сверкали. Туристов пока было совсем немного, но среди них она

угадала несколько пар, явно проводивших здесь свой медовый месяц. Она искренне позавидовала им. Какой контраст составляли счастливые влюбленные этой их воображаемой помолвке!

В отсутствие зрителей Рассел был джентльменом – предоставлял ей свободу во всем, соблюдал безопасную дистанцию. Они каждый вечер прощались у дверей ее комнаты. Он не напоминал ей о страстных ночах, проведенных вместе. Однако Ребекке было все сложнее казаться безразличной к его обаянию и тонкому чувству юмора.

В компании же других людей, он вел себя совсем по-другому. Он был демонстративно внимателен и исполнял все ее желания. Ей даже казалось, что она слышала его шепот о том, что он любит ее, и была тогда полна ощущения безопасности и того, что она не одинока, а принадлежит кому-то. Его прикосновения заставляли ее забыть о том, что каждую ночь, оставаясь в тоскливом одиночестве, она принимала решение прекратить все это раз и навсегда.

Как он делает это? Как ему удастся вновь и вновь, несмотря на все ее окончательные приговоры, заставлять ее мечтать?

Шла уже третья неделя воображаемой помолвки, и их светская жизнь начала понемножку утихать. Ребекка стала больше времени проводить дома, наконец вернувшись к своей работе, которую она совсем запустила. Две предыдущие недели она здесь только отдыхала и наряжалась перед вечеринками.

Весь этот день Ребекка рисовала, а к вечеру приняла душ и тщательно привела себя в порядок.

Сегодня они должны были ужинать с деловыми партнерами Рассела. Ребекка была одета в облегающее маленькое черное платье, подчеркивающее изгибы ее тела, но в то же время скромное. Темные, с рыжеватым оттенком волосы были схвачены черной бархатной ленточкой, а несколько колечек, выбившись из прически, танцевали вокруг изящных ушек. Из украшений на ней были только бриллиантовые серьги. Тщательно продуманный имидж давал ей возможность выглядеть одновременно и трогательной, и холодной, и страстной, но все же неприступной.

Артур уговорил ее купить это несколько легкомысленное платье, и теперь Ребекка была рада, что уступила ему. Она с удивлением заметила, что ей начинает нравиться красиво одеваться и бывать в обществе – две вещи, которые она ненавидела всю свою жизнь.

Во время встреч с деловыми партнерами Рассела ей обычно приходилось занимать гостей.

Ребекка была ненавязчива, но никто в компании не скучал. Она чувствовала, что меняется. Может, это происходило потому, что рядом с ней был Рассел, который делал даже самое заурядное событие волнующим и незабываемым?

Ее тело наполнялось трепетной дрожью каждый раз, когда он прикасался к ней. Все в ней тогда кружилось со скоростью света. Ее саму захватил праздничный вихрь. Сейчас она уже была не в силах отказаться от их совместных вечеров. Однако она не спала с ним. Хоть здесь ей удалось сохранить свои принципы.

Рассел должен был заехать за ней в полдевятого, и она ждала его внизу. Сначала она услышала шуршание шин по асфальтовой дорожке возле дома, а затем поворот ключа в замочной скважине. Он открыл дверь, увидел ее и замер от удивления и восхищения.

- О! У тебя новое платье? Оно тебе очень идет.

Она действительно выглядела великолепно. Откровенный вырез изящного платья открывал атласную кожу прелестной шеи и начало нежной груди, а короткий подол давал возможность продемонстрировать безусловную гордость Ребекки - ее стройные грациозные ноги.

Рассел смотрел на нее с явным вождением, но Ребекка притворилась, что не замечает страсти, разгоравшейся у него в глазах, которые вдруг сузились и потемнели.

Но, Боже мой, как же ей вдруг захотелось отбросить всякую осторожность! А вместе с ней - тяжесть ответственности и бремя рационального мышления. Просто - наслаждаться жизнью...

От пристального взгляда Рассела по ее телу пробежала легкая дрожь. Атмосфера слегка изменилась, в ней чувствовалось напряжение. Это было некстати. И Ребекка прибегла к своей старой уловке - попыталась спешно перевести разговор на безопасные рельсы.

- Куда мы сегодня пойдем? - деловито спросила она.

- Никуда. Мы останемся дома. Я принес с собой закуски из китайского ресторана.

Ребекка на секунду застыла и вскинула свои изящно очерченные брови.

- Но разве ты не говорил мне, что предстоит обед с твоими коллегами... - Она замолчала, загипнотизированная его пристальным взглядом.

В комнате воцарилась тишина. Ребекка и не догадывалась о том, что Рассел с трудом сопротивляется желанию в несколько шагов уничтожить расстояние между ними и сжать эту безумно желанную женщину в объятиях.

- Да, мы собирались пообедать с моими коллегами, - медленно проговорил он. - Но я отменил это мероприятие для того, чтобы мы могли побыть одни. Мне необходимо поговорить с тобой.

Но Ребекка боялась оставаться с ним наедине! Разум снова взял верх, и она с отчаянием подумала, что никогда не стала бы ни другом, ни любовницей такого человека, как Рассел, если бы не тот случай в поместье.

- Тебе следовало бы прежде обсудить эту идею со мной, - холодно заметила она.

Рассел только пожал плечами. Откуда-то из-за спины, как фокусник, он извлек пакет с маркой популярного ресторанички и поставил его на стол, затем снял пиджак, расслабил галстук и закатал рукава. Как зачарованная Ребекка наблюдала за ним. Его движения были ловкими и точными, что бы он ни делал.

Их взгляды встретились, и пламя, искоркой теплившееся в ней, вспыхнуло и прожгло ее с головы до пят. Чертовски некстати.

- Нам нужно поговорить, - спокойно повторил он.

- О чем?

- О нас с тобой.

Она почувствовала, что наступил конец всей этой сказке. Все понятно. Ее помощь больше не требуется, теперь он намерен повернуть все вспять и завершить их роман. Наконец наступил

момент, которого она ждала с самого начала, – он сообщит ей, что договор с компанией Тошида уже заключен, так что...

Конец спектаклю. Все окончилось скорее, чем ей хотелось бы. И в комнатах этого дома снова поселится эхо, когда она будет проходить по ним в одиночестве. Одиночество, ее проклятие...

Тот ужас, который она впервые почувствовала, узнав об его отъезде в Америку, охватил ее с новой силой. На душе было тяжело. Что-то неуловимо изменилось и в Расселе. В его поведении не было ничего враждебного, только рассеянная задумчивость.

– Не здесь, – прервал он вопросы, застывшие у нее на губах, и повел в кухню. – Давай сначала перекусим. Я чертовски голоден.

Она поплелась за ним, прислушиваясь к тому, как сердце отсчитывает последние минуты ее счастья. Он вытащил из сумки коробочки с едой, потом – несколько тарелок из серванта, жестом пригласил ее присоединиться и молча принялся есть.

Подождав какое-то время, она тоже последовала его примеру, безразлично пробуя какую-то непонятную еду оранжевого и зеленого цвета. Он предложил ей белое вино, а себе налил виски, но все это почти молча. Во время еды они лишь перекидывались короткими, ничего не значащими фразами. Разговора не получалось.

Несколько раз Ребекка хотела спросить, о чем он думает, но боялась начинать этот разговор. Непонятно, что может ее ожидать в будущем. Все валилось у нее из рук, ей казалось, что эта странная разноцветная еда не имеет никакого вкуса. Ребекка ощущала, как остатки энергии медленно вытекают из нее, как вино из бочонка, в котором кто-то оставил открытый кран. Она вдруг почувствовала себя безмерно усталой. Усталой, потерпевшей поражение и такой одинокой, что это испугало ее.

Рассел ел, не очень понимая, кипит ли его кровь от алкоголя или от горячечных мыслей. Последнее время Ребекка часто краснела, а это значило, он надеялся, что она тоже равнодушна к нему и не может больше притворяться, скрывая свои истинные чувства к нему.

Ребекка заставляла себя есть. Под его взглядом, скользившим по ее фигуре и вновь возвращавшимся к ее лицу, ей было неуютно. Ее загнали в угол.

– Каковы твои впечатления от последних недель? – неожиданно спросил он, закончив жевать.

Тяжело сглотнув, она проговорила хриловатым голосом.

– Все было прекрасно.

Она не могла смотреть на Рассела. Не осмеливалась. Ей не нужно было поднимать глаз, чтобы понять, что брови его насуплены, а в голубых глазах отражается смтение. Ему, должно быть, все же неловко сказать то, что он собирается.

Рассел лишь едва заметно кивнул, даже не сделав попытки поддержать разговор, и опять замолчал, принявшись за еду. Спустя какое-то время он взглянул на нее.

– Мне тоже понравилось.

Он выглядел необычайно серьезно, так серьезно, что даже пугал ее. Лучше бы он сказал все

это как бы между делом, в форме шутки, чем так разрывать ее сердце. Разве он не видит, что она вот-вот разрыдается? Зачем так тянуть?

Тотчас разыгралось ее буйное воображение. Она вдруг представила, сколько в мире красивых девушек, которые будут рады открыть Расселу Робертсу свои объятия, не ставя перед ним никаких условий, как только он вновь «окажется свободным».

Рассел вернул ее к действительности неожиданным вопросом:

- Послушай, Ребекка, почему бы нам не оформить все официально?

Ее сердце бешено заколотилось.

- Что?

То мгновение, пока он молча смотрел на нее, показалось Ребекке долгой и мучительной пыткой. Еще секунду назад, казалось, ее желудок ныл в предчувствии самого худшего, а сейчас он куда-то исчез, и было ощущение, что его просто не существует. Сердце билось так, будто собиралось разбудить всех спящих в округе. Вот так – из огня да в полымя.

- Я предлагаю тебе пожениться или, как еще говорят, создать семью. Да назови это как хочешь.

Он встал и стал убирать со стола, стараясь не смотреть на нее. Ребекка взялась ему помогать. Они вдвоем с завидной скоростью ставили тарелки в раковину, не касаясь друг друга даже взглядами. Он открыл горячую воду для мытья посуды. Ребекка принялась собирать салфетки и ложки.

- Ты ведь не можешь отрицать, что из нас получилась неплохая команда. Ты всем очень понравилась, даже моим самым привередливым партнерам. Ты их просто очаровала. Они не могли не заметить, что ты молода, полна сил и оптимизма. Все считают, что мы – весьма неплохая пара.

Господи, сам-то ты что думаешь? – так и хотелось крикнуть ей.

- Давай не будем забивать голову себе всякой ерундой вроде любви, ведь мы взрослые люди. – Его слова, казалось, падали острыми камешками прямо на ее обнаженное сердце. Почему бы ему просто не сказать, что он не любит меня, вертелось у нее в голове. – Подумай. Я не собираюсь тебя ни в чем ограничивать. Я не против твоих занятий живописью, тем более что ты теперь имеешь определенную репутацию в художественных кругах Франции. А я намерен уделять нашему парижскому филиалу больше внимания.

Он все еще не смотрел на нее, тщательно моя грязные тарелки и расставляя их на мойке.

Почему же ты не взглянешь мне в глаза, Рассел? Тебе что, стыдно за то, что ты превращаешь брак в деловую сделку? – печально думала она.

- Итак, слово за тобой, – сказал он, наконец взглянув на нее.

Здравый смысл подсказывал Ребекке, что она должна сказать «нет». Но тогда она потеряет его навсегда. Это казалось смертельным. Ребекка в душе боролась с собой... И не знала – одержала ли она победу, или потерпела поражение, когда кивнула в ответ:

- Дай мне подумать.

Уже четвертый час Ребекка не могла заснуть и ворочалась с боку на бок, представляя как, в каких выражениях она завтра откажет Расселу.

С первой слезой, что обожгла ее щеку, Ребекка поняла, что все – сегодня она не совладеет с собой. Годы, когда она держалась, притворяясь сильной, превратили ее в сосуд потаенных эмоций, который сейчас переполнился, несмотря на его глубину.

И она расплакалась. Она плакала по маме, по Питу и по себе, по тем годам, когда они были вместе, и по тем мгновениям, которые навсегда останутся у нее в памяти.

Она плакала по себе и по мечтам, от которых ей приходится отказываться. Ребекка плакала по той прекрасной страсти, которую вызывал только Рассел и которая исчезнет из ее жизни, как только он уйдет.

Господи, и как она ухитряется постоянно влипать в такие идиотские ситуации!

Помучившись еще немного, она поняла, что больше не выдержит, на цыпочках прокралась в комнату Артура и теперь, поджав под себя ноги, сидела на его кровати, изливая ему душу. Что бы она делала без него?

Ей вспомнилось, как еще в первые дни их знакомства ее удивил дар сострадания в столь молодом человеке. Их связывала близость особого рода – та, что возникает в процессе совместного преодоления трудностей.

Артур знал, как поддразнить ее, чтобы вывести из меланхолии, и просто умел выслушать, когда ей хотелось поделиться своими чувствами. Благодаря ему страшное, бескрайнее душевное одиночество казалось не таким ужасным.

В течение последних лет ее первым импульсом когда она сталкивалась с жизненными проблемами, было прислониться к плечу Артура и выплакаться, пока ей не станет легче.

- Самое худшее заключается в том, что я сразу ему не отказала. У меня просто язык не повернулся сказать «нет». А насколько мне было бы проще. Спала бы сейчас спокойно.

Она встала – дрожащая, но исполненная достоинства.

- Он ясно дал понять, что не любит меня, а я, вместо того, чтобы бросить ему в лицо отказ, что-то там лепетала о том, что подумаю. Какая же я дура! Артур, скажи, я совсем сошла с ума? Это нормально – так вести себя?

Никогда, никогда прежде Ребекка не ощущала себя более несчастной, брошенной и потерпевшей поражение. Она закрыла лицо руками и расплакалась бы опять, но больше у нее не было слез.

Она в который раз начала перечислять причины, по которым она не может, не имеет права принять предложение Рассела.

Этого не выдержал даже терпеливый Артур.

- Слушай, ты меня изводишь этим идиотским разговором уже... – Он взглянул на часы и зевнул. – Уже сорок минут, вместо того чтобы честно во всем признаться.

- В чем признаться? - изумленно уставилась на него заплаканная Ребекка.

- Тебе ведь хочется выйти за него замуж, несмотря на то, любит он тебя или не любит. Правда ведь?

Она посмотрела на него жалким взглядом, затем прижалась к его груди.

- Я полная идиотка. Разве я могла бы хотеть выйти за него замуж, если бы не была такой непроходимой дурой? Я ведь, как и любая нормальная женщина, хочу выйти замуж по любви. - Ребекка на секунду выпрямилась и постаралась принять горделивую позу. - Я хочу, чтобы передо мной становились на одно колено, говорили красивые слова и дарили цветы. Скажи мне, Артур, может, есть какие-то лекарства от глупости? Я выпью таблетку, и весь этот абсурд закончится. А может, я смогу убедить его, что я - единственная в своем роде и что он все-таки любит меня в глубине души?

Артур молчал. Он просто нежно гладил ее по волосам. Его ласка и дружеское участие постепенно успокоили ее. Она тоже не произносила ни слова, хотя в уме продолжала спорить сама с собой.

Она почувствовала, что начинает задремывать и собралась было уже уходить к себе, когда вдруг без всякого предупреждения дверь резко распахнулась, и Ребекка в изумлении вскинула голову. При виде Рассела ее глаза удивленно расширились.

Его глаза бешено сверкали, а лицо исказилось от ярости. Долгих десять секунд он молча смотрел на обнявшуюся парочку, пожирая их глазами, словно хотел убить взглядом. Ребекка в ужасе вскрикнула и вскочила с кровати, будто матрас под ней начал гореть.

Не говоря ни слова, Рассел развернулся и, с силой хлопнув дверью, вышел. Звук этого мощного хлопка еще несколько секунд звенел в ушах. Казалось, по комнате летают молнии, оставшиеся после его взгляда.

Ребекка взглянула на Артура, жестом прося друга остаться на месте, так как его первым движением было пойти вслед за ней.

Да, Артур был прав. Ей хотелось быть рядом с Расселом любой ценой, даже зная, что он не любит ее. Она готова была отдать ему всю свою любовь, ничего не требуя взамен.

Ребекка колотила в его дверь уже несколько минут, но он не открывал. Она судорожно дергала ручку двери, но та не поддавалась. Наконец девушка догадалась просто нажать на ручку, и она легко повернулась. Ребекка толкнула дверь...

Рассел стоял у окна, молча глядя в темноту, в которой невозможно было что-либо рассмотреть, и даже не пошевелился, когда она вошла. В комнате установилось гнетущее молчание. Внезапно он нарушил его.

- Когда? - было единственное, что он изрек при ее приближении.

Она хотела коснуться его плеча, но не решилась, настолько грозным он выглядел.

- Рассел, между нами ничего нет... - начала она тихим неуверенным голосом.

- Не лги. - Он говорил ровным, холодным голосом, в котором отсутствовали какие-либо эмоции. Он казался истуканом, вырезанным из одного куска дерева.

- Когда вам с Артуром пришел в голову этот план? Вы решили, что я женюсь на тебе и вы поделите мои деньги. Что, Артур уже растратил свое наследство? Вот поэтому тебе так хотелось стать моей любовницей?

У нее перехватило дыхание от несправедливости его обвинений. Как странно устроена жизнь! Она вспомнила те несправедливые слова, которые он бросал ей при их знакомстве, но сейчас его упреки были еще более обидными и несправедливыми.

Он наконец повернулся к ней, но на его лице нельзя было прочесть ничего. Оно было так же холодно, как и его голос.

- Я сразу почувствовал неладное, но вы так убедительно разыгрывали дружеские отношения, что даже я поверил вам!

Рассел ожег ее долгим свирепым взглядом. Его лицо исказила гримаса отвращения, и она отшатнулась, как будто он ударил ее.

- Ты не понимаешь...

- Что именно?

Его голос был полон разочарования, сарказма и таил какие-то непонятные ей угрозы.

Сердце Ребекки упало. Она смотрела на него, не зная, что сказать. Девушка понимала, что этим молчанием ставит крест на своих надеждах, но она не могла открыть ему чужую тайну.

- Ты не понимаешь, - опять прошептала она. Она хотела посмотреть ему в глаза, но он в негодовании отвернулся.

- Собирай вещи и завтра же уезжай из моего дома. Передай то же самое моему брату. Если вы еще хоть раз переступите порог этого дома, я вызову полицию. А теперь - уходи.

- Послушай... - В ее глазах появились уже иссякнувшие, казалось, слезы. - Пойми, мы с Артуром не любовники.

Она готова была умолять его, но слова застревали в горле.

- Потому, братец... - донесся негромкий голос из коридора. - Только потому, братец, что я - голубой.

Артур произнес это и сразу же исчез.

10

Казалось, бомба разорвалась в комнате.

Ребекка не знала, какой реакции ожидать от Рассела. Ярости, гнева, отвращения? Столько раз они с Артуром представляли сцену этого объяснения, но не могли даже предположить, что это произойдет именно так.

Однако реакция Рассела была совершенно неожиданной. Он был удивлен, но принял слова Артура спокойно. Ребекке сейчас хотелось, чтобы Артур остался и взглянул в глаза брата. В них не было ни ужаса, ни даже осуждения. Но он, открыв Расселу свой секрет, вылетел из комнаты и из дома как ветер. Они слышали, как он пробежал по ступенькам и хлопнул входной

дверью. Должно быть, умчался в свое поместье.

Рассел сел в кресло у окна. Казалось, что вся энергия, которая обычно кипела в этом незаурядном человеке, покинула его разом. Кресло было слишком мало для него, он вытянул ноги прямо перед собой, а руки свободно свисали с подлокотников. Со стороны это выглядело так, будто Гулливер сидел в кресле для лилипутов.

Ребекка заняла позицию в другой части комнаты, тихонечко примостившись на диванчике, который ей пришлось предварительно освободить от старых журналов и газет.

Следующие десять минут она только молча наблюдала за ним, оставив его во власти мыслей. Ребекка многое отдала бы, чтобы заглянуть в его голову и узнать, о чем же он думает, но сейчас ей приходилось довольствоваться только своими догадками.

Только когда он поднялся, ей вдруг пришло в голову, что она, может быть, здесь лишняя, может, ее присутствие мешает ему. Что, если ему хотелось побыть одному, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию, отношения с Артуром и еще многое другое?

Она неохотно встала вслед за ним, чувствуя неловкость оттого, что не догадалась уйти сразу же вместе с Артуром, а болталась здесь, как пятое колесо в телеге. Все недоразумения, которые она хотела объяснить ему, ворвавшись сюда четверть часа назад, после заявления Артура уже казались несущественными.

- Куда ты? - спросил он.

- Я думала, что, может быть... - пролепетала она, с трудом подбирая слова. - Я думала, может быть, тебе нужно... Может, ты хочешь побыть один... Я имею в виду, подумать о том, что сказал тебе Артур...

- Я уже подумал. Сядь, - сказал он на удивление спокойным голосом.

Она тут же подчинилась, как механическая кукла, а он подошел и присел на диван рядом.

- Нужно было сразу мне все рассказать, - задумчиво проговорил он. - Еще тогда, в самый первый раз, когда я обвинил тебя в том, что ты - любовница моего брата.

Софа, на которой они сидели, была рассчитана на двух человек небольших габаритов. Он положил руку на спинку дивана и кончики его пальцев почти касались ее волос. Его ноги были всего в нескольких сантиметрах от ее. Это было не самое лучшее место для ведения бесстрастных бесед на какие-либо темы, особенно когда большая часть ее мозга была парализована его соседством.

Комната была погружена в полумрак. Она освещалась только двумя ночниками, от этого атмосфера становилась еще более интимной и тем самым более опасной для ее нервной системы.

- Как я могла... Артур должен был сам все тебе рассказать.

- Теперь многое становится на свои места, - прошептал он, и его бархатный голос окутал ее словно покрывалом.

- О чем ты?

- Многое из прошлого. Почему мы с ним не поговорили раньше?
- Когда же вы могли поговорить? Ведь вы так редко общались друг с другом.
- Да, ты права, - вздохнул он с сожалением.
- Ты жил своей собственной жизнью, а он - своей, - проговорила она.

Рассел, к ее удивлению, не стал с ней спорить. Вместо этого он коснулся пряди ее волос, упавшей на лицо, чем привел Ребекку в замешательство, но прежде чем она смогла отодвинуться, он убрал руку, и она подумала - уж не приснилось ли ей это нежное прикосновение.

- О чем же вы говорили в такое позднее время? О наших с тобой отношениях?

Хорошо, что он не стал обсуждать заявление Артура. Позднее они, наверное, поговорят вдвоем, как братья, когда между близкими людьми нет тем, которые нельзя было бы затронуть. Но сейчас его, видимо, больше беспокоило другое. Она попыталась возразить с былым негодованием.

- Такого понятия как «наши отношения» не существует.
- Еще как существует. Не стоит отрицать очевидное.

Лучше бы он говорил своим обычным голосом, а не этим низким доверительным шепотом, который завораживал и опьянял ее. Он опять коснулся ее волос мимолетным, почти неуловимым жестом, и ее лоб еще долго хранил ощущение его пальцев в том месте, до которого они дотронулись.

- Ну, если вы говорили не о нас, так о чем же? О чем таком важном, что оно не могло подождать до завтра? - пытался выяснить он, не давая ей передышки.

Она быстро посмотрела на Рассела, но не смогла выдержать его пристального взгляда и отвела глаза.

- Мы говорили об искусстве.
- В такое время? - Он недоверчиво засмеялся. - Расскажи это кому-нибудь другому.
- Ты, Рассел Робертс, не являешься центром Вселенной, как это ни прискорбно для тебя, - вспыхнула она. - Темой разговора могут быть самые разнообразные предметы, к которым ты не имеешь никакого отношения.

Несмотря на ее язвительный тон, он продолжал улыбаться, и ей захотелось сказать ему что-нибудь гадкое, чтобы стереть эту улыбку с его лица. Она могла только догадываться, что он думал о ней - эмоционально неустойчивая женщина настолько обезумела от страсти к нему, что бросилась изливать его брату свою душу, не в силах дожидаться утра. Впрочем, так оно и было.

- Интересно, а ты почему это не спишь в такой час, а врываешься в чужие спальни? - язвительно спросила она. - Это, случайно, не приступ ревности?

Внезапная краска, залившая его лицо, была ответом на ее вопрос. Ребекка сразу же замолчала, понимая, что ступила на опасную территорию. Но эта тишина, заполнившая комнату, была так

же тревожна, как и пугающая близость Рассела.

- Честно говоря, ты совершенно права. - Он смотрел на нее так, как будто хотел выпить ее глазами. Так, как будто она теперь безраздельно принадлежит ему. Ребекка была не вполне уверена, что это ей нравилось. Чувство собственника имеет много общего со страстью, но не с любовью. - Я был просто вне себя от бешенства. Мне хотелось разорвать Артура на части.

Она поежилась от диких эмоций, прозвучавших в его голосе. Нет, она не даст себя уговорить. Она попыталась приказать себе прислушиваться в первую очередь к разуму, но тепло, разливавшееся по всему ее телу, явно свидетельствовало о том, что у него, этого своевольного тела, как всегда, было свое мнение на этот счет.

Ребекка нервно облизала губы, отвела глаза и опустила свой взор на ковер - самое безопасное место, не вызывающее никаких эмоций.

- Ревность - нездоровое чувство, - прошептала она.

- Но я ведь не последовал своим инстинктам, ты должна оценить хотя бы это.

И вот опять. Опять он гладит ее волосы. Она немного отодвинулась, но его пальцы последовали за ней, и ей не хватило духу снова отстраниться, ведь в глубине души ей нравилось, как он касается ее.

- Ты бы знала, какое облегчение я испытал, когда Артур сделал свое заявление. - Он засмеялся. - Первая мысль, которая пришла мне в голову, была «Слава Богу!». Потому что я больше всего на свете боялся потерять тебя.

Он опять перешел на чувственный шепот.

- Посмотри на меня, мне вовсе не нравится говорить с твоим профилем, каким бы очаровательным он ни был.

- Зачем ты играешь со мной? - сказала Ребекка, поднимая на него глаза.

Он тихо засмеялся, как будто она сказала что-то забавное.

- Нет, что ты. Но если ты хочешь, я могу попробовать.

Не ожидая ее ответа, он обернул прядь ее волос вокруг своего пальца и нежно потянул к себе, затем нагнулся и провел языком по ее губам.

- Вот теперь я играю. Тебе нравится?

А ей-то казалось, что он оставил свои попытки затащить ее в постель, что он уважает принятое ею решение и пользуется своим обаянием только в силу обстоятельств. Теперь она поняла, что он просто поджидал подходящего случая.

Его пальцы скользили по ее щеке, затем спустились к подбородку, исследовали ключицу и задержались у выреза ночной рубашки.

- Не нужно так бояться. - Голос его был низким бархатным и обезоруживающе нежным. - Перестань отгораживаться от меня.

- А почему бы тебе не задуматься о том, что у других людей тоже могут быть чувства? -

жалобно спросила она.

- А разве я не об этом же говорю?

Ребекка почувствовала смущение. Ей вовсе не нравилось, как он смотрел на нее - как будто знал что-то такое, что было ей не доступно. Его рука теперь исследовала новую территорию - ее колено, лишь частично прикрытое футболкой, которая служила ей ночной рубашкой.

- Последние несколько недель я потакал твоим капризам, но сейчас пришло время поставить все на свои места.

- Ты потакал моим капризам? - воскликнула она, вне себя от гнева.

Однако ее колено, убаюканное его мягкими движениями, казалось, жило своей отдельной жизнью. Он опять погладил его, не отрывая от нее своего пристального взгляда. Ребекка взглянула на него в ответ без всякого выражения, стараясь не выдавать чувств, поднимающихся в ней.

- Я хотел, чтобы ты сама разобралась со своими проблемами.

- С моими проблемами?

- Не повторяй все, что я говорю, а то ты становишься похожа на попугая.

- Тогда ты выражайся яснее, - рассердилась она. - Я совершенно не понимаю, что ты имеешь в виду. Что это значит - «Я хотел, чтобы ты сама разобралась со своими проблемами»?

- Я знал, что ты не готова к серьезным отношениям. - Он сказал это медленно, а тем временем его рука поднялась немного выше ее колена, и она почувствовала, как у нее перехватило дыхание. - Я это понял сразу, как только увидел тебя, и чем больше я тебя узнавал, тем яснее мне это становилось. Какая-то часть тебя хотела быть со мной, а другая - ужасно хотела убежать. Когда ты рассказала мне о том, что случилось с твоим братом, я понял, в чем причина этого.

Откуда он все это узнал? Ведь она никогда ему об этом не рассказывала. Но внутренний голос где-то там внутри прошептал - просто он тебя понимает.

- Давай закончим этот разговор, - произнесла она тихим неуверенным голосом, который он, казалось, вовсе не услышал.

- Я хочу узнать твое решение. Собираешься ты выходить за меня замуж или нет? Если мы поженимся, то я останусь здесь, но мне нужно решить некоторые вопросы, связанные с работой.

- Но почему ты выбрал именно меня? - спросила она, как ей показалось, достаточно искусно уклоняясь от ответа. - И в Париже, и в Сан-Франциско полно молодых девушек, которые с радостью согласятся играть роль хозяйки на твоих домашних вечерах. Походи и подбери себе кого-нибудь.

- Дело в том, - доверительно сообщил он, - что мне совершенно не хочется быть ни с кем из них. Мне хорошо в постели только с тобой, как я вдруг обнаружил.

- Ну вот, опять мы пришли к тому, с чего начали, - оцетинилась она.

- Все нет, мы пришли к предложению брака. Так ты выйдешь за меня?

- Только потому, что тебе хочется лечь со мной в постель? Ты очень щедр. Ты готов платить такую цену только за то, чтобы переспать с кем-то, кто надоест тебе через несколько месяцев? - Ребекке хотелось наказать себя за то, что ей так хочется принять его предложение, хотя ее внутренний голос убеждал ее, что из этого не выйдет ничего хорошего.

- Все не такая большая цена за женщину, которая любит тебя.

От его замечания она вздрогнула, поспешно освободила от его руки свое разомлевшее колено и нервно натянула на него рубашку.

- С чего это ты взял, что я... - Она выдавила из себя смешок. - Ты что, с ума сошел?

- Признайся честно, дорогая.

- Ты похож на шулера, который прячет в рукаве козырную карту, - выкрикнула Ребекка, быстро вставая на ноги. Она постаралась поскорее отойти подальше, натываясь на мебель, но не отрывая глаз от него. - Ты уверен в том, что всегда сможешь получить то, что захочешь? Послушай меня. Да, я люблю тебя, и именно поэтому я не собираюсь спать с тобой и уж совершенно точно - не собираюсь за тебя замуж.

Все ее прежние решения были забыты. Чувствуя себя униженной и разгневанной, она теперь даже и представить не могла, как она могла раздумывать о том, принимать его предложение или отказать. Должно быть, она совсем сошла с ума.

- Ты большой специалист в этом, да? Соблазняешь женщин, и они по уши в тебя влюбляются. - Она перевела дух и скрестила руки на груди. - Лезешь в душу до тех пор, пока женщина не может думать ни о ком, кроме тебя, а потом выбрасываешь ее как старую туфлю. Это придает твоей жизни остроту ощущений?

Она кричала так громко, что ее голос, должно быть, разносился по всему дому, и если бы Артур не убежал, то сейчас бы он непременно ворвался в комнату с мыслью, что здесь совершается убийство. Но она ничего не могла поделать с собой. Она не могла справиться со своими эмоциями, которые были такими дикими и сильными, что она не смогла бы говорить более тихим голосом, даже если бы и захотела.

Рассел поднялся и подошел к ней. Она тут же вспомнила, что в детстве они с Питом любили драться на кулачках. Пусть только попробует посмеяться над ней, тогда он узнает, с кем связался. Она сжала кулаки, и все мышцы ее тела напряглись.

Неожиданно он улыбнулся спокойной нежной улыбкой, к которой она отнеслась с двойным недоверием, хотя ей так и захотелось открыться ему навстречу. А потом он обвил ее руками и прижался щекой к ее волосам.

- Вот за это я люблю тебя больше всего. Люблю... Ты такая неожиданная, хрупкая и страстная. В тебе еще много всего намешано, но я просто не могу выразить это словами, - прошептал он ей на ухо.

Расселу казалось, что с его сердца свалился огромный камень. Да, он наконец сумел признаться самому себе, что любит Ребекку. Он мечтал прикоснуться к ней, увидеть ее улыбку, приласкать и вдохнуть ее запах.

Какое-то мгновение она стояла смирно, а затем запротестовала высоким срывающимся голосом:

- Я тебе не верю.

- Обними меня, любовь моя.

Она положила ему руки на плечи, но с некоторым колебанием.

- Все равно не верю.

Но, может, она все-таки ошибается? Он ласково гладил ее по волосам, и она почувствовала прикосновение его губ к своей макушке.

- А почему ты сразу не сказал мне о своей любви, - спросила она недоверчиво. - Почему заставил терзаться и мучиться?

- Я боялся, вдруг ты опять обвинишь меня в том, что я это говорю специально для того, чтобы уложить тебя в постель или уговорить выйти замуж... Ты ведь и сейчас так думаешь, да?

Он на секунду отодвинул ее от себя, чтобы взглянуть в ее глаза. Его захлестнуло желание защищать эту женщину, которая так потрясла его. Он готов был сделать все, что в его силах, чтобы оградить ее от любых неприятностей.

- Я думаю, что влюбился в тебя еще до того, как мы поехали в поместье, хотя и не признавался себе в этом. В холостяцкой жизни много приятных моментов, и я не хотел оставлять ее без боя. Но я никогда не представлял себе, что буду так увлечен женщиной, что стану делать все возможное, чтобы удержать ее. Я чувствовал, что не безразличен тебе, но боялся, что ты сбежишь, как только: тебе представится удобный момент. Поэтому действовал аккуратно и осторожно.

Ребекка чувствовала теперь, что абсолютно счастлива. Она не испытывала такого никогда еще, но надеялась, что привыкнет к этому состоянию без особого труда.

- Я не торопился с признанием в любви, потому что во мне жил какой-то подростковый страх, что ты мне откажешь. Когда ты сказала, что собираешься съехать из нашего дома, как только мы вернемся в Париж, я был до того напуган, что сделал совершенно невероятную вещь. Всю свою жизнь я избегал газет и газетчиков, старался сохранить свою частную жизнь от их вмешательства. А тут я позвонил одному знакомому журналисту и сказал ему, что я помолвлен.

- Не может быть...

Она была так поражена услышанным, что не могла прийти в себя.

- Я был в отчаянии и тянул время. Мне хотелось узнать, что же на самом деле ты чувствуешь ко мне. Я надеялся, что ты тоже разберешься в своих чувствах.

Ребекка увидела в его глазах свое отражение, в глазах, которые когда-то казались ей темными и таинственными. Теперь же она видела в них только теплоту и горячее, отчаянное желание.

Он провел рукой по ее волосам, пропустил прядки между пальцами, потом вдруг сжал их в кулак и откинул ей голову назад. Желание настигло его так внезапно и было таким острым,

что у него вырвалось яростное проклятие за мгновение до того, как он прильнул к ее рту.

В этом поцелуе не было теплоты и нежности. Только жажда. Жажда настолько сильная, желание настолько жгучее, что они оба были потрясены.

- Боже милостивый, - пробормотал он, прижавшись губами к ее шее. - Я хочу тебя, Ребекка. Сейчас.

Его руки потянулись к ее рубашке. Он хотел быть нежным, но время нежности прошло. Тонкая ткань рвалась под его нетерпеливыми руками, но ему было уже все равно. Его губы следовали за неумными пальцами, пока он стаскивал ее одежду, обнажая молочно-белое тело.

Рассел услышал, как ахнула Ребекка, и почувствовал, как и ее пальцы рванули пуговицы его рубашки. В дрожащем свете ночника она была так прекрасна, что у него перехватило дыхание. Он осыпал горячими поцелуями ее поднятое к нему лицо и слушал тихие стоны отчаяния, пока она пыталась до конца раздеть его. Их пальцы переплелись, они вместе принялись за его одежду, которая в конце концов оказалась на полу.

Губы Рассела впивались в ее рот, требовательные, властные. С каждым новым поцелуем он заставлял ее отступать, и она отдавалась наслаждению от его прикосновений.

Ребекка со стоном прошептала его имя. Рассел опустил ее на ковер и лег рядом. Желание овладеть ею здесь и сейчас жгло его, как лихорадка. Но когда ее губы доверчиво потянулись к нему, он поклялся действовать помедленнее, насладиться каждым драгоценным мгновением, проведенным вместе с ней.

Он начал исследовать ее тело губами и кончиками пальцев, а она лежала, мягкая и податливая, под ним. Купаясь в блаженстве, она вздыхала, когда он медленно проводил пальцами по ключице и потом повторял тот же путь губами. Спускаясь ниже, он обвел губами нежную грудь, охватил ее ладонью, а потом попробовал языком сосок.

Рассел пировал, словно умирающий с голоду на нечаянном банкете, но чем больше насыщался, тем больше его мучил голод. Он понял, что никогда ею не насытится.

Тело Ребекки пылало. С каждым прикосновением, с каждым движением его рук и губ она чувствовала, как вздымается внутри язык пламени, растет желание, пока всю ее не поглотил огонь.

Он услышал ее короткий вскрик, и рот его скользнул ниже, потом еще ниже, пока он губами, языком и кончиками пальцев не довел ее до первой вершины.

Ребекка выгнулась дугой, пальцы ее сжимали одежду, беспорядочной грудой лежащую под ней, глаза затуманились страстью. Жар пожирал ее тело. Сотни неизведанных ощущений пробегали по нему. Эти чувства были такими новыми, такими неожиданными... Он не дал ей времени прийти в себя и снова повел к головокружительной высоте.

В его объятиях она слушала симфонию наслаждения, заглушающую все звуки мира.

Рассел накрыл ее губы своим ртом, а тело - своим телом, остановив пробежавшую по нему дрожь. Ребекка, задыхаясь, выгнулась под ним, ее тело молило о завершении. Но он все еще ждал, твердо решив довести ее до того же безумия, которое пожирало его самого.

- Пожалуйста, Рассел, - задыхаясь, прошептала Ребекка. - Люби меня. Сейчас.

Но он повел ее еще выше. Он хотел заставить ее потерять последние крупы самообладания. Ему необходимо было сделать ее своей до конца.

Ее пальцы вцепились в его спину, ногти вонзились в тело... А он продолжал подводить ее все ближе к краю безумия, не давая того освобождения, к которому она стремилась.

Кожа Ребекки стала влажной от пота. Жар струился из ее тела к его телу. Он услышал ее мольбу, хотя слов уже нельзя было разобрать.

Она принадлежит мне, подумал Рассел, поднимаясь над ней. Мне! Он точно знал, что ни один мужчина еще не доводил ее до таких высот.

- Скажи мне, Ребекка. Скажи, что хочешь меня.

В тусклом свете лицо ее было скрыто тенью. Ее глаза открылись. Они были затуманены страстью, веки отяжелели от желания.

- Хочу, Рассел. Я тебя хочу. Только тебя. Всегда!

Желание раздирало его. Он больше не мог ждать.

Когда он овладел Ребеккой, то был поражен ее силой. Она окутала его собой, двигалась в том же безумном ритме, поднималась вместе с ним все выше и выше, пока они не прикоснулись к звездам, которые рассыпались миллионами сверкающих искр.

## ЭПИЛОГ

Что за изумительная ночь! Их разговор утихал и возобновлялся вновь, словно морской прибой. Они разговаривали друг с другом по-новому, забыв про сдержанность и притворство, про поддразнивания, которые раньше маскировали их взаимное влечение. Ребекка задавала Расселу бесчисленные вопросы о его жизни, с удивлением обнаружив, как ей это интересно.

Ребекке и Расселу казалось, что перед ними распахнулся невидимый занавес и открылся новый, незнакомый мир, щедро, как из рога изобилия осыпавший их неведомыми прежде радостями. Волшебным образом с них слетело все наносное, и они снова превратились в любопытных детей.

Всю ночь они узнавали друг друга свободно и самозабвенно, что доступно только истинно страстным любовникам. Они поочередно становились то грубыми, то нежными, открывая для себя новые, неизведанные источники наслаждения. Один раз она разрыдалась, но его тревога развеялась, когда она сказала, что просто ее переполняют новые незнакомые ощущения.

Ребекке казалось, что каждая клеточка ее тела ликовала от счастья. У нее было такое ощущение, что между его и ее кожей не существует никакой преграды, как нет ее между их мыслями и душами. Ничего подобного она в прошлом не испытывала - чувство блаженства и радости было всеохватывающим, абсолютным.

Она легонько поцеловала его в уголок рта и прошептала:

- Это и называется блаженством, да?

- Это называется любовью, - шепнул он в ответ и снова принялся ее ласкать.

Но Ребекка, рассмеявшись, удержала его руки.

- Дорогой, - сказала она прерывающимся от волнения голосом, - не остановишься ли ты хоть на минуту, чтобы я могла принять твое предложение?

Рассел почувствовал огромное облегчение, ему очень хотелось тут же обнять ее и расцеловать. Однако он не мог удержаться, чтобы немного не подурчиться.

- Предложение? - переспросил он с постной миной. - О каком предложении идет речь? Ах, да! Мне нужна добрая женщина, желательна миловидная, которая стирала бы мне носки, готовила обед и содержала в порядке дом...

Жаркий поцелуй Ребекки не дал ему закончить перечень требований. Тогда он сел и достал из кармана рубашки, смятой их жаркими телами, маленькую бархатную коробочку.

- Похоже, я все делаю задом наперед.

Он поднял крышку коробочки, в которой лежало необыкновенной красоты кольцо из белого золота с большим круглым бриллиантом и двумя продолговатыми, поменьше, обрамляющими центральный камень. Все три бриллианта были оправлены в желтое золото.

Рассел взял руку Ребекки и надел кольцо ей на палец.

- Я хочу, чтобы ты носила это, любовь моя. Не ради обмана. Я хочу, чтобы ты носила его, как моя жена. Сейчас и всегда, до конца наших дней.